

ЗАЩИТИ РЕБЁНКА!

16+

Дети и школа

ЧТО ПРОИСХОДИТ СО ШКОЛАМИ
В УСЛОВИЯХ «ОПТИМИЗАЦИИ»?
ГДЕ И ЧЕМУ УЧИТЬ ДЕТЕЙ?
КАК ЛЕЧАТ В ПРОВИНЦИИ?
ЧЕМ ПОМОЧЬ РЕБЕНКУ-ИНВАЛИДУ?
КАКИЕ КНИГИ ЧИТАТЬ ДЕТЯМ?

Дорогие единомышленники!

Невозможно примириться с тем, что наши дети – любознательные, умные, трудолюбивые – находятся сейчас в состоянии шока «между небом и землей». Они понимают, что в этой ситуации должны, как взрослые, защищать свое настоящее и будущее от так называемых *«реформ»* министерства образования (*сэкономить якобы что-то!*).

А вот в последнем номере нашего журнала вы прочтете о реакции на происходящее блестящих российских ученых, педагогов и их юных последователей. Ведь к ним вломился слон из посудной лавки, и сейчас сражаются с ним те самые – талантливые и целеустремленные – подростки!

Блистательные умы России (а они частично еще здесь, *но надолго ли?*) строили грандиозные планы, выращивая для общества бесценный детский творческий потенциал.

Но как-то «между делом» *власти* сами перекрыли кислород: принялись урезать все, что необходимо им. Самым приятным занятием для них было кромсать драгоценную структуру хорошо налаженных школ, их программ, их образа жизни (*экономя, заметьте, на детях*).

И, пожалуй, самое страшное последствие этих событий – потеря уверенности в себе, в учителях, в родителях, в собственных силах, в жизни, наконец! А это ведь тонкая материя. Вся с любовью выстроенная для детей творческая база зашаталась, детские руки опустились, надежды на новую жизнь начали гаснуть. Давайте все-таки заставим общество приостановить это падение!

Главный редактор Галина Борисовна Рыбчинская

Ежеквартальное издание
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-39907

Главный редактор
Г. Рыбчинская

Зам. главного редактора
М. Кузьмицкая

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Э. Памфилова
уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации

В. Зубенко
начальник Управления по правам ребёнка
при Уполномоченном
по правам человека в РФ

Б. Альтшулер
председатель правления РОО «Право
ребёнка», первый заместитель
председателя комиссии по социальной
политике, трудовым отношениям и качеству
жизни граждан
Общественной палаты РФ

М. Гордеева
председатель правления
Фонда поддержки детей, находящихся
в трудной жизненной ситуации

А. Головань
исполнительный директор
Благотворительного центра
«Соучастие в судьбе»

Е. Воронова
судья Ростовского областного суда

Е. Бунимович
Уполномоченный по правам ребёнка
в г. Москве

литературный редактор и корректор
Н. Малыхина
дизайн и вёрстка
Благотворительный фонд
«Родные люди»

ПИШИТЕ НАМ:

117437, г. Москва,
Профсоюзная ул., 116-3-31

protectachild.magazine@gmail.com

Тел.: (495) 336-93-23, (495) 722-06-62
www.protectachild.ru

Отпечатано в типографии
«ЭксПресс»

Фото на обложке: © Olesya Tseytlin / Фотобанк Лори

Подписной индекс **37298** по каталогу Роспечати

Срок публикации присылаемых материалов не оговаривается.
Мнение редакции может не совпадать с мнением, высказанным автором.

ЗАЩИТИ РЕБЁНКА!

№ 4, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ

Умные, что ли? <i>Эльвира Горюхина</i>	2
Марш оптимизаторов <i>Ксения Кнорре-Дмитриева</i>	6
Хоумскулинг: исповедь многодетной мамы <i>Ольга Юрковская</i>	10
Благотворительная акция «Подарок школьнику» <i>Валентина Сорокина</i>	17
А и Б сидели на трубе <i>Ирина Ясина</i>	18

ПСИХОЛОГИЯ

Когда война приходит в дом <i>Ксения Кнорре-Дмитриева</i>	13
Депрессию необходимо лечить <i>Андрей Бильжо</i>	15
Школьный изгой на тропе войны <i>Катерина Мурашова</i>	21
Успеть в этой жизни. Что внести в список? <i>Катерина Мурашова</i>	23
Кто на новенького? <i>Елена Беркович</i>	60

ДЕТИ И ГОСУДАРСТВО

Есть в России регионы, где детей не считают за детей... <i>Евгения Гатаулина</i>	25
Вертикаль <i>Валерий Панюшкин</i>	27
Российские власти превращают сирот в бомжей	34
Униженные и беззащитные <i>Мария Эйсмонт</i>	35

ДЕТИ, ОБЩЕСТВО И «ОТДЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ»

Кого акула не проглотила <i>Екатерина Фомина</i>	28
«Все-таки Бог есть – к доктору хорошему попали» <i>Наталья Чернова</i>	36
Нежная кожа <i>Елена Ванина</i>	39
Светино счастье <i>Лариса Саенко</i>	40
В гостях у семьи Ромо-Маурейро: как социальный патронат подарил семью 40 детям <i>Евгения Ганатулина</i>	43
Не разлей вода <i>Митя Алешковский</i>	48
Приемные семьи получают поддержку в воспитании детей	50
Национальное бедствие и личная беда <i>Иван Давыдов</i>	51

ТВОРЧЕСТВО

Волшебный папоротник <i>Анна Ковальчук</i>	54
--	----

ВАМ, РОДИТЕЛИ!

Положительные герои учат честности лучше, чем страх наказания <i>Илья Носырев</i>	56
Детское чтение: 10 лучших книг <i>Елена Тюленева</i>	58

Умные, что ли?*

Эльвира Горюхина
Обозреватель «Новой газеты»

ФОТО: ВИКТОРИЯ ОДИССОНОВА

Уникальную школу «Интеллектуал» департамент образования Москвы уничтожает посредством «слияния и поглощения»

Мы, ученики школы-интерната «Интеллектуал», обращаемся к Вам за поддержкой...

...В первую очередь урезание финансирования коснулось школ для детей с особыми образовательными потребностями, коррекционных школ и школ для одаренных детей...

...Слияние для нашей школы неприемлемо, так как за ним неизбежно последует снижение качества образования – пропадут кружки, специальные группы, специальные курсы, продвинутые группы. «Интеллектуал» перестанет быть той школой, в которую мы поступили, которую мы знаем и любим.

...Мы хотим, чтобы «Интеллектуал» финансировался не хуже, чем другие столичные школы. Мы не просим больше, чем получают другие.

...Не допустите исчезновения таких школ, как наша. Не допустите исчезновения «Интеллектуала».

Подписавшие: Абдуллаев Руслан, 10-й класс, Агальцова Полина, 10-й класс, Аристова Мария, 10-й класс, Будкина Надежда, 9-й класс.

Это фрагменты письма учеников школы «Интеллектуал» Президенту РФ В.В. Путину, премьер-министру Д.А. Медведеву, министру образования РФ Д. Ливанову, мэру Москвы С.С. Собянину.

Итак, как раз к началу учебного года школе «Интеллектуал» сократили финансирование до такой степени, что перспектива стать банкротом замаячила повсюду. Единственная возможность остаться на плаву – дать согласие на присоединение к себе школы, находящейся в территориальной близости. Это присоединение или, как в обиходе говорят, слияние, уже произошло. Произошло с такой скоростью, что все попытки коллектива обратиться за спонсорской помощью уже не имели смысла.

Присоединение произошло вопреки желанию коллектива учителей, родителей и Управляющего совета школы. Ситуация усугубляется тем, что апеллировать к закону «Об образовании» бесполезно. В нем говорится о школах для учащихся, проявляющих способность к наукам, в общих словах. Как точно заметил учитель обществознания Алексей Макаров, общие места закона не имеют подзаконных актов. Не прописан механизм реализации тех учреждений, существование которых в законе только продекларировано.

Школа замерла в ожидании последующих действий. Одна мысль, что создаваемое годами уникальное и по содержанию, и по формам организации детской жизни учебное заведение может подвергнуться разрушению, не дает покоя. **Надо что-то делать!** Что?!

И я иду в школу.

Сию на уроке математики в пятом классе. Задача: «Два человека идут навстречу друг другу. Один из пункта А, другой из пункта Б...»

О господи! Кто же не помнит этих навязших в зубах пешеходов. Но здесь решение задачи превращается в такую интеллектуально-эмоциональную феерию, что дух захватывает.

Строятся графики, сложность которых мне не осознать никогда. А у доски тандем. Учитель Яков Абрамсон и Аня Левандовская (11 лет). Да, тандем! Разговор на равных. Сколько же этих учительских слов-стимулов:

«Непонятно», «Опять непонятно», «А сейчас будет нечто шикарное», «Нет, я совсем не знаю», «Делай, как знаешь», «А что, если это не так?», «Если нам это удастся получить, то...», «Минус двенадцати у нас быть не может, ну никак», «У меня есть сомнения, все ли у нас правильно?», «Ой, она же права!», «Все! Въехали!»

* Публикуются фрагменты

...Обращается к ученику на первой парте: «Платон, ничего неправильного нет в том, что ты делаешь с задачей. Ты это должен знать. Просто слегка запутался».

И вот перед тобой на доске наглядно предстает весь ход решения задачи со всеми возможными поворотами. Процесс решения прерывается обращением к классу: «Что непонятно?», «Кому не ясно, как все шло?»

Непонятное и непонятое здесь не только допускаются. Они естественны, как во всякой напряженной умственной работе. Решение задачи становится событием личной жизни. Восторженный взгляд учителя: «Мы открыли! Мы решили!» – как будто он сам впервые встретился с решением этой задачи. «Урал впервые!»

Это не искусственные учительские ужимки. Это всерьез! Это и есть радость познания. Главная фишка той школы, в которой я нахожусь. <...>

Результатом системы обучения в школе является мощная рефлексивная деятельность ребенка. Способность самостоятельно осознавать путь своего движения к знанию. Возможно, это и есть одно из главных достижений школы. <...>

Итак, повторюсь, я в школе «Интеллектуал», дети которой знают одну, но пламенную страсть: **они хотят учиться.**

Можно ли назвать эту устойчивую мотивацию одаренностью? Порождает ли одаренность мотивацию? Каково здесь соотношение?

Создатели знаменитых физико-математических школ были очень осторожны с понятием «одаренность». И мы не станем им щеголять.

Запомним: в «Интеллектуале» у детей именно эта неистребимая любовь к творчеству, о которой говорил ученый.

* * *

Уникальность школы «Интеллектуал», созданной выдающейся личностью, Евгением Маркеловым, в том и состоит, что школа отвечает на возросшую познавательную потребность учащихся. Профильное обучение начинается с 10-го класса.

Мой новый друг Егор Антощенко из Муромы. Выбрал помимо профильных предметов и углубленное изучение литературы, потому что там замечательная учительница Ирина Лукьянова. Он в течение пяти лет посещал знамени-

тые летние школы при «Интеллектуале». Они позволили ему определиться.

В летние школы поступают дети из разных мест, начиная с Якутии и Камчатки. Бывали из Южной Кореи и Сингапура. Раньше эти школы были бесплатными. Мне рассказывают об этих школах учитель Яков Абрамсон и заместитель директора школы Илья Николайшвили, облаченный в черную футболку, на которой белым по черному начертано: «Осторожно! Физик!»

Выпускник МГУ, работавший со студентами, он понял, что надо идти в школу. Именно здесь начинается великое дело. Учителя вспоминают ребят из чебоксарских школ. Глубокие знания, интерес к науке и высокая работоспособность.

Изучение предметов имеет три уровня сложности: базовое, среднее, углубленное. Степень углубления в

в каком бы классе они ни создавались. Помнят ошибки и достижения. И каждый раз эмоционально сильным эхом звучало имя учителя, наставника, друга. Не проводника в мир знаний, а сотрудника в общем деле. <...>

Школа открыта Жизни. Если снимается фильм, он, как правило, связан с социальной действительностью. Любой проект (а это основное средство обретения собственно научных навыков) ценен именно тем, что он соотносится с нашим бытием, актуальным развитием мировой науки. И не всегда бывает важно, терпишь ты неуспех или одерживаешь победу. Важна проба сил и понимание задач, стоящих перед наукой. Неудаче ты тоже благодарен. Так научаются **собственно жизни.** <...>

...Когда ученых МГУ спросили о подготовке выпускников московского интерната (1967 г.), примечательное

Нам нужно позаботиться о том, чтобы заинтересовать и привить неистребимую любовь к творчеству. Главнейшим в творческой деятельности является способность непрерывно трудиться.

М.А. Лаврентьев

предмет может варьироваться. Есть ученики, которые обучаются по индивидуальному плану. Обилие спецкурсов, кружков, различных дополнительных занятий позволяет осознать свои возможности.

Скажу правду, все, что я узнала о школе, исходило только от детей. Возможно, **атмосфера**, созданная в школе, и есть наивысшее достижение «Интеллектуала». Я уж не говорю о том, что каждый ученик, встретившийся тебе на пути, готов ответить на любой вопрос, тебя интересующий. Эта внутренняя готовность к общению, бескорыстная трата своего внимания на другого – как же формируется это драгоценное человеческое свойство?

Смею полагать, что вытекает это из того способа обучения, где он, ребенок, есть **субъект** обучения. Главное **Лицо**. Они помнят и с особенным азартом рассказывают, как проходили отбор в школу и что это была за пробная неделя обучения. Помнят свои проекты,

суждение высказал профессор А.Б. Шидловский. Он считал, что следует больше уделять внимания развитию общей культуры: «В последствии односторонность отрицательно скажется на успехах».

Вот что понял Евгений Маркелов: **общая культура – фундамент любой профильной подготовки.** <...>

В эти дни, когда над школой ступили тучи, у многих возникает один и тот же вопрос: как бы себя вел в этой ситуации создатель школы?

Абсолютно непонятно, почему «Интеллектуал», как и ряд других школ, бьется в одиночестве. Речь идет не только о профессиональном сообществе. Почему молчит научная общественность? Речь идет о той самой поросли, которая через несколько лет может занять место в научных лабораториях.

...Когда в хрущевские времена готовилась реформа средней школы, в дискуссию о судьбе школы включи-

лись выдающиеся ученые. Начал дискуссию лауреат Нобелевской премии Н.Н. Семенов. Неоднократно выступали в центральных газетах А. Сахаров, Я. Зельдович, П. Капица, М. Лаврентьев, С. Соболев, А. Колмогоров, И. Кикоин и другие. Какие имена!

«По-видимому, существовал, в хорошем смысле, «заговор академиков», определенно согласовавших свои действия», – так считает член-корреспондент РАО А. Абрамов.

Есть любопытный документ, направленный в ЦК КПСС. Это ходатайство о безотлагательном создании специализированных физико-математических школ. Он подписан руководителями четырех отраслей промышленности: радиотехнической, радиоэлектронной, авиационной и оборонной. Министры считали, что требуется «высококачественная подготовка молодых специ-

А теперь о начальствующих лицах. Обратимся к письму начальника Западного окружного управления Т.Ю. Бариновой руководителю департамента образования города Москвы И.И. Калине.

Рассматривается семь факторов целесообразности присоединения к школе «Интеллектуал» гимназии №1588:

«1. Расширение образовательных возможностей в рамках создаваемого комплекса». О каком расширении может идти речь, если концепция и педагогическая технология учреждения, к которому присоединяется гимназия, касается **определенного** контингента учащихся.

То бишь одаренных детей.

«2. Оптимизация штатного расписания...»

Штатное расписание школы «Интеллектуал» строго соответствует тем

Как просчитывались возможные **последствия** соединения несоединимого?

В письме есть два фактора, которые не вызывают никаких сомнений. Это: «объединение материально-технических ресурсов зданий» и то, что загадочно называется «аккумуляцией финансовых средств». Может, ради этих двух факторов и начиналась вся эта затея?

Удивительной в письме является следующая фраза: «Реорганизация вышеназванных организаций поддерживается педагогическими коллективами и родительской общественностью».

Не знаю, насколько это справедливо по отношению к гимназии №1588, но учителя, родители и ученики «Интеллектуала» решительно против любых форм присоединения. Есть открытые письма учеников, учителей, запись родительского собрания.

Какая-то новая форма бюрократического бесстыдства.

А теперь о родителях. В школе «Интеллектуал» около 40% детей из неполных семей или семей со средними или невысокими доходами.

Как только начнется платное обучение или то, что неуклюже называется «платными образовательными услугами», родители должны будут забрать детей из школы. Об этом мне говорили многие.

Мы представляем себе, какая это будет психологическая ломка прежде всего для ребенка.

Я провела много времени с родителями, среди которых были члены Управляющего совета школы. Иногда в разговоре о судьбе своих детей родители упоминали и модернизацию страны, и наукоемкие производства, требующие современных научных знаний. Они никак не могли соотнести задачи, стоящие перед страной, с разрушением школы.

Среди родителей немало юристов. Они проводят свою экспертизу приказов начальствующих лиц.

Среди учителей есть группа первоклассных знатоков **права**. Имеют большой опыт правозащитной деятельности (учителя Всеволод Луховицкий, Алексей Макаров).

А мы с учительницей литературы Ириной Лукьяновой который час пы-

“ Не кажется ли Вам, что пропаганду этой идеи: общество должно тратить на школьников значительно больше интеллектуального и творчески-индивидуализированного труда – стоит настойчиво вести, особенно среди начальствующих лиц? ”

Из переписки А. Колмогорова и П. Капицы

алистов высшей квалификации, из которых вырастут крупные ученые...».

А сегодня что требуется?

Ученые не только вели речь о специализированных классах, но и о судьбе молодого поколения в целом. Предложенные проекты не потеряли своей актуальности. Чего стоит одна идея о Ломоносовских училищах! Результатом мощного выступления ученых стали физико-математические школы в Киеве, Новосибирске, Ленинграде и Москве. Полвека существуют эти школы. Один из самых грандиозных проектов в истории российского образования.

Я все не могла найти определение характера преподавательского труда учителей «Интеллектуала». Теперь я знаю: это интеллектуальный и творческий **индивидуализированный** труд.

В выделенном слове – вся фишка «Интеллектуала».

задачам, которые школа ставит перед собой. И в данном случае понятие «оптимизация» произнесено впустую. Следующие два фактора определены как «объединение интеллектуального потенциала педагогических коллективов и формирование там конкурентоспособной среды среди сотрудников с целью повышения и расширения спектра образовательных услуг». Боже! Что с языком делают бюрократы!

Надо решительно не знать педагогический коллектив «Интеллектуала», уникальности тех педагогических задач, которые решаются с помощью авторских программ и спецкурсов, чтобы обосновывать целесообразность присоединения ничего не значащими фразами.

Вот мне интересно знать, **какие** исследовательские процедуры предшествовали идее слияния школ?

Как шло изучение специфики присоединяемых школ и их соответствия друг другу?

таемся понять, какая стратегия государства проглядывается в бурной деятельности столичного департамента образования.

Как и многие учителя «Интеллектуала», Ирина не спешит согласиться, что это поход против одаренных детей, мыслящих самостоятельно и независимо.

Мы вспоминаем с ней образовательный бум шестидесятых и начала 90-х годов. Множество экспериментальных

педагогических площадок. Авторские программы, дискуссии о содержании образования. Как сказал один знаток истории образования, «стоит ослабить натиск государства на школу, как пробуждается педагогическое творчество».

И все-таки я задаю все тот же вопрос: почему «Интеллектуал», как и другие школы, бьется за своих детей в одиночестве?

– Остается ждать, когда критическая масса умных, образованных людей в обществе достигнет такого уровня, при котором происходящее с нами сегодня не будет иметь тенденции состояться, – говорит Ирина.

Ничего себе перспектива! <...>

Источник: <http://www.novayagazeta.ru/society/65633.html>

Здравствуйте, Эльвира Николаевна!

Вы просили написать меня про проект.

Я учусь в 10 классе на биохимическом профиле, но кроме него у меня еще профильные математика и физика. В нашей школе есть возможность углублять все, что хочешь (история и биологию, физику и право, и т. д.). Насколько я понимаю, такого больше почти нигде нет.

Кроме того, у нас в школе можно (а в 8 и 10 классах нужно) делать проекты и защищать их на проектных сессиях: осенней и весенней. Некоторые темы предлагают сами учителя, но всегда можно придумать свою.

Так как я увлекаюсь биологией, я делала биологический проект. Вместе с моей одноклассницей Аней Мелешенко. Мы делали его в школе. Первый год у нас не было лаборатории, но ее оборудовали уже на следующий год стараниями нашего научного руководителя Андрея Викторовича Летарова (зав. лаб. вирусов микроорганизмов Института микробиологии им. С.Н. Виноградского РАН). Вообще, у нас довольно часто проекты по биологии делают не в школе (тем более, что микробиологическая лаборатория появилась совсем недавно), а в разных институтах (например, мой брат делал проект по биологии в Институте биологии гена). Это могут быть очень серьезные работы, с которыми школьники выступают на международных конференциях (в Сингапуре – на Singapore international science challenge, Америке – на Intel Isef, может быть, есть и другие – это первое, что пришло на ум).

Зимний сад. Слева – Катя Рюмина

Мы изучали персистеров – клетки бактерий, которые не убиваются антибиотиком (толерантны к антибиотикам). Про них вообще известно очень мало, почти ничего. И это было очень здорово – делать то, что никто во всем мире до тебя еще не делал. Мы работали над проектом два года (первый, правда, ушел на то, чтобы научиться работать руками, изучить необходимую технику). Это было очень интересно. С ним мы заняли второе место на Авангарде (Всероссийская научно-практическая конференция одаренных школьников «Intel – Династия – Интеллектуал – Авангард 2014»). К нашему огромному сожалению, мы не смогли продолжить, потому что проект был очень трудоемкий – мы на каждой перемене бегали в лабораторию и проводили в ней вечера. И концу 9 класса мы очень устали, а нагрузка в 10 классе еще больше, чем в 9. Но он многому нас научил: самим

ставить задачи и придумывать их решения, ставить реальные цели и добиваться их выполнения, а для этого очень часто надо было переделывать все по многу раз, не впадать в истерику из-за неудач (которые были гораздо чаще удач), вовремя осознавать бесполезность затеи, сколь бы привлекательной она не казалась, и пытаться найти другой путь, соотносить свои силы с замыслами. В общем, он научил нас тому, что должен знать, понимать и уметь каждый ученый. И это и было самое главное в проекте, даже, наверное, важнее результатов. Я очень благодарна Андрею Викторовичу за то, что он нас всему этому научил. Для любого ученого это необходимые и главные навыки.

Р. С. Я на всякий случай прикреплю текст и презентацию нашего проекта.

С уважением, Катя Рюмина

Марш оптимизаторов

Ксения Кнорре-Дмитриева
журналист

Атмосферу во многих московских школах определяет страх. Это страх перед департаментом образования и его руководителем Исааком Калиной лично.

История «Интеллектуала» заставила общество повернуться лицом к тем школам, которые стабильно дают самые высокие в Москве результаты, столбальников по ЕГЭ и победителей всевозможных олимпиад. Что с ними происходит в условиях «оптимизации»?

ШКОЛЫ, КОТОРЫЕ ТЕРПЯТ БЕДСТВИЕ

Многие из хороших, «рейтинговых» школ сегодня попали в такое же бедственное положение, как и «Интеллектуал». Как и у несчастливых семей,

у каждой из несчастливых школ своя история. Например, Курчатовская школа (№ 1189). Это одна из лучших школ СЗАО, конкурс туда составляет 5 человек на место, уроки ведут ученые НИИ им. Курчатова, и обучение в 1189-й – первый шаг в направлении этого ин-

ститута, поэтому в школе серьезный упор на физику и математику. Но главное, за чем идут в Курчатовскую, – это среда, в которой легко учиться, модно быть умным, где культ знаний и учебы. Поскольку школа маленькая – в ней всего по два класса в параллели, – она похожа на большую дружную семью.

Внезапно без предварительного обсуждения 22 сентября школе объявили, что ее объединяют со школой № 2077, которая уже «слилась» с другими учебными заведениями (несколько детских садов, 5 школ, из которых 3 – общеобразовательные, одна – коррекционная и одна – для детей с девиантным поведением). У Курчатовской, в отличие от «Интеллектуала», проблем с деньгами нет: она получает общемоосковское финансирование, поэтому попытки объяснить целесообразность слияния улучшенным финансированием не выдерживают критики: в школе, с которой объединяют «курчатовцев», те же 123 000 рублей на ученика в год. «Мы опасаемся, что слияние приведет к усреднению: мотивированные дети, прошедшие отбор, которые занимались на курсах, постепенно перемешиваются с детьми, которые отбывают номер, – говорит папа одной из учениц, Олег Митасов. – Нам говорят, что ничего такого не произойдет. Тогда непонятен смысл объединения. Мы поступали в одну школу, а окажемся в чем-то другом, и есть подозрение, что это новое будет хуже».

Наконец, поскольку руководство Курчатовской школы смещено и врио директора стал директор одной из школ, с которой их объединили, то смысл объединения окончательно потерян: люди, которые смогли построить успешное учебное заведение, отодвинуты, а их детище передано другим людям, которые, судя по результатам, управляли менее эффективной школой. «В нашем случае согласия управляющего совета никто даже не спросил, – продолжает Олег Митасов. – Мы в младшей школе уже прошли через объединение, и ни к чему хорошему это не привело. Мы пытались выбраться из этой ситуации, выбрали лучшую школу, занимались, поступили – и попали в ту же ситуацию: вместо отлаженного процесса и выстроенной культуры опять получится бардак. В результате объединения школ № 1189 и № 2077 родители лишатся возможности дать

талантливым детям соответствующее образование, Курчатовский институт останется без молодых кадров, а Москва потеряет одну из лучших школ».

В лицее «Воробьевы горы» (№ 1525) своя история. Лицей создавался на базе Дворца пионеров, фактически это был первый многопрофильный лицей в Москве. Каждый профиль делала своя команда на базе дворца. «В лицее была сильная исследовательская составляющая, – рассказывает заслуженный учитель, преподаватель лицея, доцент департамента образовательных программ НИУ ВШЭ Евгения Абелюк. – Дети писали курсовые работы, защищали их перед оппонентами, на защиты приходили выпускники и профессионалы – то есть лицей был силен тем, что не измеришь никакими критериями, которые сейчас предлагаются для оценивания».

Лицей рос, а тем временем менялось законодательство, и он уже не мог быть подразделением дворца – превратился в самостоятельное юридическое лицо, которое просто квартировало во дворце. Постепенно связи начали ослабевать, за последний год во дворце поменялась концепция развития, зашла речь о создании огромного холдинга на его базе, в который вошли еще две школы, два детсада, два учреждения дополнительного образования и строительный колледж. Лицей проголосовал против, и дворец потребовал, чтобы он съехал.

«Сказать, что уходили мы из дворца тяжело, – недостаточно: устраивались тяжелые собрания, на которых и сотрудники дворца, и подготовленные ими родители обвиняли нас в измене, – говорит Евгения Абелюк. – В итоге лицей переехал на Красносельскую в пристройку к действующей школе № 1305. Школа была, конечно, недовольна, обращалась в прокуратуру, мэрию, департамент. На сегодня ситуация такая: у «Воробьевых гор» самое низкое возможное финансирование – 63 112 рублей на ученика старшей школы. Оно таково потому, что лицей не входил в пилотный проект, хотя и хотел войти, но не мог, так как не имел своего помещения. Две недели назад к нам приехал руководитель ДОГМа ЦАО со словами: «Я приехал к вам для того, чтобы вас слить со школой 1305». Это единственный способ нас спасти, – объясняет Евгения Семеновна, – иначе финансирование через 2 месяца закончится. Мы

боимся потерять свою атмосферу, среду, но есть еще момент, который, как мне кажется, может навредить больше, чем само слияние: нам говорят, школа должна зарабатывать. Страшно, что в условиях недофинансирования образование в нашем лицее станет частично платным. Точнее, платными окажутся именно профильные курсы. Это приведет к потере лица, разрушит и атмосферу».

ШКОЛЫ, В КОТОРЫХ ВРОДЕ БЫ ВСЕ ХОРОШО

Для сравнения я пообщалась со школами, где вроде бы все хорошо. Оказалось, не совсем хорошо. Например, одна из сильнейших гимназий – № 1543, которая занимает в московском рейтинге 4–5-е место, держится, по словам учителя Алексея Кузнецова, именем и авторитетом ее создателя и директора с 40-летним стажем Юрия Владимировича Завельского. У гимназии среднемосковское финансирование (123 000 рублей) плюс гранты за высокое место в рейтинге. «Нас пытались слить, но директор сказал, что сначала надо его уволить, и Калина (руководитель департамента образования Москвы. – Ред.) не решился это сделать. Как только директор уйдет – а ему 87 лет, – нас съедят. Но наш случай нетипичный. Я считаю, что таких школ, как наша, на Москву штук 30, на страну – 100. Давить их – это воплощать в жизнь шариковский принцип, что надо всё отобрать и поделить».

В другой школе из топ-20 я разговаривала на условиях анонимности: школа боится навредить себе любым неосторожным движением. По словам моего собеседника, деньги тоже заканчиваются, но пока есть «жирок», который позволит дотянуть до ноября. Что будет дальше – непонятно, но в школе надеются на «кулуарное решение вопроса». «Создание образовательных холдингов, на мой взгляд, бессмысленно, – уверен мой собеседник. – Во-первых, очень сложно управлять школой, где 1000 детей, а у них идеал – дойти до 1800, это дает дополнительное финансирование. Во-вторых, при слиянии хорошей и плохой школы не может получиться одна хорошая: снижается нагрузка, сокращаются учебные часы. В-третьих, в новых условиях оплаты труда школам невыгодно иметь

совместителя, а в лицеях и гимназиях это очень важно: например, в лицее «Вторая школа» много занятий ведут преподаватели из МГУ, с физфака.

В выступлениях Калины результаты объединения выглядят очень оптимистично, например, он говорит о том, что резко вырос балл по ЕГЭ, упуская из виду, что весь ЕГЭ 2013 года был тотально списан. Мне кажется, то, что происходит со школами, – отражение общего тренда: государство сбрасывает с себя социальную сферу, старается сэкономить. Хотя я не очень понимаю, какая тут экономия: здания, учителя остаются те же, управленческий персонал сокращают незначительно. Переживаем чудесный момент: государство пришло в сферу образования в своем худшем варианте».

«Лига школ» (№ 1199) – одна из самых маленьких государственных школ. В ней учатся около 60 детей. Самое главное достижение школы, предмет ее гордости – 25-е место в мире в международном исследовании качества образования PISA в 2009 году (это невероятный для России результат). На вопрос о том, испытывает ли «Лига школ» такие же, как и другие хорошие маленькие школы, трудности, основатель и директор школы Сергей Бебчук отвечает: «Мы по-прежнему существуем так же, как раньше, к нам никого не присоединяют, никаких разговоров об этом нет. Мы вошли в пилотный проект, и нам до 31 августа платили столько же, сколько и раньше: с коэффициентом и деньгами на дополнительное образование получалось около 200 000 рублей. С 1 сентября у нас 123 тысячи на ученика старшей школы. Пока это единственная неприятность, которая с нами случилась. Психологически мы были к этому готовы, а фактически – нет: у меня нет ни с кем договоренностей, чтобы нам дали денег. Но, поскольку школа маленькая и деньги нам нужны в абсолютном измерении небольшие – 7 млн рублей, – я пока спокоен. Я сделал некоторые выводы для себя. Первый: государству такая школа, как наша, не нужна. И это было важным для меня пониманием, потому что, когда я затевал всё это в 1993 году, я хотел, пусть это звучит пафосно, чтобы Россия гордилась такой школой, как наша. Раз не нужна – значит, у меня будут несколько другие шаги и приоритеты в моем деловом позиционировании. Во-вторых,

мне видно, что какие-то деньги можно получить с помощью госработ, не тратя на это много дополнительного ресурса. Могут и не дать, но пока я смотрю на этот вариант с оптимизмом. Мы планируем в любом случае начать собирать деньги с родителей – это как раз следствие моего понимания позиции государства, и я таким образом протестирую, насколько мы нужны родителям. Государство приняло такие правила игры, но мы учим больше, по-другому и лучше, и за это кто-то должен доплачивать, и первая очевидная мысль: этот «кто-то» – родители. У нас были идеи поискать спонсоров, но эти вещи достаточно случайные, разовые: и фондов немного, и просителей много. Но, поскольку абсолютная цифра смешная, я думаю, что финансовый вопрос нас не убьет, и если мы и умрем, то по другим причинам».

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СЛИЯНИЯ

Но, может, все не так страшно, и вполне можно оставаться хорошей школой и после слияния? Учитель московской школы из верхних строчек рейтинга, которая уже подверглась слиянию, на условиях анонимности рассказал, что произошло у них после объединения. «Самой главной проблемой стало отсутствие руководства. Главного по нашему зданию нет, мы теперь каждый сам за себя. Сохранить наши традиции и принципы мы не можем, вынуждены жить по уставу другой школы. Кроме того, у нас почему-то после слияния понизилось финансирование, мы теряем учителей, воспитателей, кружководов – и их обязанности «вешаются» на оставшихся сотрудников. Моральные силы на исходе, работать в таких условиях невозможно».

Единственная школа, которую педагогическое сообщество единогласно называет уникальным примером, когда сильной школе удалось объединиться и сохранить себя, – это знаменитая 57-я. Заместитель директора Борис Михайлович Давидович рассказал о том, как школе удалось этого добиться. «Наше основное здание было построено для реального училища и было рассчитано на 300 детей. В конце XX века у нас училось 700 человек, и мы начали задыхаться. Наша начальная школа размещалась в двух квартирах в соседнем здании. Было это, конечно, неудобно: мы раздражали жильцов, нас заливали

и так далее. Мы принципиально не хотели отказываться от начальной школы – кстати, мы единственная школа, входящая в первые пять строчек рейтинга, в которой есть началка.

Мы стали искать помещение вместе с департаментом, и в 2006 году нашли школу № 40 на Фрунзенской. Так сложилось, что там было очень мало детей, человек 60: никто туда не хотел идти учиться. Мы получили это здание со скандалом, который подняли родители оставшихся детей: они считали, что мы поставим всем двойки, подомнем их под себя, протестовали по полной программе, с демонстрациями, телевидением, газетами... Наши учителя доучили этих детей до конца – кстати, половина из них были вьетнамцы, так что были и сильные ребята, и совершенно не говорящие по-русски. А с 2000 года стала необычайно популярной наша начальная школа. И когда 3 года назад по электронной записи к нам записались 500 человек, а мы принимаем 75, мы поняли, что надо что-то делать. Единственный выход был – взять еще одно здание: мы его искали и нашли на «Спортивной». В этой пятиэтажной школе в первый класс записалось 9 детей, всего было пять классов по 10–15 детей: многие ученики разбежались перед нашим приходом, боялись сильной школы. Из-за подушевого финансирования нам тяжело маленькие классы этой школы: там же работает полный набор учителей, а детей мало, но мы это терпим, понимаем, что должны доучить детей. И то, что при слиянии с другими школами мы не потеряли своего лица, а получили новые стимулы для развития и сумели реализовать давнюю мечту – открыть биохимическое направление, – заслуга в первую очередь нашего директора, Сергея Львовича Менделевича.

Конечно, есть масса проблем: например, с тем, что сейчас часто называют «атмосферой». Приходят дети из другого мира, новые учителя – это трудно, потому что атмосфера создается не сразу. Это длительная работа, на несколько лет, но мы работаем. У нас тоже не хватает денег: сейчас их оказалось намного меньше, чем мы получали раньше с нашими надбавками. Конечно, мы привыкли к высоким зарплатам, к возможности вести бесплатно все кружки и хорошо жить, но эту разницу мы наеемся покрыть госработами. Сказать,

что нам легко, не могу, – надо писать много бумаг, заявок, но если вы возьмете западного ученого, у него тоже уходит очень много времени на оформленные заявления на гранты».

«ЭТО ВОПРОС ДЕНЕГ»

Евгений Ямбург, доктор педагогических наук, академик РАО, директор Центра образования № 109, говорит, что не верит в теорию заговора – никакого сознательного уничтожения образования не происходит: «Министерство и департамент – это инструменты: если система дает деньги, они ими распоряжаются, а сейчас ухудшилось финансовое положение страны, естественно, и они сокращают расходы. Думаю, что это чистый вопрос денег и огромного количества допущенных в законодательстве пробелов. Школа, которая попала в топ, может получить гранты, но они не такие большие по московским меркам. Закон предусматривает особое финансирование школ для одаренных, но разработанных механизмов для этого нет. Маленькая школка, где 200 человек, нежизнеспособна исходя из чисто финансово-бухгалтерских соображений. Есть система госработ, дающая школам деньги, мы сейчас бьемся над тем, чтобы она работала, и, если очень суе-

таться, школа может покрыть какие-то расходы грантами и госработами. Но вообще мой прогноз очень простой: для того чтобы выжить, маленьким хорошим школам придется слиться с другими школами, дифференцировать свою работу, оставить одаренных, но в то же время продумать методы работы с другими детьми. Я не думаю, что шум и митинги смогут помочь маленьким школам сохранить себя, – нужно работать над созданием механизмов, которые позволят им существовать в том виде, в каком они есть».

«ТОЛЬКО БЫ НЕ БЫЛО ХУЖЕ»

Я писала этот материал две недели. Ездила по школам, искала в соцсетях людей, которые готовы говорить, общалась с директорами. Почта и сервисы сообщений ломались от входящих. За это время я услышала фразы: «Только вы об этом не пишите» и «Скажу не для публикации» – столько раз, сколько не слышала за все годы работы в журналистике. Многие московские школы сегодня живут по принципу «Только бы не было хуже», боятся спровоцировать департамент на немедленную кару (увольнение директора, слияние в приказном порядке), подставить коллег и любимую школу.

В последнее время самое модное слово применительно к хорошим школам – «атмосфера». Небольшие сильные школы, сопротивляясь слиянию, называют атмосферу одной из важнейших составляющих своего успеха и боятся ее потерять. Но одно из основных определений сегодняшней атмосферы в образовании – это страх. Многие учителя и администрация, постоянно находящиеся под прессом реформ, получающие чаще всего небольшие деньги, задержанные окриками, угрозами и распоряжениями департамента, наблюдающие, что происходит с непослушными школами, – боятся разговаривать с журналистами, боятся писать в соцсетях, боятся говорить с родителями, вообще боятся сказать вслух то, что думают. Многие ходят на митинги «по призыву партии и правительства» и фотографируются с избирательными бюллетенями, чтобы подтвердить свое участие в голосовании.

Кстати, эти самые голосования обычно проходят как раз на территориях школ. Тех самых, в которых все всего боятся.

Источник: <http://www.novayagazeta.ru/society/65650.html>

HTTP://UTTING.COM/VI/SPXOCHMEY/8/MAXRESDEFAULT.JPG

Хоумскулинг: исповедь многодетной мамы

Ольга Юрковская

психолог и преподаватель психологии, магистр бизнес-администрирования

Когда мои дети были еще маленькими, я задумалась: «Какими людьми я хочу их увидеть? Что они должны знать и уметь, чтобы быть счастливыми и успешными? Какими качествами они должны обладать?» И при ответе на эти вопросы среди необходимых успешному взрослому человеку знаний, навыков и умений почти не оказалось школьной информации. Поэтому у меня возник вопрос: «А нужна ли моим детям школа?» И, рассмотрев все сложности и преимущества семейного образования, я решила ответственность за обучение своих детей взять на себя.

С каждым годом недовольство качеством обучения в государственных школах растет не только среди родителей школьников, но и в обществе. Удручающие результаты централизованного тестирования, неспособность многих детей мыслить логически и возросшая безграмотность – эти проблемы волнуют не только мам и пап, но и чиновников. Поэтому все чаще мы слышим о людях, выбирающих для своих детей альтернативное образование – так называемый хоумскулинг, или самостоятельное обучение ребенка в семье.

К решению вопроса, где и как будут учиться мои дети, я подошла очень рационально. Выбор у меня был из четырех вариантов:

- 1) ближайшая государственная школа,
- 2) престижная гимназия,
- 3) платная частная школа,
- 4) семейное обучение.

Частных школ, которые бы не копировали привычную гимназию, я в Минске не нашла, поэтому решила не переплачивать понапрасну. В обычной школе моим дочкам было бы скучно – их уровень подготовки существенно опережал школьные требования, пер-

HTTP://WWW.CAMILLAVAKFI.ORG.TR/WP-CONTENT/UPLOADS/2013/01/EGTIM.JPG

вый класс они обе сдали экстерном и всю начальную школу занимались с репетитором всего лишь по полтора часа в неделю, получая при этом хорошие оценки. Поэтому я выбирала между хорошей гимназией и хоумскулингом.

ПЕРВЫЙ КРИТЕРИЙ: ЗДОРОВЬЕ

Из исследований Министерства здравоохранения можно сделать вывод, что из-за постоянного напряжения и стрессов, страха перед ответом у доски, конфликтов с одноклассниками, громкого шума на переменах и неподвижности на уроках, неполноценного питания у многих детей ухудшается здоровье. К концу школы количество детей с первой группой здоровья падает в несколько раз, у многих школьников

диагностируются гастриты и сколиозы, расстройства нервной системы и другие патологии. Дети на хоумскулинге намного здоровее, чем школьники, – они хорошо высыпаются, не находятся в таком диком напряжении, как школьники, не сидят целый день за партами в физиологически вредных позах, у них меньше стрессов. Они хорошо питаются, в отличие от школьников, которые могут потратить деньги родителей вовсе не на обед, а на чипсы или газировку. То есть дети дома питаются лучше, чем в школе. У хоумскулеров меньше контактов с носителями возбудителей различных заболеваний, лучше иммунитет. Исследуя эту тему, я стала все больше приходить к выводу, что ребенок дома будет более здоровым, чем школьник, – по этому критерию семейное образование выигрывало.

справка

Термином homeschooling или home school (домашняя школа), которое также называют home education (домашнее образование) или home learning (обучение дома) обозначают образование детей дома, обычно силами родителей, хотя не исключено и привлечение других преподавателей, в противоположность обучению детей в государственных или частных школах.

ВТОРОЙ КРИТЕРИЙ: ЗНАНИЯ ШКОЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Здесь выиграла гимназия – заставить детей дома заниматься всерьез можно, только нанимая им репетиторов. Но не нанимать же репетиторов по всем предметам!

ТРЕТИЙ КРИТЕРИЙ: ПОСТУПЛЕНИЕ В ВУЗ

Аттестат на семейном обучении будет такой же. Репетиторов для подготовки к тестированию нанимают почти все родители школьников – найдем и мы. Если планировать учебу в белорусском вузе, то выигрывает Лицей БГУ. Но если планировать поступление в иностранный вуз, то на семейном обучении у ребенка будет больше времени для подготовки к непривычному нам тестированию (TOEFL и SAT, например).

ЧЕТВЕРТЫЙ КРИТЕРИЙ: ЗАГРУЖЕННОСТЬ МАМЫ

Мысль, что мне придется ежедневно вставать в 6.30, чтобы вовремя отвезти детей в гимназию, вызвала ужас – я индивидуальный предприниматель и все свои дела планирую так, чтобы работать во второй половине дня. Ранние подъемы в школу совсем не вписывались в мой распорядок дня с привычкой работать поздно вечером и даже по ночам, когда дети наконец-то утомнились. А если еще подумать о родительских собраниях, нервотрепке с невыполненными домашними заданиями, двойками или неудами по поведению, с выслушиванием учительских претензий – нет, это не для меня! Сохранность моего душевного равновесия была возможна только в случае семейного обучения.

ПЯТЫЙ КРИТЕРИЙ: ЧЕМ ЗАНЯТО ВРЕМЯ РЕБЕНКА

Школьник тратит примерно 9 часов в день на уроки и домашние задания. Учителя обычных школ ориентируются на слабых учеников – бесконечно повторяют и спрашивают одно и то же, поэтому время уроков расходуется неэффективно. По сравнению с занятиями с репетитором потери времени на уроках составляют порядка 90%, а вре-

мя, используемое на изучение нового материала, – всего лишь 10%. Учительница должна утихомирить шумящих детей, дожидаться, когда все откроют учебники и смогут найти нужный абзац, обязана выслушать ответы учеников на уже изученные вопросы. Хоум-скулер занимается дома максимум по 2 часа – при индивидуальном обучении изучение школьных предметов происходит примерно в десять раз быстрее. Оставшееся свободное время ребенок проводит на свежем воздухе, высыпается, может позволить себе заниматься спортом или читать интересные ему книги, тратить много времени на кружки или увлечения. Для школьника занятия музыкой, танцами, рисованием или спортом входят в противоречие с загруженностью домашними заданиями. Часто из-за негативного отношения учителей к пропускам возникают проблемы с поездками на соревнования или конкурсы. На семейном обучении этих проблем нет.

ШЕСТОЙ КРИТЕРИЙ: ОБЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ

Для многих этот пункт станет минусом – вместо того чтобы детей учили учителя, а потом ребенок часами сидел над домашними заданиями, с ним придется много разговаривать и заниматься совместными делами. Для меня это плюс – я не готова отказаться от своего авторитета и отдать детей под влияние учительниц, и я не считаю педагогов таким уж хорошим примером для подражания. Мне нравится разговаривать с моими детьми, объяснять им интересные вещи. Именно поэтому я занимаюсь предпринимательской деятельностью и не выхожу работать по найму, хотя зарплата у меня была бы больше. Я хочу проводить много времени с детьми.

СЕДЬМОЙ КРИТЕРИЙ: ДЕНЬГИ

Я считаю очень важным хорошее образование и всегда была готова за него платить много. Лучше я отдам небольшую сумму за тренинг или курсы, чем потрачусь на ширпотреб. Но «стоять у ребенка над душой» с домашними заданиями я не хочу – мне проще заплатить репетитору, чем заниматься неприятным делом. Поэтому я изначально была готова оплачивать каждому ребенку

400–500 долларов в месяц за частную школу. Реально оказалось, что репетиторы обходятся намного дешевле – 10 или 20 за занятие. Мои девочки смогли заниматься вдвоем одновременно, и в начальной школе хватало 1,5 часа занятий всего лишь раз в неделю, чтобы «натаскать» ребенка на школьные требования к оформлению работы или объяснить сложные места, – остальной материал дети осваивали сами по учебнику и выполняя задания в рабочих тетрадях.

Выяснилось, что программа начальной школы настолько примитивна, что с помощью репетитора ее реально пройти за год. Поэтому мои затраты 300 долларов в год на репетитора фактически оказались равны сэкономленной на бензине для поездок в школу сумме.

В средней школе репетиторы обойдутся мне дороже – надо углубленно заниматься английским и математикой. Позже добавятся сложные предметы – физика и химия. Но в любом случае вряд ли я сумею потратить стоимость обучения в частной школе. Если считать, что занятие с репетитором стоит 20 долларов и кто-то будет приходить ежедневно, то 35 учебных недель умножить на 100 – это 3500 в год на двоих детей.

КОНЕЧНО, НЕ БЕЗ МИНУСОВ

Некоторые мои родственники и знакомые упорно предрекают, что отсутствие школы плохо закончится. Для них я ужасная мать, лишившая детей самого важного. Учителя привыкли ставить оценки не за знания, а за старательность, поэтому «не ходившему на уроки» ребенку оценки часто занижают. И если эти цифирки вас волнуют, то ребенку придется знать предмет на 10, чтобы получить 8. Впрочем, до девятого класса оценки никуда не идут – лишь бы не 0. Некоторые дети начинают завидовать, спрашивают своих родителей, нельзя ли и им не ходить в школу, выслушивают дикие версии и пытаются доказывать моим детям, что якобы только больные и неправильные дети не ходят в школу. Это неприятно. По большинству школьных предметов знания ребенка будут средними либо надо оплатить репетитора. Другой ребенок будет искать сам, а не автоматически начнет дружить с одно-

классниками. И родителям нужно подумать о том, где он сможет завести знакомства.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Законодательный акт гласит следующее. Для решения вопроса об организации образовательного процесса индивидуально в соответствии с индивидуальным учебным планом ученик (законный представитель несовершеннолетнего учащегося) подает заявление на имя руководителя учреждения образования. Решение об организации образовательного процесса индивидуально в соответствии с индивидуальным учебным планом (об отказе в организации образовательного процесса индивидуально в соответствии с индивидуальным учебным планом) руководитель учреждения образования принимает в течение 10 календарных дней со дня подачи заявления учеником (законным представителем несовершеннолетнего учащегося). Решение о сроках и формах проведения аттестации учащегося, который осваивает содержание одной из образовательных программ общего среднего образования в соответствии с индивидуальным учебным планом, принимается учреждением образования и доводится до сведения учащегося или законного представителя несовершеннолетнего учащегося в письменной форме в течение 5 календарных дней с дня принятия руководителем учреждения образования решения об организации образовательного процесса индивидуально в соответствии с индивидуальным учебным планом.

Ученик, который осваивает содержание одной из образовательных программ общего среднего образования в соответствии с индивидуальным учебным планом, считается в списках учащихся учреждения образования. В классном журнале в графе о посещении учащимся учебных занятий по учебному предмету (учебным предметам), по которым материал в соответствии с учебной программой он осваивает самостоятельно, делается запись: «изучает самостоятельно в соответствии с индивидуальным учебным планом».

ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Образование – это то, чем человек пользуется в реальной жизни, работе или бизнесе. Не имеет особого смысла навязывать умному любознательному ребенку скучные уроки и написанные сложным языком учебные материалы. Результаты такого обучения называются «сдал и забыл», как с химией, когда гнать самогонку или гасить соду уксусом – само по себе, а умные термины из учебника у выросших школьников даже не вызывают воспоминаний.

Есть реальная жизнь: обсуждаемые события, работа или бизнес родителей, билборды или реклама, фильмы и книги. И интерес ребенка – повод и причина для родителей научить его важным в жизни вещам. Обучение без запроса не имеет смысла. Результат будет таким же, как с остальной школьно-институтской учебой: без привязки к реальной жизни ненужную информацию дети забудут сразу же после контрольной.

Задача разумного родителя – научить ребенка тому, в чем он заинтересован, чем будет пользоваться в свои 30–40 лет. И поэтому глупо в семейном образовании делать основным занятием набор школьной информации. Законом требуется сдать аттестацию – и в освободившееся от школы время можно заниматься важным для выросшего взрослого.

Приведу пример, чему я учила своих детей (11, 9 и 7 лет) за последние дни: правила дорожного движения и конструкторное вождение автомобиля, система правоохранительных органов и судебная система, механизмы обжалования в гражданском судопроизводстве, банковская система и кредиты, механизмы обмана в рекламе, навыки переговоров, стратегии самопродвижения, отличия маркетинга малого бизнеса и крупных компаний, система рейтингов мировых вузов, быстрая карьера в крупных корпорациях, отличия налогового законодательства в различных странах, разница структуры ВВП в ОАЭ и России, инвестиционные возможности физических лиц... Перечислила меньше половины того, что я обсуждаю с детьми. А если бы вместо общения со мной дети отсиживали на уроках, было бы это для них интереснее и полезнее? Какая школа даже с хорошими методиками сумеет нанять учителей, способ-

ных научить учеников этим знаниям? И какое РОНО им это позволит сделать?

КАК ОФОРМИТЬ ОБУЧЕНИЕ В СЕМЬЕ

Для оформления семейного обучения вам надо вдумчиво прочитать Положение об учреждении общего среднего образования, после чего в августе написать заявление на имя директора школы с просьбой обучать вашего ребенка по индивидуальному плану (ОПИП). Форму обучения ОПИП важно не перепутать с домашним обучением больных детей, когда педагоги приходят учить ребенка домой.

Необходимо объяснить администрации школы уважительные причины, по которым ваш ребенок постоянно или временно в течение учебного года не сможет посещать учебные занятия, например, ему предстоят поездки на соревнования или участились постоянные командировки родителей. Если не согласятся в вашей школе, найдите школу, где уже оформлены дети на ОПИП, и подайте заявление туда. Ученик, обучающийся по индивидуальному учебному плану, получает все учебники, числится в классе и может посещать любые уроки и факультативы на свой выбор. Все, что вы должны: в конце каждой четверти сдать контрольные или зачет по основным предметам. То есть у вас есть доступ ко всем благам школьного образования и совсем мало обязанностей. Детям очень нравится свободное посещение, отсутствие домашних заданий и ежедневного контроля, возможность ходить только на интересные уроки и сдавать аттестацию по остальным. Подведем итог. Любой родитель может передать ребенку свои профессиональные знания или научить важным вещам, помогающим добиться успеха. Но обучение ребенка в семье подходит далеко не всем. Родители должны быть ответственными и иметь ресурсы, чтобы организовать ребенку полноценную образовательную среду и возможность внешкольного общения. Для мамы семейное обучение фактически становится второй работой. Надо найти и оплатить педагогов, организовать учебный процесс и поездки, много времени проводить с детьми. Но если вы решитесь, то все у вас получится!

Источник: http://www.snob.ru/profile/28109/blog/80255#comment_738570

Когда война приходит в дом

Ксения Кнорре-Дмитриева
журналист

Семейный психолог, специалист по семейному устройству Людмила Петрановская – об умении взрослых говорить с ребенком, истеричных журналистах и о том, когда в нашем обществе пройдет патриотический угар

HTTP://WWW.BANKOBEV.RU/

– С точки зрения психолога, отличаются ли дети, которые все время сидят у телевизора, от детей, не смотрящих телевизор?

– Честно, я давно не видела близко ребенка, который все время сидит у телевизора. То есть я подозреваю, что где-то они есть, но не среди моих знакомых семей, не среди знакомых детей моих детей, где-то в других сферах. В этом отношении ситуация изменилась очень сильно: если какое-то время назад было ощущение, что скоро телевизор подомнет все и вся и ничего с этим сделать невозможно, то, например, у моих детей в картине мира телевизор просто не присутствует. Не потому, что мы что-то запрещали, и не потому, что они хотят и не получают, – именно не присутствует. Вообще. Это у нас, взрослых, иногда рука тянется к пульту. А у детей даже и не тянется – у них нет этой программы в голове.

– Я читала американские исследования, где утверждалось, что дети, которые смотрят телевизор, значительно агрессивнее тех, кто этого не делает.

– Про это есть очень забавный эксперимент. Сравнивали детей, которые смотрели агрессивные передачи, и детей, которые смотрели что-то мирное – познавательные программы или мультфильмы. Уровень агрессии у них либо не отличался, либо у тех, кто смотрел познавательное, был выше. Тут дело даже не в сюжетах, которые дети смотрят по телевизору, а в самом способе времяпрепровождения. Не рассчитан ребенок на то, чтобы сидеть неподвижно и смотреть. Для немолодого уставшего человека такая навязанная пассивность, может, и приемлема, а для ребенка это настолько неестественно, что он становится агрессивен. По крайней мере так утверждают британские ученые. Они сами были удивлены результатом.

– Действуют ли на детей показываемое по телевизору среди бела дня насилие?

– Если ребенок видит это всю жизнь, он адаптируется к этому как к некоему фону и не воспринимает это всерьез. Но у этого есть своя теневая сторона. Например, мне кажется, нынешние события в том числе связаны с тем, что очень большой процент молодых людей вообще не понимает, что все это происходит на самом деле. Они относятся к войне с Украиной, как к компьютерной игрушке: вот пошли танки, кого-то кидануло, кому-то кишки вытрясло... Они настолько живут в этих играх, сериалах, фильмах, что у них

стерлось представление о том, что люди вообще-то хрупки и уязвимы, и если с живым человеком сделать хотя бы одну сотую того, что делают с героем в боевике, то в лучшем случае это будет больница, а в худшем – кладбище.

– Это побочный эффект того, что дети все время видят убийства по телевизору. А если ребенок не смотрит телевизор, но вдруг видит где-то новости или фильм с убийствами, что происходит?

– Тогда, конечно, может быть шоковая реакция. В свое время реакция на такую концентрированную агрессию хорошо была показана в фильме «Пятый элемент». Помните, там героиня Милы Йовович залезла в компьютер, за полчаса просмотрела всю историю человечества, и – оп! – в кому. Это утрированная ситуация, но она очень точная, потому что если ребенок, которого от этого берегут, вдруг с этим сталкивается, то может быть болезненная реакция.

– Надо ли к этому ребенка подготавливать или рассчитывать, что такого не произойдет?

– Смотря какого возраста ребенок. Если ему меньше 10 лет, то лучше его побережь и этим не грузить. Ближе к подростковому возрасту он уже имеет право знать, где он живет и куда пошел. Конечно, важно, чтобы какие-то значимые вещи он узнавал от родителей, а не в интерпретации телевизионных пропагандистов с их истеричными голосами, когда непонятно, где вранье, где правда. Дети разные, кто-то готов к этому чуть раньше, кто-то чуть позже, но обычно отчетливый интерес к устройству мира появляется примерно в этом возрасте, они начинают сами что-то спрашивать.

– Как быть с ребенком меньшего возраста?

– С маленьким нужно скорее говорить: что да, всякое бывает, но ты не бойся, ложись на меня. Для него важнее, что родители его не оставят, что они справляются и будут с ним, что бы ни происходило. Маленький ребенок объективно оценивать опасность не в состоянии, и у него мир устроен просто: мама со мной – все хорошо, мама не со мной – все плохо, не важно, что на самом деле, хоть Третья мировая война. Чем младше ребенок, тем больше ему нужно транслировать простую мысль: «Я буду с тобой».

– То есть дискомфорт маленького ребенка от новостей связан в первую очередь со страхом за себя?

– В первую очередь он связан с тем, что ребенок считывает страх родителей. Родители боятся, напрягаются, естественно, он мгновенно это чувствует и начинает пугаться.

Для него то, чего боятся даже родители, – это что-то очень страшное. Позже постепенно появляется критичность и способность объективно оценивать ситуацию, и он хочет понять, как все устроено и почему люди такие.

– **Ситуация: ребенок ходит в государственную школу, где сегодня курс на патриотизм и учительница с придыханием говорит о «нашем президенте», и вдруг он слышит от родителей какую-то нелицеприятную оценку его действий. Можно ли говорить с ребенком о политике, транслировать ему свое отношение и не вызывать у него когнитивный диссонанс с тем, что он слышит в школе?**

– Сложный вопрос. Действительно, маленькому ребенку важно, чтобы в мире все было гармонично: есть мама и папа – они в семье главные, есть учительница – она в классе главная, где-то есть еще кто-то в стране главный, все мы хорошие люди, и все будет хорошо. Но дети слышат дома разговоры, и невозможно, да и, наверное, не нужно все фильтровать. Если у ребенка хорошие отношения с родителями, они для него важнее. Но это, конечно, будет некий диссонанс, который ребенок пока не сможет сам осмыслить. Младших школьников надо по возможности от этого освобождать, в том числе иногда говоря прямым текстом: не бери пока в голову, разберешься со временем, когда захочешь. И по мере того как захочет, отвечать на какие-то вопросы, объяснять. По моим ощущениям, этот качественный переход происходит в 9–11 лет, когда они включаются, и им уже нужно не эмоциональное успокоение, а они хотят всё знать и понимать.

– **А если учителя или приятели транслировали позицию, которую ребенок ретранслирует, и она родителям кажется небезопасной (например, националистическая), как с этим быть?**

– Родитель имеет полное право жестко обозначить свои моральные принципы и сказать, что в нашем доме такое не говорят, и объяснить, почему это плохо. Но это не про политику – это про более глубокие вещи, базовые нравственные ценности. Тут немного проще, потому что ребенок вряд ли столкнется в официальных инстанциях с прямой пропагандой противоположного. Она может быть завуалированной, типа «русский генетический код», но все-таки сейчас не такая ситуация, что в школе будут проповедовать фашизм, а вы должны будете спорить с директором школы. Это некий плюс лицемерия: официальные структуры не посмеют откровенно говорить что-то, с чем вам придется бороться. Это может исходить от компании, друзей, но вы можете спорить, и дальше уже он сам во время подросткового возраста разберется, что ему ближе. Сложно, когда у вас маленький ребенок и нужно спорить со школой, потому что по идее маленький ребенок должен смотреть учительнице в рот. Вот тут возникает по-настоящему неприятная ситуация.

– **Какая политика будет правильной для родителей детей старше 13 лет?**

– Говорить то, что вы думаете, по любому вопросу, не требуя от него присяги на верность, уважать его процесс принятия решений, процесс выработки ценностей. Спорить с ним, но не требовать от него, чтобы он перестал так немедленно думать и сделал вид, что он думает так, как вы.

– **Есть какие-то специфические методы телевизионного внушения, которые особым образом воздействуют на детей?**

– Я не думаю, что есть какая-то мистика, и 25-й кадр – есть просто назойливое повторение, в рекламных роликах – апелляция к самооценке: «Вы этого достойны», яркие, мелькающие картинки, которые снижают сопротивляемость. В новостях интенсивная подача, когда идет быстрый поток, когда ты не успеваешь сориентироваться и включить критическое мышление, использование специальных оценочных слов – «хунта», «фашизм» и так далее. Настойчивое повторение ярлыков – приклеили и повторяют сто раз за полчаса. Нагнетающая музыка, нагнетающие голоса... Они в последнее время в телевизоре стали говорить такими голосами, что я вообще не понимаю, как можно выдержать этот истерично-надрывный пафосный тон.

– **И это действует?**

– Конечно, действует. Те, кто не имеет навыка получения информации из других источников, хочешь не хочешь, а смотрят телевизор. Некоторые рассказывают, что они непонятно зачем смотрят один и тот же новостной выпуск по нескольку раз. Это уже невротическое зависание: не хватает нервных сил это затормозить – то же, кстати, и в интернете, когда ты раз за разом ходишь по кругу по трем-четырем новостным порталам, читая одно и то же, просто потому что очень сильна тревога. Из соображений психогигиены, конечно, телевизора лучше избегать, но это не значит, что ты избегаешь информационной войны. Недавно на съезде московских приемных родителей на кофе-брейке из-за Украины участники сцепились не на шутку. Кофе-брейк на съезде приемных родителей, где надо говорить про деток и друг другу улыбаться... Информационная война повсюду.

– **Мне рассказывали, что в Украине дети играют в АТО.**

– Да, конечно. Они играют в войну с русскими. У них уходят отцы, старшие братья, у кого-то погибают, они видят, в каком состоянии мамы, бабушки.

– **Вырастет поколение, которое будет ненавидеть русских?**

– Не знаю, еще утечет много воды, но сейчас это так. Мне пишут украинские друзья, что их дети играют в войну «Мы против русских». Они сами в ужасе от этого.

– **Что можно сделать, чтобы хоть как-то уменьшить количество агрессии?**

– Учитывая невеселые времена и перспективы, сейчас надо в первую очередь думать о своей семье, о своих близких. Что можно сделать? Разговаривать с теми, с кем можно разговаривать, снижая градус, искать общие ценности, точки соприкосновения. Ведь этот морок не навсегда, он будет потихоньку рассеиваться. По историческому опыту средний срок жизни ура-патриотического угара – от полугода до года, скоро все понемногу начнут приходить в себя, кроме сознательных сволочей, конечно.

– **Сказывается ли ситуация с Украиной на вашей основной работе с приемными родителями?**

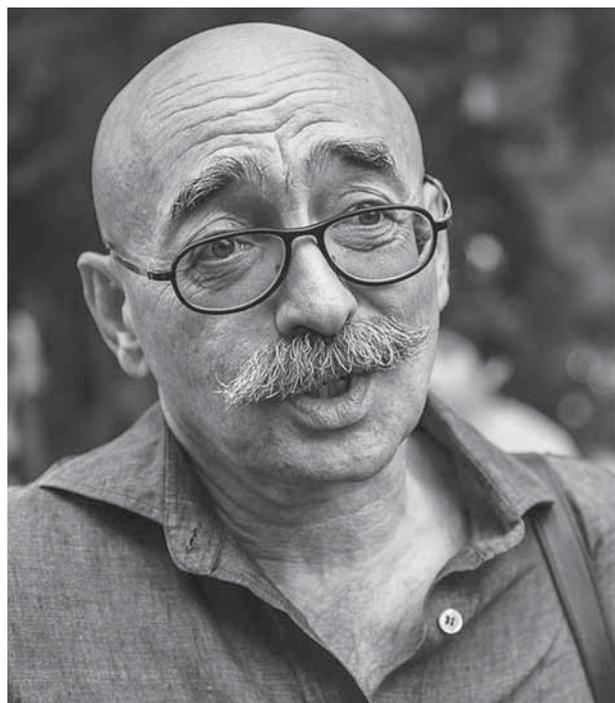
– Сказывается какая-то общая усталость всех. Все измучены, нервно измотаны, некоторые признаются себе, что это из-за общей ситуации, некоторые всячески отрицают связь и рассказывают, что они просто устали с детьми, но это же в воздухе. Я, например, это очень чувствую. Я не припомню, чтобы я к концу лета была в таком состоянии, что хочется в санаторий, а не рабочий год начинать.

Источник: <http://www.novayagazeta.ru/society/65285.html>

Депрессию необходимо лечить

Андрей Бильжо

художник-карикатурист, врач-психиатр

Робин Уильямс покончил с собой, заявили калифорнийские полицейские, которые расследуют обстоятельства смерти американского актера. Во вторник Робина Уильямса обнаружили мертвым в его доме в Тибуроне. Актер лечился от пристрастия к алкоголю и наркотикам. Его секретарь сообщил, что Уильямс также боролся с тяжелой депрессией. Ведущая «Коммерсантъ FM» Наталья Жданова обсудила тему с Андреем Бильжо – известным художником, писателем и ресторатором, а по образованию психиатром.

– Вот такая грустная тема у нас в «Утреннем приеме».

– Она грустная, но это повод поговорить об очень важной вещи, которая называется депрессия, которой я занимался какое-то время. Эта тема довольно серьезна и актуальна. В то же время к ней такое плевое отношение, считается, что это ерунда, есть такая просто точка зрения. Я не раз участвовал в дискуссии, когда вел программу «Наболевший вопрос» на питерском телеканале. У меня была программа, посвященная депрессии. Там приходили церковники и говорили, что это все ерунда, что нужно взять себя в руки, что уныние – это большой грех и так далее, и тому подобное. Объяснить я им так практически ничего и не смог. На самом деле, депрессия – это целый букет. Депрессий очень много разных. Бывают невротические депрессии, реактивные, бывают депрессии легкие, бывают депрессии очень и очень тяжелые.

В фильме «Меланхолия», который снял Ларс фон Триер, он блестяще показывает депрессию с клинической точки зрения, настоящую, когда ничего человека не интересует, он не испытывает никаких удовольствий ни от еды, ни от секса, ни от жизни, вообще ни от чего. Сказать ему: возьми себя в руки, все будет хорошо, у тебя все есть, было все у актера – это значит не сказать ничего. Это эндогенная депрессия, которая возникает каким-то образом внутри. Это какая-то биохимия. Это необходимо лечить, и никакие уговоры близких родственников в этом смысле не помогут, только поход к врачу.

Я знаю много-много случаев, когда такие тяжелые депрессии родственники пропускали, думали, что это просто такой период, черная полоса, а потом наступит белая, заканчивались суицидом.

– А можно от этого полностью излечиться, Андрей Георгиевич, и каким образом это делается?

– Да, можно. Дело все в том, что есть маниакально-депрессивный психоз, в период мании, то есть подъема настроения, когда человек, как говорят образно психиатры,

горит, как лампочка, потом наступает период депрессии, когда вдруг будто лампочку выключили, наступает темнота, куда погружается этот человек, который еще недавно был солнечный, остроумный, спал по четыре часа в день, продуцировал идеи – это если продуктивная мания. А бывает мания непродуктивная, как часто бывает в нашей стране, когда все радуются чему-то, но ничего не производят.

– Да-да-да, мы с вами говорили об этом по поводу Крыма.

– Но бывает мания продуктивная. Она может смениться на депрессию. Вы видите того же самого человека, которого вы знаете, и вы его просто не узнаете. Вы смотрите на него и думаете: «Уильямс, это ты? Это ты, который играл только что в комедии? Ты лежишь, не встаешь с постели уже две недели, ты не бреешься, ты не стрижешь ногти, ты не следишь за собой, ты только пьешь, и все». Кстати говоря, очень важная вещь – это связано с алкоголизмом.

справка

Андрей Георгиевич Бильжо – российский художник-карикатурист.

По профессии – врач-психиатр.

Также работает в области книжной иллюстрации, авторской книги, анимации, дизайна интерьера.

Главный художник журнала «Магазин». Член Союза художников России и Союза дизайнеров России.

Академик Академии графического дизайна.

Почётный член Российской академии художеств.

Основатель ресторана-клуба «Петрович», предприниматель, автор концепции сети ресторанов в Москве и других городах.

Очень часто под маской алкоголизма прячется депрессия. Если умелый психиатр или разумный психиатр разберется в этом, то тогда лечить надо не алкоголизм, а лечить надо депрессию, потому что человек, находящийся в состоянии депрессии, не знает, что это такое, что это такая болезнь, ему просто плохо.

Когда беседуешь с ним, он тебе начинает рассказывать: «Мне ничего не хочется, не хочется того, сего, пятого-десятого, жизнь осточертела» и прочее. Единственное, в чем он находит выход, – это алкоголь. Алкоголь, на самом деле, неплохой антидепрессант – это правда.

– Но в умеренных количествах.

– Да, но в умеренных количествах. Он веселит, и это так. Он временно дает облегчение этому человеку. Но, просыпаясь утром, он находится в той же самой депрессии, что и была у него накануне, а иногда после алкогольных возлияний еще глубже, и он опять попадает в этот штопор. Кстати, в моем ряду разных депрессивных больных есть один человек, который пил, не просыхая, и которого я начал лечить антидепрессантами. Он не пьет уже не одно десятилетие. Это такая штука – депрессия. Никакие уговоры, ни разговоры с друзьями не помогут. Нужно уловить тот самый момент, когда нужно идти к врачу.

Однажды я пришел в отель и услышал знакомый голос, такой старческий знакомый голос за шкафчиками, у кото-

рых раздеваются. Я заглянул, посмотрел и увидел своего больного, которого сын привел в бассейн, он уговаривал его пойти купаться. Этот несчастный говорил: «Папа, помнишь, как мы плавали, ты же учил меня плавать». Сын хотел как лучше, но ничего не получалось, потому что он мучил своего папу, папе ничего не хотелось, папе надо было принимать антидепрессанты, и папе надо было лечиться у психиатра. В этом смысле у каждого психиатра есть свое кладбище. Я не буду сейчас совсем о грустном, да и времени нет, но это кладбище состоит как раз из больных, которые покончили жизнь самоубийством.

У меня был такой замечательный, успешный, прошедший войну сын полка и прочее, любимец женщин, гитарист и так далее. В мании он поступал ко мне такой, в депрессии он поступал никакой. Он утопился в пруду недалеко от больницы Кащенко, теперь Алексеевской. Пользуясь случаем, обращаюсь ко всем радиослушателям: если в вашей семье у кого-то вдруг подавленное настроение без всякой причины, когда все нормально, идите к врачу, не бойтесь врачей-психиатров. С диагнозом «депрессия» ничего не будет, никаких социальных хвостов, и ничего вам плохого психиатр не сделает. Должен попасться хороший психиатр, умный. Будьте здоровы, держите себя в руках и не болейте.

Источник: <http://www.kommersant.ru/doc/2544166>

Благотворительная акция «Подарок школьнику»

Валентина Сорокина

директор Центральной детской библиотеки № 85

Чем хорошо детство? Тем, что каждый раз ты ждешь праздника как чуда! И верится, что все, о чем мечтается, сбудется.

Ребята из Детского дома № 51 не исключение. Поэтому на праздник, посвященный Дню знаний, они спешили в Центральную детскую библиотеку № 85 «ЦБС ЮВАО» в радостном предвкушении чего-то необычного и хорошего. Нарядный зал подготовили к приему долгожданных гостей. Праздничная программа была насыщена целым каскадом сюрпризов, театрализованных миниатюр, сердечных поздравлений.

«Всем хорошим во мне я обязан книгам», – сказал М. Горький. Это выражение стало лейтмотивом книжно-иллюстративной выставки «Школьная страна». Яркими искорками вокально-танцевальных композиций порадовала аудиторию талантливая детская студия «Карусель» ГБОУ СОШ № 1934 российско-словацкой дружбы под руководством Людмилы Хрусталевой.

Под дружные аплодисменты и смех прошла литературная викторина с участием костюмированных книжных персонажей.

В том, что книга – лучший подарок, можно было убедиться по радостному оживлению в зале, когда сотрудники библиотеки предложили выбрать понравившиеся книги, предоставленные издательством «Самокат».

С пожеланием хорошо учиться и стать достойными гражданами своей страны к ребятам обратился генеральный директор магазина ООО «Весна 1361» Владимир Ожиганов, который также приготовил для них подарки. А школьные принадлежности от ТПО «Комус» порадовали своим разнообразием.

Последним вкусным аккордом мероприятия стало традиционное чаепитие.

Праздник, в котором вместились так много хорошего и доброго, пролетел стремительно и незаметно, оставив ощущение счастливых детских глаз и радостного смеха. Пусть этот праздничный старт нового учебного года станет для детей-сирот из детского дома № 51 успешным и плодотворным!

А и Б сидели на трубе

Ирина Ясина

журналист

11 октября 2014 года состоялся митинг
«За московское образование» на Суворовской площади

Женщина средних лет, по виду учительница, держит в руках самодельный плакат с известным изречением Бисмарка «Кто экономит на школах, тот будет строить тюрьмы». Заявляли митинг на триста человек, а пришло больше тысячи. Учителя, родители и даже примкнувшие к ним врачи.

Люди собрались в минувшую субботу выразить протест департаменту образования правительства Москвы и лично его руководителю, в адрес которого лозунги были совсем непоэтичны.

Протестовали против уничтожения школ для детей с ограниченными возможностями здоровья, а также школ для одаренных детей и детей с девиантным поведением.

Я вообще-то чувствую свою вину. В кампании слияний коррекционных школ с обычными есть намек перехода на инклюзивное образование. К внедрению которого в наших школах, детских садах и вузах старшие товарищи и я вместе с ними имели неосторожность призывать.

Нам казалось, что инклюзивное образование, то есть совместное обучение обычных детей и детей с ограниченными возможностями, одних научит быть терпимее и добрее, а других избавит от комплексов.

Когда московское правительство объявило о переходе на инклюзивное образование, я обрадовалась. И нет бы мне подумать с опаской, что больно уж быстро они на это решились.

Нужно было сразу заподозрить, что чиновники нашли способ сэкономить.

Московское правительство выбрало механическую модель инклюзии – объединение школ. Слияние есть слияние, надежда, что плохие станут лучше, а хорошие не испортятся, всегда остается, но на практике пока получается иначе. Коррекционные школы ликвидируются, их ученики, привыкшие к особым условиям, оказываются в водовороте обычной школы. Выступали родители детей со слабым здоровьем, которые говорили,

что вынуждены забирать детей домой. Домой, куда учитель будет приходить несколько раз в неделю, а значит, изоляция этих детей от общества будет еще сильнее.

Что делать с коррекционными школами? Они ведь и правда не вписываются в унифицируемую систему. Видимо, понимаю я сегодня, надо смириться с их существованием до тех пор, пока обыкновенная школа не будет готова принять особых детей. Что значит «готова»? К сожалению, это не только построенный пандус. Это куда дороже и дольше. Это и подготовленные к приему особых детей их сверстники, и учителя, умеющие работать с разными типами «особостей». Это еще и родители здоровых детей, которым нужно как-то объяснить, что наличие более слабого ребенка в классе не будет означать, что их чаду квалифицированный учитель не сможет уделять столько внимания, сколько раньше.

Протестовали в субботу также родители, учителя и учащиеся попадающих под слияние школ для одаренных детей.

Ученики из Курчатовской школы №1189 держали на митинге таблички с красными сердечками и номером своей школы. Учителя из московской школы «Интеллектуал» выступали, задавая риторические вопросы: «Неужели России не нужны будущие нобелевские лауреаты?» Школе сокращено финансирование до уровня середины 2000-х, после чего началась детективная история с письмом учеников к Путину, угрозами увольнения директору школы, поддельным согласием родителей на слияние с соседней гимна-

зией, которая, как позже выяснилось, этого слияния тоже не хочет.

Особо меня расстроило, что среди плакатов, которые держали митингующие, были почти средневековые в стиле «царь хороший, бояре плохие».

Другими словами, обрати, Путин, внимание на то, что творят твои нерадивые чиновники. Споры нет, Путину точно ничего не известно ни про школу для интеллектуалов, ни про гимназию для слабослышащих детей. Но стоит ли апеллировать к президенту, когда в современной России давно стало общим местом не брать в голову потребности отдельных групп. Кому они нужны, когда руководители страны так увлечены геополитикой?

Я выступала на этом митинге. Сказала честно, что не знаю, какие шаги надо предпринять в данной ситуации. Последние годы и особенно последние месяцы мне кажется, что все наши усилия бесполезны. Что если решение принято, то уже никто никого не услышит, никто ничто не поправит. Никогда в жизни я не чувствовала такого бессилия.

В толпе собравшихся обсуждали: «Им надо, чтобы остались только те, кто обслуживает «трубу». Кто такие «они» – понятно. Кто такие «обслуживающие «трубу» – тоже. Осталось только сообразить, кто же будет сидеть в тюрьме, если вспомнить цитату с плаката, которой я начала свою грустную колонку.

Источнику: <http://www.gazeta.ru/comments/column/yasina/s63357/6258545.shtml>

Фото: <http://www.yabloko.ru/>

Катерина Мурашова
семейный психолог

HTTP://OVOIFULLHD.RU/_PH/10/698097601.JPG

ШКОЛЬНЫЙ ИЗГОЙ НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

Вежливость и услужливость как оружие массового поражения

Толстенная коса, похожая на корабельный канат. Лоб закрыт челкой. Под челкой прыщи. Какие-то странные туфли с застежкой-перемычкой, в таких рисовали детей в старых советских книжках. Маленький рост, тяжелая попа. Глаза как будто интересно-зеленые, но смотрят так мрачно, что кажутся черными. В руках книжка с формулами на обложке. Где же родители этого чуда?

– Я пришла одна, – говорит чудо. – Меня мама к вам записала. Меня Ванесса зовут.

– Какое удивительное для наших краев имя, – несколько натужно восхитилась я. – А как же его сокращают?

– Дома зовут Ванечкой, а в школе – Ванной-говняннкой, – флегматично ответила девочка.

– Так. А по какому поводу тебя мама ко мне записала? Что она тебе-то самой сказала?

– Меня в школе травят, – глядя исподлобья, сообщила Ванесса. – Мама сказала: сходи к психологу, вдруг что дельное посоветуют.

– В каком классе ты учишься? Какая школа?

– В седьмом. Школа, которая вон, во дворе.

Обычно, если в классе есть реальная, действительно уже установившаяся травля, то есть в распределении групповых ролей школьник уверенно занял место «козла отпущения», я однозначно советую родителям забирать чадо из школы, а уж потом разбираться, что именно в характере (внешности, действиях и т. д.) ребенка привело к такому печальному результату и что можно сделать, чтобы ситуация не повторилась в новом коллективе. Но кому тут советовать? Где эта мама?

– Расскажи подробнее. Кто тебя травит? Весь класс?

– В общем-то да. Хотя нет. Есть такие, которым все равно. Они просто внимания не обращают.

– А друзья, подружки у тебя есть?

– Нет. Была одна, но она потом сказала: пойми, Ванна, я против тебя лично ничего не имею, но не хочу, чтобы меня из-за тебя дразнили.

– Что делают?

– Ну... дразнят в основном. Не бьют, нет, раньше толкались, я об стенку падала, теперь – нет... Портфель когда

вытряхнут, по пальто ногами походят... В тетрадке нарисуют чего, на доске напишут... Но это раньше больше, теперь реже, выросли все же... Дразнят, да. Если подойду, просто смеются.

– Давно?

– Да класса с третьего, наверное, может, с четвертого...

Да, Инна в третьем пришла...

– Кто это – Инна?

– Девочка у нас в классе.

– Заводила всего?

– Вроде так.

– У тебя когда-то был с ней конфликт, ссора?

– Нет, ничего не было... Или я не помню. Но она меня выбрала, да. А остальные сначала под нее пошли, а теперь уж привыкли.

– То есть теперь Инна ситуацией не управляет?

– Ну... она у нас королева, конечно... Но про меня ей уж и не надо ничего, они сами...

Уходить из этого класса, где «все привыкли» травить не красивую флегматичную девочку, которую когда-то назначила «козлом отпущения» явившаяся в класс «королева» Инна. Конечно, уходить. Девочка явно неглупа и наблюдательна, на новом месте все может получиться много лучше. И время как раз подходящее для какой-нибудь специализации.

– Есть в школе предметы, которые тебе нравятся, хорошо даются?

– Да. Математика, физика. Я люблю задачи решать. Мне учитель часто пятерки с плюсом ставит.

– Отлично! – обрадовалась я. – Значит, в восьмой класс тебе надо попробовать поступить в 366-й физико-математический лицей. Там всем нравится математика, там мало девочек, и там очень ценится умение решать задачи. Ты знаешь, где он находится?

– Знаю. Но я не хочу. Не пойду туда, в смысле, – спокойно сказала Ванесса.

– Почему не пойдешь? – обескураженно спросила я. Я так все хорошо придумала...

– Я не хочу бежать. Я хочу решить эту задачу. Как вы думаете, это можно? – зеленые глаза испытующе смотрят из-под челки.

– Не знаю, – честно сказала я. – По-моему опыту, если и возможно, то очень трудно и долго. Но если ты настаиваешь...

– Да. Я настаиваю. А долго, что ж... У меня еще четыре года есть...

– Четыре года? А, в смысле до окончания школы? – Мне крайне редко доводилось встречать семиклассников, мыслящих такими временными промежутками. – Ну что ж, месть – это действительно блюдо, которое нужно подавать холодным...

* * *

Боже мой, какая странная девочка была эта Ванесса! Где-то заторможенная до крайности, а где-то я просто не успевала за стремительными скачками ее мыслей.

На вторую встречу она принесла мне несколько фотографий, на которых была запечатлена Инна.

– Есть у меня шанс?

– Если бы все зависело от внешности, которой нас изначально наделяет природа, то никаких шансов, – признала я. – Но, к счастью, от нее зависит не все.

Красивая Инна была ярко выраженным гуманитарием и организатором, писала прекрасные сочинения, эссе, выступала на всех школьных концертах... придумывала очаровательные дразнилки, которые потом долго были у всех на устах.

– Начнем с учителей, – решила я. – Многие из них на самом деле любят тихих заучек и сами когда-то были отнюдь не феями. Но тебе придется сделать шаг вперед.

Я научила Ванессу говорить комплименты. Наблюдательности ее учить было не надо – она сама легко вычислила (и записала в тетрадку!) все уязвимые места учительниц и редких учителей своей дворовой школы и начала лить туда тщательно продуманный (и отредактированный во время наших сессий) елей. Обратная связь не замедлила воследовать. «Какая душевно тонкая девочка! И как неожиданно!» – сказала одна учительница другой. – «Хоть что-то у меня тонкое!» – усмехнулась подслушивавшая за дверью Ванесса.

Дальше настал этап тех отнюдь не единичных одноклассников, кто с трудом пережил переход от арифметики к алгебре и не вылезал из двоек. Я научила Ванессу подсказывать и давать списывать (она всегда, с первого класса, считала это недостойным). «Я решу за тебя самостоятельную, – говорила она глупой как курица однокласснице. – А ты взамен называй меня не Ванкой-говнянкой, а Несси. Идет?» – «Идет», – чуть-чуть подумав, решительно отвечала девочка, которой грозила двойка в четверти и (главное!) отмена покупки нового телефона.

– Как сделать, чтобы не злились учителя? – спросила меня Ванесса где-то в конце восьмого класса. – Они же видят, что я подсказываю и за других решаю и черчу...

(В восьмом классе, помимо способностей к математике и физике, у Ванессы обнаружился дар к черчению, она очень видела пространство. При этом творчески рисовать не умела совсем. Половина сдаваемых в классе чертежей являлись копиями ее работ, сделанными с помощью стеклянного, подсвеченного снизу лампой столика в кабинете физики).

– Черчение – бог с ним, оно год всего, – сказала я. – А про физику и математику надо подумать...

– Я люблю математику, чувствую ее и успеваю по ней лучше многих, – прижав руки к груди, говорила Ванесса на следующей неделе, глядя зелеными глазами прямо в душу учителя. – И я бы хотела делиться. Но не только списывать и подсказывать. Я готова помогать, объяснять...

Двое самых заядлых оболтусов сначала, конечно, для порядка посопротивлялись, а потом и сами были рады, когда через месяц курируемых учителем занятий с Ванессой вдруг что-то, чуть не впервые с начальной школы, поняли и сами (!) решили самостоятельную сначала на твердую тройку, а потом и (о чудо!) на слабенькую четверку...

Стесняясь, в пустом коридоре, чтобы никто не видел, подошла девочка из хорошистов-карьеристов: «Несси, ты можешь мне объяснить? Я никак вот эти задачи понять не могу...»

– Без проблем! – ответила Ванесса. – Приходи ко мне сегодня в пять с тетрадкой.

– Удивительная девочка! – говорили дома родители одноклассников. – И кто бы мог подумать! Результаты не хуже, чем у дорогостоящих репетиторов. А вы, идиоты, ее еще в младших классах, помнится, дразнили! Теперь-то ты понимаешь, что не все то золото, что блестит?!

О золоте. Однажды я по наитию попросила Ванессу распустить ее веревочную косу... и обалдела! Это был такой сумасшедший, темно-медный, лениво-волнистый водопад. Хотелось намотать ее тяжелые волосы на руки и застыть в медитации.

– Ты когда-нибудь...?

– Никогда.

К выпускному в девятом классе мы с Ванессой готовились полгода. Дольше всего упирались выпущенные из-под убранный челки прыщи, в результате пришлось все-таки замазать их последние бастионы тональным кремом. Еще два месяца Несси училась ходить на высоких каблуках. Один вывих лодыжки и несколько синяков – ничего страшного. На темно-красное платье, на котором настаивала я, она не решилась. Остановились на зеленом, в тон глазам.

После выпускного это была уже другая девушка. Как выяснилось, только на первый взгляд.

– Ты все доказала, может быть, пора тебе в физико-математический лицей? – спросила я. – Все-таки там другой уровень подготовки...

– Нет, – сказала Несси. – Зачем? Я и так сумею в университет подготовиться. Я уже и малый матмех нашла, как вы мне советовали, и двухгодичные курсы присмотрела. И... вы понимаете... это ведь была еще не подача блюда на стол. Это было так, в кухне покрутиться, приготовить кое-чего...

– Это уже без меня, – твердо сказала я.

– Конечно, – улыбнулась Несси и протянула мне ловко извлеченный из бесформенного мешка букет. – Спасибо вам за все. Давно хотела сказать, что у вас очень красивые глаза, они прекрасно гармонируют с изменчивым питерским небом и вашей многогранной личностью.

Я смеялась еще некоторое время после ее ухода и сама чувствовала в своем смехе некую нервозность. Еще два года для подачи блюда на стол. Я не завидовала Инне. Больше того, мне уже было ее жалко...

Источник: <http://www.snob.ru/selected/entry/80645>

Успеть в этой жизни. Что внести в список?

Катерина Мурашова
семейный психолог

– Здравствуйте, Екатерина Вадимовна! Вы меня помните?

Гм... Не помню. Две девочки, миленькие, умеренно раскрашенные, в каких-то довольно нелепых толстых гольфиках (текущая подростковая мода?), носки туфель ставят внутрь, словно обе страдают от последствий врожденной косолапости. Спрашивает та, что повыше и как будто побойчее.

– Знаешь, я, может, потом вспомню, – слегка извиняющимся тоном говорю я. – По обстоятельствам...

– Конечно! – радостно подхватывает моя посетительница. – Мы с мамой у вас были, потому что не могли договориться, сколько мне гулять и про компьютер. А еще у меня был хомячок Миша...

Прогулки, компьютер и хомячок Миша. О господи...

– Давайте, вы мне расскажете, с чем сейчас пришли, – предлагаю я. – Стало быть, ты – Оля, а ты – Таня. Вы одноклассницы, учитесь в девятом классе. Так?

– Так, так, – закивала бойкая Оля. – Вот мы с Таней поспорили. А потом еще Вика на мою сторону встала, а Ленка и Андрей (это Танин мальчик) – на Танину. А я спросила маму, и она сказала, что нам сейчас надо об учебе думать и как экзамены хорошо сдать, а не о всяких глупостях. А потом мы вместе спросили у учительницы литературы (она наша классная), но она нам толком ничего не ответила (сказала, что подумает, но так потом и замылила все), а после сказала географичке (Вика подслушала), что нас, то есть меня в первую очередь, надо бы в специальной лаборатории на наркотики проверить, она передачу по радио про это слышала...

Услышав про наркотики, я, до сих пор благодушно слушавшая разглагольствования Оли и ожидавшая в конце какого-нибудь вопроса типа «Как отличить настоящую любовь от ненастоящей?» или «Бывает ли дружба между мальчиком и девочкой?», естественно, насторожилась.

– Так. Стоп. Я потеряла нить. Давай начнем с самого начала. О чем поспорили вы с Таней?

– Я хочу детей. А Таня не хочет и говорит, что это совсем не обязательно.

– Ага. А ты что, их прямо сейчас хочешь? – осторожно спросила я, вспоминая, где именно у меня записан телефон «Ювенты» (питерского гинекологического центра для подростков).

– Нет, конечно! – рассмеялась Оля. – Куда мне сейчас, я еще сама почти ребенок! Потом, когда вырасту...

Я тихонько с облегчением выдохнула.

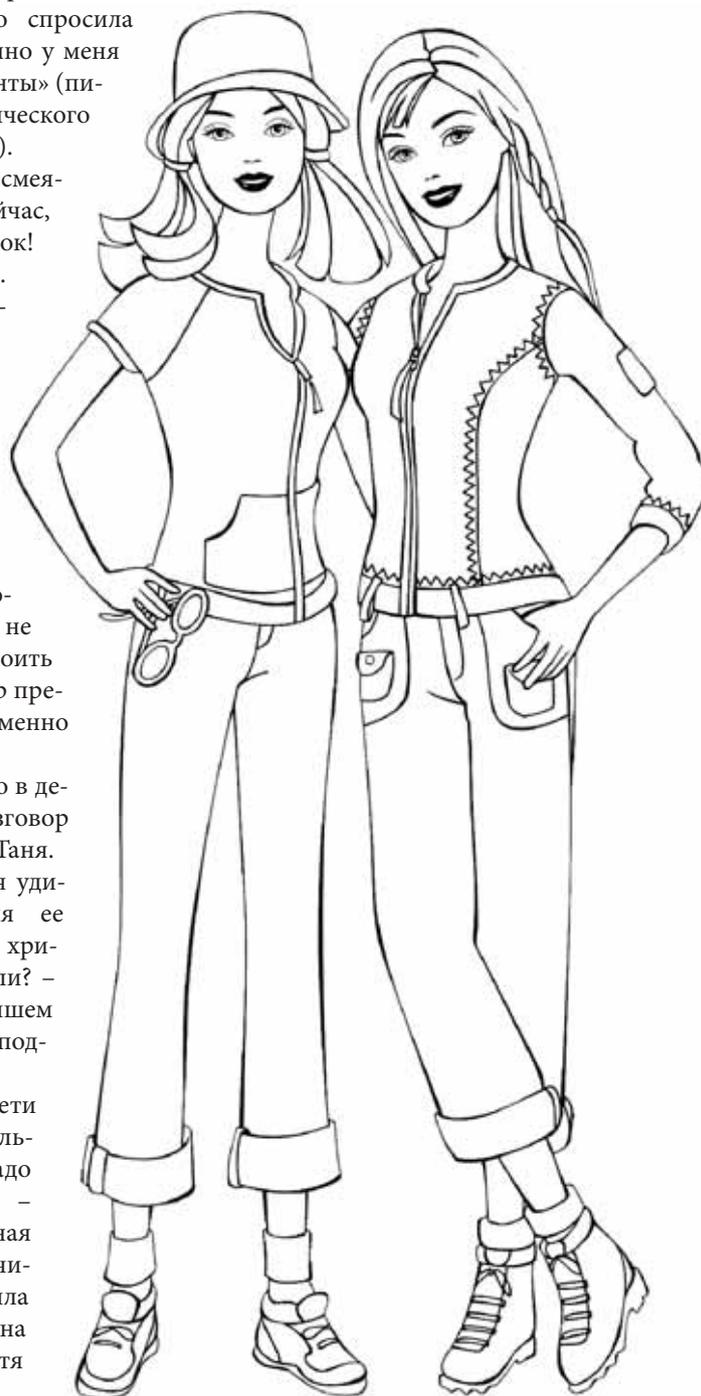
– Ну, так а в чем же тогда предмет спора? Ты хочешь детей, родишь их, когда вырастешь, и будешь воспитывать. Таня – не хочет и, если ее мнение по этому вопросу в дальнейшем не изменится, будет строить свою жизнь иначе. Мир прекрасен и удивителен именно своим разнообразием.

– Нет, дело не только в детях, – вступила в разговор молчавшая до сих пор Таня.

Голос у нее оказался удивительно низкий для ее возраста и отчетливо хрипловатый. Курит, что ли? – подумала я (в дальнейшем мое предположение подтвердилось).

– Оля говорит, что дети должны быть обязательно, потому что это надо прожить. Без этого – нельзя, неполноценная жизнь, так ее мама считает. Но она-то родила только одну дочку и на этом остановилась, хотя

Оля раньше очень братика просила. А у моей мамы нас трое (я старшая), и она иногда говорит, что вполне бы обошлась, если бы головой как следует подумала, особенно при нынешних-то возможностях, когда есть чем занять-

ся, кроме как детей рожать, и чтобы я не торопилась, а я и не собираюсь во все...

– Тань, ну это же действительно для вас не вопрос сегодняшнего дня, – слегка удивилась я. – В пятнадцать-то лет! Подрастете еще, получите образование, осмотритесь в жизни и примете то решение, которое покажется наиболее подходящим.

– Да не в детях же дело! – Таня досадливо тряхнула косо подстриженной челкой. – Мы про другое спрашивали, и у вас пришли спросить!

– Что ж, тогда сформулируйте, желательно почетче, тот вопрос, с которым вы пришли.

Девочки переглянулись. Таня кивком снова передала инициативу Оле. Оля пожевала пухлую нижнюю губу, наморщила невысокий лоб и начала:

– В мире очень много всего. Разного. Все успеть все равно не получится. Надо выбирать. Но мы еще мало знаем. В чем-то не разбираемся вообще, что-то нам в голову не приходит, а как раз оно-то и важно. Вам много лет, вы знаете больше, больше видели...

– Наш вопрос, – перебила подругу Таня, – что каждому человеку обязательно нужно испытать за жизнь, а без чего можно и обойтись?

– Да, да, – подхватила Оля. – Такое, ну, чтобы твоя жизнь получилась... полноценной, что ли... Есть же, наверное, какой-то список...

– Как в математике – необходимо и достаточно, – уточнила Таня, которая явно мыслила алгоритмичнее подруги. – Только, если можно, не надо про самореализацию личности...

– Учительница литературы? – догадалась я.

Девочки согласно кивнули.

– Ну, подруги, вы и спросили... – протянула я.

– Неужели и вы не знаете?! – комично всплеснула руками Оля.

– Знаешь, я просто никогда не размышляла именно в таком разрезе...

– Странно, – удивилась Таня. – А я думала, все когда-то это решают...

– Может быть, я просто забыла? Но это, во всяком случае, чрезвычайно интересно, – признала я и подтянула к себе листок бумаги. – Что ж, давайте смотреть... Для начала я бы обозначила физические границы, ибо без познания базы, фундамента трудно строить верхние этажи.

– Что вы имеете в виду?

– Голод, жажда, удовлетворение их. Усталость. Я бы даже сказала сильнее: физическое изнеможение. Работа до изнеможения.

– Ч-черт... Я, кажется, и вправду никогда не была по-настоящему голодной, – призналась пухленькая Оля.

– Я сама узнала, что такое настоящая жажда, только в сорок лет, когда в Израиле на пять часов заблудилась в заповеднике, в горной пустыне при температуре порядка сорока же градусов, – сообщила я.

– Спортзал подойдет? – деловито спросила Таня.

– Не знаю точно, но мне почему-то кажется, что нет. Работа...

– Да, работать – обязательно! – твердо сказала Таня. – Не домохозяйка.

– Отстань! Это каждый решает, что у него – работа. Мы с тобой сейчас не дадим определения.

– Ладно.

– Любовь? – осторожно влезла в наш жестко-физиологический диалог Оля.

– Конечно, – согласилась я. – Чем больше, тем лучше. Причем в идеале такую, когда в любую минуту отдашь свою жизнь, чтобы он жил, они жили...

– Это кто же? – насторожилась умная Таня.

– Увы тебе, это, как правило, не мужчина и не женщина – детеныши.

– Значит, все-таки придется?

– Говорят, можно заменить идеей, но тут я не очень в курсе... Да, еще нужно обязательно проводить родителей.

– Куда проводить? – раскрыла рот Оля.

– На тот свет, дура, – закрыла тему Таня. – Это правильно.

– А вот если секс? – видя, что мы с Таней как будто нашли общий язык, Оля тоже решила быть резкой и бескомпромиссной.

– Обязательно! – сразу согласилась я. – В самом лучшем случае – вкупе с любовью и детьми. Секс с любимым человеком с осознанным намерением родить с ним ребенка – мало что в мире сильнее по ощущениям. Говорят, тоже можно заменить идеей, но в это я, если честно, даже не особенно верю.

– А вот идея? – Таня решительно откинула челку назад. – Это обязательно? Если это так сильно, что даже может заменить и секс и детей?

– А наркотики надо попробовать? – наивно хлопая глазами, гнула свою бес-

компромиссную линию Оля. – Это, все говорят, вредно и опасно, но ведь интересно же...

– А вот хоть раз напиться в сосиску? – с удовольствием подхватила линию подруги Таня. – И курить? Тут мы с Андреем никак договориться не можем...

– Блинский бес! – разозлилась я. – Если в общую программу входит серьезный шанс мучительно сдохнуть молодым, измотав нервы всем близким, тогда – милости просим в психически активный рай! А что ж вы про «колеса» не спросили?

– Но почему нельзя просто попробовать? – не унималась Таня.

– Потому что наш биологический гомеостаз, придуманный природой и отточенный эволюцией, на котором мы все живем и подвешены как на ниточке – это состояние устойчивого неравновесия. НЕРАВНОВЕСИЯ – услышала меня? Чуть подтолкнешь – и нет никаких гарантий. Внеси в список русскую рулетку – и вперед. Не ты первая, не ты последняя. Главное тут – действительно не завести по дороге каких-нибудь детей...

– Да ладно, ладно вам, я наркотики и не собиралась вовсе, что я, дура, что ли... – примирительно пробурчала Таня.

Остыв после перепалки, мы еще рассмотрели творчество (внесли в список) и пресловутые «идеи» (после продолжительной дискуссии в список решили все-таки не вносить, рассудив, что человеческая жизнь вполне может быть полноценной и без служения идеям). Таня настояла на рассмотрении «побед» и «поражений» (внесли и то и другое после спора, в острый момент я прибегла к авторитету Адлера и Лоренца), а Оля – «нужности кому-то» (внесла без дискуссий). Я предложила «ощущение общности», начала объяснение с элевсинских мистерий и мои девочки сразу скисли. Тогда я перешла на рок-концерты и первомайские демонстрации из моего собственного детства, и предложение тут же оказалось в списке.

Уважаемые читатели, подскажите, что мы с девочками забыли (наверняка что-то есть)? Что еще в течение жизни должен обязательно испытать, прожить человек?

Источник: <http://www.snob.ru/profile/5591/blog/80339>

Есть в России регионы, где детей не считают за детей...

Судьба турков-месхетинцев и их детей в России

Евгения Гатаулина
собкор Первого канала в Лондоне

Есть в России регионы, где матерей еще в роддоме заставляют покупать своим новорожденным детям свидетельства о рождении. Где детей исключают из школы незадолго до выпуска, чтобы те не портили статистику. Где школьники вынуждены стоять в темноте в открытом поле, ожидая школьный автобус. Речь идет о детях турков-месхетинцев, о народе, который вот уже более 70 лет живет в условиях презумпции виновности. Журналисты Елена Власенко и Дмитрий Фролов проехали через Ростовскую область, Ставропольский край и Кабардино-Балкарию вслед на фотовыставкой, посвященной притеснениям населяющих эти места турков-месхетинцев. То, что они увидели, открыло их глазам еще одну страницу беззакония и произвола в России.

Краткий экскурс в историю: турки-месхетинцы – это субэтническая группа турок родом из области Месхетии в Грузии. После окончания русско-турецкой войны в 1829 году земли Месхетии-Джавахетии были разделены между Россией и Турцией, после образования СССР земли турков-месхетинцев были отнесены к Грузинской ССР. В 1944 году по приказу Сталина этот народ, как и ингушей, чеченцев и крымских татар депортировали в Среднюю Азию – Казахстан, Киргизию, Узбекистан и Юг России. Предлогом послужило подозрение, что среди них слишком много потенциальных шпионов, имеющих родственников в Турции, что, естественно, не было подтверждено. Более ста тысяч турок-месхетинцев погрузили в товарные вагоны, около 17 тысяч погибли в пути, тысячи оказались при смерти. В 1989 году в Узбекистане произошли Ферганские погромы – кровавые события, в которых погибли более ста человек, главным образом турки-месхетинцы, тысячи получили травмы, сотни домов были сожжены. Сегодня около 80 тысяч турок-месхетинцев живут в южных областях России, где они испытывают притеснения со стороны местной администрации и казачьего населения.

ИНТЕРВЬЮ С ЕЛЕНОЙ ВЛАСЕНКО

Евгения Гатаулина: Как ты узнала про этот народ, про его проблемы?

Елена Власенко: Нам повезло с мужем встретиться с людьми, которые представляют американскую дисапору турок-месхетинцев. Дело в том, что у этого народа нет людей, которые бы его защищали. Они всеми брошены, у них нет родины, им некуда возвращаться. В середине 2000-х годов около 10 тысяч турок-месхетинцев были эвакуированы из

HTTP://WWW.SOVSEKRETO.RU

Краснодарского края в Америку по специальной программе Международной организации миграции. Уже там они, пережившие национализм здесь, не забыли про тех, кто остался, а в России осталось более 80 тысяч. При чем цифры не могут быть точными, поскольку многие живут без документов и их просто невозможно учесть. В России есть организация, которая декларативно занимается правами турок-месхетинцев, она называется «Ватан», в переводе «Родина». Но она во всяком случае не успевает решать все проблемы из-за недостатка ресурсов. Ее подозревают в лояльности к российской власти, скажем так.

В Америке, в городе Дейтон, эвакуированные турки создали Турецко-американский общественный центр Ахыска, а на его базе – комитет по защите прав турок-месхетинцев. У очень многих эвакуированных здесь остались родственники, поэтому они знакомы с ситуацией не понаслышке. Понимая, что повлиять на политику российского руководства с тем, чтобы национализм сразу прекратился, невозможно, единственным решением они видят эвакуацию людей. А их есть от чего эвакуировать – это и психологическое давление, и физические расправы, вплоть до убийств. Они занялись информационной кампанией в поддержку своих близких в России и задались целью убедить конгрессменов возобновить программу по переселению турок-месхетинцев в США.

Е.Г.: А участие России играет какую-то роль?

Е.В.: Там другой нюанс. В середине 2000-х, когда уже была эта программа, Россия, естественно, обеспокоилась за свою репутацию – все таки 21-й век, а здесь спасают людей, как будто мор, и обещала, что национализма больше не будет и с турками-месхетинцами все будет хорошо. Поскольку этот народ жил изначально на территории Грузии, откуда их Сталин депортировал в 1944 году, Грузия также обещала сделать

все, чтобы люди могли вернуться на свою историческую родину. Ни Россия, ни Грузия свое слово не сдержали. Нашим американским друзьям, чтобы рассказать, какая здесь ситуация, нужно было задокументировать факты насилия и национализма. Так мы приступили к съемкам фильма.

Е.Г.: Какого было твое первое впечатление, когда ты туда приехала?

Е.В.: Первый пункт нашего путешествия – Зимовниковский район Ростовской области. Там мы услышали слова заместителя главы администрации этого района: «Страшно, страшно, мусульмане плодятся как кролики». Мы сразу погрузились в ситуацию, когда с нами говорят не как с журналистами, а как со славянами, а про людей другой религии и культуры говорят, как о животных. Над ними издеваются постоянно и совершенно безнаказанно. Казалось бы ничего нового мы там не увидели, это в России нередкое явление. Тем не менее, сидя в Москве и говоря о безнаказанности, мы можем открыть Интернет, посмотреть какие-то законы, посмотреть советы правозащитников. Там нет этой крыши. Чувство безнаказанности и безнадежности, что не к кому апеллировать, – это было первым впечатлением.

Е.Г.: Как реагировали сами турки-месхетинцы на ваш приезд?

Е.В.: Они реагировали двумя способами. Первый – страх и неверие. Сказывается и эхо Ферганских погромов, и психологическое и физическое насилие, которым подвергаются турки-месхетинцы в России сегодня. Они боятся говорить на камеру – у многих нет паспорта либо старые документы советского образца. Местные чиновники требуют 100 тысяч рублей за паспорт, причем могут выдать документ и на фальшивом бланке – такие случаи были обнаружены во время переписи населения в 2010 году. Яркий пример страха – женщина-турчанка, которая обратилась ко мне с просьбой написать об отсутствии остановки для школьного автобуса. Дело в том, что каждое утро автобус едет по деревням и собирает детей в школу. Там, где живут турки-месхетинцы – а часто эти места на отшибе, где кончаются дороги, – остановки нет, дети вынуждены стоять в темноте и на холоде, часто под дождем. Рассказав об этом, женщина в ужасе стала повторять: «Только не упоминайте моего имени, а то моего ребенка избьют или исключат из школы, если узнают, что я пожаловалась». На следующий день она перезвонила через людей и все умоляла не называть ее имени. Они запуганы, в том числе казаками, которые устанавливают комендатский час после 21.00 именно для турок-месхетинцев, негласный, конечно.

Вторая реакция – возбуждение, надежда, как будто прорвалась блокада молчания. Они рассказывали о своих бедах без остановки, потому что обычно их некому слушать. Во многих селах местные лидеры лояльны к власти, заинтересованы, чтобы все сидело тихо и ничего не менялось. Бесправное положение этого народа выгодно многим. С одной стороны, это теневой рынок как источник прибыли и постоянных взяток. С другой – возможность для полиции провести очередной рейд и – о, чудо! – обнаружить и депортировать граждан без паспорта, отчитавшись наверх, как хорошо они борются с проблемами.

Е.Г.: Елена, а у вас была возможность пообщаться с детьми?

Е.В.: Детей мы видели, они живут прекрасно. Несмотря на все зло вокруг них, их умудряются воспитывать в добре, их учат, что не надо ненавидеть, все наладится. Особенно

маленькие дети – они как будто всеобщие. У них есть такой огромный диван – сакку. Они на нем все сидят, пьют чай, а маленькие дети ходят от одной бабушки к другой, все их целуют. Нюанс с детьми постарше. Им трудно учить русский язык. Потому что в школах создают отдельные классы для русских и турок-месхетинцев. Это сильно осложняет процесс изучения языка. Учителя с ними практически не занимаются. Родители пытаются наскрести деньги для частных преподавателей, но это сложно – где в селе, в котором туалетов, найти частного преподавателя? Детям сложно общаться на русском. Детям еще постарше, которые, несмотря на препоны, умудрились выучить язык страны, которая вообще говоря... их родина, так вот, после девятого класса их выгоняют из школы. Мы говорили с отцом такой девочки – его дочке дали недвусмысленно понять, что она нежеланный ученик, потому что она испортит статистику показателей по сдаче ЕГЭ. В итоге она оказалась единственным сельским жителем, которой удалось поступить в университет, хотя за два года до этого ее исключили из школы, потому что она слишком «глупа». Любопытно беседовать с детьми турков-месхетинцев, который эмигрировали в Америку. Дети говорят на потрясающем английском, хорошо учатся. Видна разница – этим дают развиваться, а этим нет.

Е.Г.: А еще с какими проблемами дети там сталкиваются? Как дела со здравоохранением?

Е.В.: Плохо. Если нет регистрации, то нет полиса, нет бесплатной медицины. Нам рассказывали турчанки, что их близких и дочерей, которые рожали без документов, не выписывали из роддома, заставляли платить взятку, покупать свидетельство о рождении. Но все равно много детей без документов, это те дети, у кого родители не могут легализоваться из-за вымогательств и бюрократической волокиты. Такие случаи есть, это системная проблема. Решить ее можно было бы, предоставив бесплатные юридические консультации, как было сделано в Крымске после наводнения. Но тут никто не заинтересован в легализации этих людей.

Одна девочка в Кабардино-Балкарии, Соня, рассказала нам на камеру, что оканчивает школу, хочет стать врачом, но у нее нет документов. Смеясь, говорит, что единственный выход в такой ситуации – совершить преступление, потому что не могут посадить без паспорта. Это, конечно, ужасно. Есть в России регионы, где детей не считают за детей, а людей – за людей. На игрушки, обустройство детских, развивающие материалы денег практически нет. Ситуация должна беспокоить детских омбудсменов, но никого не беспокоит.

Е.Г.: Что могло бы изменить ситуацию?

Е.В.: Возобновление программы по переселению – это дало бы возможность уехать из страны хотя бы тем, кому действительно грозит опасность, кому угрожают расправой, а таких очень много. Но это, конечно, не решит системную проблему. Нужны инициативы, подобные нашей. Они стимулируют людей в Ставрополье, Кабардино-Балкарии, Красноярском крае высказываться о своих правах. Опомнитесь – я, черт возьми, гражданин, имею право на защиту! Внимание к этим людям пробуждает надежду, что их услышат. Нужно бороться с национализмом систематически – не просто сажать за решетку тех, кто совершает акты насилия, а с раннего детства говорить, что мы все равны. Нужно быть человеком по отношению к туркам-месхетинцам.

Вертикаль

HTTP://RIA56.RU

Валерий Панюшкин

руководитель детского правозащитного проекта Русфонда «Правонападение», журналист, писатель

Журналистка Вера Шенгелия пишет в своем «Фейсбуке», что, дескать, в Москве неподалеку от метро Щукинская в детском доме для детей-инвалидов суп размалывают в жидкую кашу и дают детям в бутылках с сосками – так быстрее. А поскольку на обед детям, кроме супа, полагается еще и компот, то чтобы два раза не раздавать бутылки, суп смешивают с компотом – все равно ведь в животе все смешается, все равно ведь они ничего не соображают, эти дети-инвалиды.

Информацию про щукинский детдом нужно, конечно, проверять. Но я верю. Я видел подобное много раз в разных детских богадельнях страны. И вот что я думаю. Кормить больных безответных детей кашеобразной бурдой из супа и компота – это то же самое, что наложить эмбарго на импортные продукты. Только уровни принятия решений разные. Бурда – это уровень детдомовской нянечки. Эмбарго – это уровень президента. Но суть одна – что дадим, то и сожрут, они же все равно ничего не соображают и не различают вкуса.

А еще я видел в домах для детей-инвалидов, как детей целыми днями держат в зарешеченных кроватках. Или в манежах. Никаких прогулок, никаких развивающих игр. И это по сути то же самое, что запретить государственным служащим выезжать за рубеж. Только

запереть ребенка в манеже – это уровень детдомовской воспитательницы, а запереть взрослого в границах страны – это уровень президента. Но суть одна. Куда им идти? Еще натворят чего-нибудь. Какие им впечатления? Какой им огромный волшебный мир? Сыты, одеты – и ладно. Все равно ведь они ничего не соображают.

Гермесом Трисмегистом каким-то себя чувствую. Или капитаном Очевидность. Очевидно же – что сверху, то и внизу. Что президент страны, что детдомовская нянечка – не любят, не уважают и не жалеют тех, кто от них зависит. Спасибо, капитан.

Вопрос только в том, с кого следует начинать гуманизацию общества. От властителя ли требовать уважения и сострадания к подданным, чтобы каждая нянечка рано или поздно уподобилась ему. Или нянечке разъяснить

про уважение и сострадание, чтобы властитель рано или поздно вынужден был соответствовать уважительности и сострадательности своего народа.

Я вот почему-то полагаю, что начинать нужно с нянечек. Почему-то мне кажется, что они понятливей. Почему-то я думаю, что молодые люди, которые приходят в детские дома для инвалидов и разъясняют нянечкам, отчего даже совершенно умственно отсталого ребенка нельзя кормить бурдой из супа и компота – ближе к цели. Влиятельнее оппозиционных политиков. Влиятельнее – от слова «влиять». То есть никто не запомнит их имен, никто не изберет их сенаторами и никто не поставит им памятники. Но они лучше отфильтровывают из нашего воздуха жестокость и лучше растворяют в воздухе уважительность и сострадательность.

Кого акула не проглотила

Один день из жизни реабилитационного лагеря «Шередарь», где дети, победившие рак, учатся заново быть детьми

Екатерина Фомина

корреспондент «Новой газеты»

Сегодня из волшебного эльфийского печенья, измельченных кристаллов с Альп, сыра из пасты бьюнтера («Никто не знает, как он выглядит, потому что он везде оставляет свою пасту и сразу сбегает»), перемолотой пыльцы златоглазки и молока единорогов в кулинарной мастерской готовят чизкейк. Дети тайком пробуют получившуюся пасту – зеленого, голубого, оранжевого цвета (мастер Катя капнула немного пищевого красителя). Шери вызываются мыть посуду, чтобы тайком облизнуть ложку.

– Катя, а где купить яйца грифонов? – серьезно спрашивают дети. Им необходим рецепт домой.

Когда на мастерской пекут шоколадные кексы, безумный запах заволакивает весь этаж. В кирпичном здании санатория «Сосновый бор» во Владимирской области расположился реабилитационный лагерь «Шередарь» – для детей, вылечившихся от рака и других тяжелых заболеваний.

В этот раз их сорок пять: из Самары, Тюмени, Новосибирска, Астрахани, Брянска, Владимира, Иркутска, Казани, Уфы, Элисты, Минска. Они на восемь дней попали в Школу Волшебства. Восемь команд – восемь факультетов: бравдор, звездорад, сталемеч, милоплюш, кременстраж, динзвон, ладокрыл, фильньон, у каждого свой герб и девиз.

Фонд «Шередарь» существует два года и за это время проводит уже девятую психосоциологическую реабилитационную смену. Долгое время Михаил Бондарев, генеральный директор компании «ВКС-International House» (курсы английского языка), занимался благотворительностью анонимно – просто передавал деньги Российской детской клинической больнице, там он познакомился с первым директором фонда «Подари жизнь» Галиной Чаликовой. Сначала предложил санаторий (который он арендует) для отдыха сотрудников фонда, родителей с детьми, волонтеров... Абсолютно естественно родилась идея: нужно возить сюда выздоровевших детей... А зачем?

* * *

Только кажется, что мастерская по стрельбе из лука проходит в спортзале, на самом деле мы в ведьмином лесу. Здесь живут злые духи, которых нужно поразить. Даже если не попал в мишень, наверняка задел парочку. Так и поражена болезнь. Но она не спешит уходить, нашептывает ребенку: ты не такой, как все. Семью окутывает всепоглощающее чувство вины: все внимание, все средства бросают на борьбу с болезнью, родители ссорятся, каждый винит себя, ребенку кажется, что он – причина этих ссор, братья и сестры иногда думают: «Ну почему я-то родился здоровым?» Болезнь – она ведь не только физическая. Поэтому и нужна реабилитация. После нее человек выходит в тот же мир, но с ощущением другого своего места в нем. Важного. В первую очередь он – ребенок! И ему надо вернуть детство. Это объясняет Терри Дигнан, эксперт Международной ассоциации реабили-

онных лагерей SeriousFun Children's Network, программами реабилитации занимается больше 20 лет. Все смены он проводит в лагере рядом с детьми.

* * *

Деньги на реабилитацию дает Бондарев, что-то переводят люди. Уже второй раз «Шередарь» подает заявку на президентский грант для некоммерческих организаций. В июне гранты получили «Ночные волки», «СтопХам», «Хрюши против»... «Шередарю» отказали без объяснения причин. В октябре есть еще одна возможность. Тогда можно будет брать больше детей на программу. Тем более есть куда. Недалеко от «Соснового бора» достраивают собственный центр «Шередаря» – деревянные дома, мебель для которых делают тоже недалеко – на фабрике, которая тоже принадлежит Бондареву. В четверг там высадили первую аллею рябин. Будут зарабатывать на весеннюю и осеннюю программу, сдавая домики в аренду летом.

«Если вам предложат миллион долларов или десять волонтеров, всегда выбирайте волонтеров», – говорит Терри. Волонтеры – это проводники детей в большой мир, их шери. Их любимый герой, конечно же, Холден Колфилд, тот самый, что мечтал ловить детей над пропастью.

Маша первый раз приехала в «Шередарь» полтора года назад – вести мастерскую танца. В команде оказался мальчик на протезе. Еще один – без зрения... Кое-как их уговорили попробовать. Через пару дней первый зажег на дискотеке, второй освоил нижний брейк. Маша раньше была юристом, но перешла работать в фонд «Подари жизнь». «В лагере ценности сдвигаются: для тебя важно успеть нарезать сердечки каждому ребенку, чтобы девочка поборола себя и вышла на сцену... Когда я первый раз вернулась на работу после «Шередаря», подумала: какая разница, сколько ноликов в этих документах, зачем я вообще должна их готовить? Настоящая жизнь не здесь».

* * *

Того мальчика, который зажег на дискотеке, зовут Самат, он из Саранска. И до лагеря думал, что дети раком не болеют, он такой один. Он и ровесников своих не видел: «блячка» пришла, когда ему было два, боролся с ней шесть лет. Одоле, но с потерей. С первого класса Самат на домашнем

Благотворительный фонд реабилитации детей,
перенесших тяжелые заболевания

Фонд «Шередарь» (официально зарегистрирован 23 ноября 2012) проводит программы психосоциологической реабилитации детей, перенесших онкологические и гематологические заболевания. Во время программы дети участвуют в различных занятиях и мероприятиях, направленных на то, чтобы ребенок преодолел свой страх неудачи, добился успеха и почувствовал себя сильным и самостоятельным. Наши вожатые всегда поддерживают ребенка, создавая дружескую атмосферу и помогая ему обрести уверенность в собственных силах.

«Шередарь» приглашает детей со всей России в возрасте 7-13 лет, перенесших онкологические и гематологические заболевания, со сроком после окончания основного курса лечения до 5 лет. Участие в наших программах совершенно бесплатно для детей и их родителей.

Адрес:
Владимирская область, Петушинский район,
поселок Сосновый Бор
Телефон: +7 (49243) 6-23-14, 6-19-10; +7 (499) 372-15-53;
E-mail: info@sheredar.ru

ФОТО: ЕКАТЕРИНА ФОМИНА И ШЕРЕДАРЫ

обучении, свежий воздух – только с балкона. В лагерь он поехал в десять лет. И можете представить – впервые за эти годы на него смотрели просто, прямо, не отводя взгляда. Он осмелел – начал ходить на костылях, не надевая протез. Танцевал на костылях без протеза. Мама Альбина не поверила бы, если бы не увидела фотографии. «Он вернулся самостоятельным ребенком... Понимаете, та «болячка» сразу делает их как бы взрослыми, но они-то дети». Альбина уверена, что в «Шередаре» «детей окунают в волшебство».

Правда, в Саранске Самат по-прежнему не выходит из дома без протеза. Провинциальный город, ну не могут там пройти мимо и не пошептаться. Зато дворовые мальчишки теперь за Самата горой, уважают.

Самат, когда болел, стал думать о том, что своей семьи у него никогда не будет. Кому он такой понадобится?

«Мы прошли свою «горячую точку», как люди в погоне проходят через свои испытания», – говорит Альбина. Самат больше не думает о плохом.

Детям в «Шередаре» дают возможность контролировать ситуацию – то, что ограничивали врачи и программа лечения. Шери никогда на их «можно?» не скажут «нельзя». Самое главное в «Шередаре» – принять вызов, попробовать то, что было запрещено долгое время болезни. Нельзя цитрусы, орехи, «не прыгай», «не бегай» – даже после выздоровления родители не верят, что ребенок снова с ними, ограждают его от внешнего мира, как раньше, боятся потерять.

Ребенок может не заметить успеха, ему нужен тот, кто укажет на него. Ему нужно просто подарить «ого-я-столько-всего-могу»-ощущение. После каждой мастерской дети определяют свое состояние цветом – узнал что-то новое, научился чему-то новому, хорошее настроение, творческое настроение. На театральной студии раскрашивают маски, на музыке рисуют плакат своей группы, на кулинарной студии выбирают цвет обертки для конфет.

Они особенные. Еще не понимают, какая серьезная и страшная болезнь, как акула, чуть не проглотила их. Но они оказались сильнее. Маленький человек, он еще не знает, что «болячка» не выбирает, к кому прийти, не смотрит, хорошо ли он вел себя, она – не наказание за что-то, она – необъяснимость, нелепость, «такнедолжнобыть». И никто не виноват.

По вечерам в лагере собираются на «Шепталку». Откровенничают: если бы у меня был волшебный ластик, что бы я им стер, если бы была дверь, за которой может оказаться все что угодно, куда бы она вела? Когда обсуждали «поступок, которым я горжусь», ребята начали вспоминать спортивные достижения, стрельбу из лука, кто сколько проехал на лошади (такая мастерская тоже есть). А один сказал: «А я горжусь тем, что я выздоровел». И остальные подхватили: «И мы гордимся!»

Пару дней назад фантазировали, каким зверем хочется побыть. Один мальчик сказал: «Хочу быть ежом-качком». Шери очень удивилась. Оказалось, утром на мастерской журналистики волонтер Маша изображала Белоснежку, а дети ее интервьюировали.

– На чем вы обычно ездите?

– На всем, что под руку подвернется!

– Даже на ежах?

– Даже на ежах!

– Но они же маленькие и слабенькие?

– А у меня есть свой спортзал для ежей, где они качаются! – разошлась Белоснежка.

На мастерскую по журналистике каждый раз приглашают гостя. Вот и мне удалось побывать журналистом из «Волшебной новой газеты», что выпускают в соседнем королевстве («Добавляй везде «волшебный» – на этой смене все так и работает», – научили меня волонтеры).

За ужином шери обсуждают, кого Василек пригласил танцевать вчера на дискотеке и какое платье можно сшить ведущей завтрашней «Синей птицы» – местного «Оскара». Каждый вечер волонтеры достают «анонимки» из конвертов со своими именами на стене – дети втихомолку кладут туда записочки. «Без тебя «Шередарь» непредставим, а желтая палочка в волосах тебе идет», – читает свежее послание Наре, которая вчера на дискотеку пришла с новой прической. После ужина – костер. Жарят сосиски и зефир на огне, поют песню про «Алые паруса»... В это время мастера верстают газету «ШереНьюс», чтобы свежий номер был готов к завтраку.

– Поэтому у нас жизнь ночная.

А вот выдержки из последних номеров:

«Дружба – это когда ты стоишь рядом с другом, сердце наполняется радостью и весельем. Иногда это можете перерасти в любовь» (Влад).

«Красота в том, как мы выглядим. Еще красота может быть в доме – это называется уют» (Алина).

«Я мечтаю всегда быть здоровой» (Диана).

«Я мечтаю, чтобы я могла ездить на всех животных мира. Особенно хотелось бы полетать на орле» (Соня).

«Радость – это когда человек улыбается и счастлив, когда наступают каникулы. Радость – это быть здоровым» (Кариана).

«Радость для всех людей разная. Например, радость – это собраться вместе с семьей» (Никита).

«Знать, что ты приносишь радость, – и есть радость» (Вася).

В «Шередаре» строят планы на годы вперед: в следующем году откроют программу для братьев и сестер болеющих детей, потом и семейную программу.

В 2016 году хотят устроить летнюю смену (обычно их проводят весной и осенью).

– Но летом много комаров! – предупреждает Терри.

– Ничего, у нас будут спреи от насекомых!

Источник: <http://www.novayagazeta.ru/society/65547.html>

НУЖНАПОМОЩЬ.РУ
Проект по развитию
благотворительных,
общественных и
социально-значимых
инициатив

**Благотворительный
проект «Нужна
помощь» сейчас
помогает фонду
«Шередарь» собрать
1 миллион 853 тысячи**

**рублей на строительство нового реабилитационного
центра. Собрана половина необходимой суммы.**

Российские власти превращают сирот в бомжей

Государство обмануло более 100 тысяч детдомовцев

HTTP://IMG-FOTKI.YANDEX.RU

Все российские сироты по достижении совершеннолетия должны получить собственное благоустроенное жилье. Это требование федерального закона, который был принят почти два десятка лет назад. Однако действует этот закон лишь формально. На самом деле далеко не каждый детдомовец в России может рассчитывать на помощь государства в поиске крыши над головой.

На прошлой неделе Счетная палата (СП) опубликовала шокирующие результаты проверки регионов на предмет обеспечения детдомовцев собственным жильем. Выяснилось, что более 115 тыс. взрослых сирот в России так и не получили обещанного государством жилья. Заметим, что это число бездомных взрослых сирот превышает численность всех несовершеннолетних сирот, которых в России на сегодня около 100 тыс. человек.

Формально повзрослевшим детдомовцам в жилье чиновники, разумеется, не отказывают. Все эти сироты сохраняют на бумаге право выпрашивать у государства дом или квартиру. И назвать их окончательно обманутыми, строго говоря, нельзя. Поэтому все эти сироты годами остаются как бы «временно обманутыми».

Однако перспективы получения жилья для них становятся все более призрачными. Ведь только за один 2013 год численность «временно обманутых» сирот увеличилась сразу на 11 400 человек. Другими словами, очередь бесквартирных сирот растет в стране темпом по 10% ежегодно.

В прошлые годы власти выделяли сиротам по 22–23 тыс. квартир и до-

мов ежегодно. Правда, в это число попадали и совсем непригодные для жизни помещения. Ведь единых стандартов для выделения «благоустроенного жилья» для сирот в России нет. И этим очень ловко пользуются наши чиновники. Они, в частности, навязывают сиротам вместо благоустроенных квартир дачные домики, пригодные для существования только в летнее время. Еще одна удобная для властей схема – это «поселить» сирот в недостроенное жилье – то есть попросту в несуществующие дома.

Закупаются эти полупригодные постройки за казенный счет. Так, в прошлом году на дома для сирот было потрачено около 30 млрд руб., в том числе 6 млрд – из федерального бюджета. В 2011 году на жилье для сирот из бюджета было выделено около 19 млрд руб. Но на эти деньги иногда закупались комнаты в коммунальных квартирах, общежитиях и домах, не соответствующих даже санитарным нормам. Так, в Новосибирской области 345 детей-сирот были расселены в коммунальных квартирах. При этом в одной квартире предоставлялось жилье разнополым детям-сиротам, не имеющим родственных связей, – отмечают аудиторы СП.

Вместо квартир комнаты в коммунальных получали сироты, в частности, в Мурманской и Волгоградской областях, а также в Башкирии. Часто сиротам выдают жилье в неблагоустроенных и ветхих постройках. А в некоторых областях выделялись квартиры, общая площадь которых была меньше установленных социальных норм.

Но даже такое «жилье» получить удастся далеко не всем. Два года назад среднее время ожидания жилья для сирот составляло около четырех лет. Сегодня же это время наверняка увеличилось – иначе не росла бы так резко численность «временно обманутых».

Заметим, что массовое нарушение прав детей-сирот происходило и в 2013 году, то есть во время общественного конфликта из-за «Антимагнитского закона» о запрете усыновления в семьи из США. В этом году чиновники утверждали программы помощи сиротам и даже обещали создать для них приемлемые условия существования. Однако, судя по проверкам, в части обеспечения жильем ситуация к лучшему пока не меняется.

Источник: http://www.ng.ru/editorial/2014-09-25/2_red.html

Униженные и беззащитные

Мария Эйсмонт
журналист

15 сентября Международная правозащитная организация Human Rights Watch (HRW) представляет в Москве доклад о детях-инвалидах в российских интернатах.

«Брошенные государством. Насилие, отсутствие заботы и изолированность детей с инвалидностью в российских интернатах» – так называется доклад, выпущенный по итогам посещения и анализа ситуации в 10 специализированных учреждениях. HRW задокументировала «многочисленные проявления недостаточной заботы, в частности, недостаточное питание, недостаточное здравоохранение, недоступность реабилитационных услуг, недоступность образования, недостаточную доступность досуга и игр. А в двух интернатах персонал сообщал, что у них не приветствуются контакты детей с родителями, поскольку некоторые родители могут баловать детей и те вернуться в учреждение непослушными».

Как рассказала *The New Times* автор доклада Андреа Маццарино, она объездила почти всю страну, появлялась на ступенях домов-интернатов и просила ее впустить. Впустили только в 10.

Из увиденного правозащитниками хуже всего то, что детей часто просто бьют и жестоко наказывают. Как сказано в докладе, «это может достигать уровня пыток, особенно в контексте сочетания различных видов физического и психологического насилия, использования механических и медикаментозных методов коррекции поведения и психиатрической госпитализации».

«Меня били и за волосы таскали. Таблетки давали, чтобы успокоить», – цитирует доклад 19-летнюю выпускницу интерната Настю Е.

15-летняя Валя Т. из одного из учреждений Северо-Запада просит автора доклада не говорить, что она рассказала, иначе «они меня в дурдом отправят. Убьют... А когда дети из психушки возвращаются, они тихие такие. Трясет их».

Антон К. рассказывал HRW, что не раз видел, как персонал учреждения обливал детей холодной водой, когда они плакали.

Пожаловаться на своих мучителей дети с инвалидностью, как правило, не могут, констатируют авторы доклада: «Ни у кого из проинтервьюированных нами детей или молодых людей не было доступа к механизмам, посредством которых они могли бы безопасно сообщить о нарушениях, не опасаясь мести».

Вообще-то ничего принципиально нового для тех, кто в теме, в этом докладе нет. В прошлом году вышел документальный фильм «Мама, я убью тебя» Елены Погребижской о детях из коррекционного интерната, у которых были большие планы на жизнь, но за них решили, что им больше 4 классов образования не нужно. А тех, кто плохо себя вел, отправляли в психиатрическую лечебницу.

Был документальный фильм «Блеф, или с Новым годом» Ольги Синяевой – о депривации детей-сирот в домах-интернатах. В фильме нянечка на камеру говорила о своем воспитаннике: «Этот вообще никакой!», а выпускник одного из детдомов рассказывал, как его за разные провинности отправляли в психиатрическую лечебницу. Об этих издевательствах бесконечно пишет пресса, но есть ли какой-то толк?

Ситуация понемногу меняется к лучшему, утверждают специалисты, и, что очень важно, меняется в головах федеральных чиновников. Персонал интернатов проходит тренинги и семинары, на которых вместе с новыми методиками им прививают уважительное отношение к воспитанникам. Но детей, как свидетельствуют волонтеры, по-прежнему где-то бьют, где-то отправляют в психиатрические лечебницы,

ФОТО: АНДРЕА МАЦЦАРИНО/HUMAN RIGHTS WATCH

10-летний Никита П. в своей кровати в интернате для детей-инвалидов в Свердловской области

где колют седативными препаратами, а много где – привязывают к кроватям на целый день. Причем не всегда из жестокости, часто просто потому, что не хватает рук уследить, а «они же бьются головой, могут себя повредить».

Доклад HRW вышел очень вовремя: нашему обществу, уже несколько месяцев болезненно переживающему войну на Украине, важно напомнить о внутрироссийских проблемах. И эти проблемы надо решать всем миром – если не участием в работе наблюдательного совета закрытого учреждения, то хотя бы помощью «особенному» однокласснику ребенка в адаптации к повседневности.

Все-таки величие страны, о котором сейчас так много говорится, зависит не от ее размеров, а от качества жизни самых беззащитных ее граждан.

Источник: *The New Times*, № 29,
15.09.2014

«Все-таки Бог есть – к доктору хорошему попали»

Наталья Чернова

ВСЕРОССИЙСКАЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ
ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ АКЦИЯ
«ВОЛНА ЗДОРОВЬЯ»

Теплоходный маршрут с бригадами врачей из ведущих медицинских центров страны, общественными и государственными деятелями, артистами, победителями Интернет-конкурса «Моя альтернатива» по реке Волга: Москва, Калязин, Весьегонск, Череповец, Рыбинск, Тутаев, Кострома, Ярославль, Дубна, Москва. (4-12 сентября 2014 г.)
Цель акции – помочь детям, страдающим врожденными сердечными патологиями, расстройствами зрения и слуха, общими заболеваниями

Медицинская программа

ДИАГНОСТИКА

Медицинский
осмотр детей

КОНСУЛЬТАЦИИ

Телеконференции
и семинары
со специалистами

ЛЕЧЕНИЕ

Последующее
лечение в профильных
медицинских центрах

ФОРМИРОВАНИЕ
ЗОЖ

Конференции,
круглые столы,
презентации

ПРОПАГАНДА
ЗОЖ

Фестивали, концерты,
акции, марши,
мастер-классы

Теплоход быстро заполняется встревоженными людьми, и у кают, приспособленных под врачебные кабинеты, выстраиваются очереди.

За две недели до старта организаторы «Волны здоровья» разошлют в местные отделы здравоохранения просьбу о том, чтобы на местах к приему подготовили самых сложных детей. На практике же получится, что на теплоход будут по всему маршруту приходить и те, кому просто надо с ребенком к врачу попасть – очки подобрать, легкие послушать. И выяснится, что для этих стихийных посетителей теплоход с врачами – шанс не ждать месяц по записи в районной поликлинике.

Чтобы понять, как лечат детей в провинции, каждому медицинскому чиновнику профессионально показано постоять в этих очередях на теплоходе.

РАЗГОВОРЫ

Все три дня, что я нахожусь на теплоходе, я хожу и слушаю. Иногда спрашиваю.

Тоненькая девочка (выяснится, что ей 22 года и зовут ее Алена) держит на руках девочку в розовых колготках и бантиках. Дочери Ире три года и восемь месяцев. У Иры детский церебральный паралич.

«Четвертый час ее на руках держу, спина уже разламывается. Я долго рожала, она у меня застряла, потому что у меня таз узкий и надо было кесарево делать. Не сделали, за голову тащили. У нас в голове киста, я вот не знаю – надо оперировать или нет. Как лечат? Раз в полгода отправляют в реабилитационный центр на две недели. Самое обидное – это когда путевку на реабилитацию дадут, а у нее судороги. А после судорог никакого лечения давать месяц нельзя. Массажистку на дом приглашаю – семь тысяч за десять массажей».

Молодая женщина укачивает крохотного младенца у кабинета офтальмолога. Это Оля и Глеб. Глебу три месяца.

«У нас вроде все хорошо, но он у меня недоношенный. Его врачам надо каждый

Акция, которую придумал известный хирург и Президент фонда «Лига наций» Лео Бокерия, – его цель. Главная же задача – обследовать детей со сложными патологиями. Врачей сопровождала корреспондент «Новой».

Москва – Калязин – Мышкин – Череповец – Рыбинск – Тутаев – Кострома – Ярославль – Дубна – Москва. По этому маршруту я отправлюсь на теплоходе с бригадой врачей из ведущих клиник: НЦ ССХ им. академика А.Н. Бакулева, МНТК «Микрохирургия глаза» им. академика С.Н. Федорова, Научно-клинического центра оториноларингологии ФМБА, Российской детской клинической больницы, НИИ клинического института педиатрии РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Московского НИИ педиатрии и детской хирургии, Центрального НИИ стоматологии и челюстно-лицевой хирургии.

Акция «Волна здоровья», которую придумал известный хирург Лео Бокерия, проходит уже в восьмой раз. Главная ее задача – обследовать детей со сложными патологиями, дать рекомендации и откорректировать лечение, а кого-то направить на операции в столичные клиники. Ключевое слово –

«бесплатно». Теплоход с врачами – это, по сути, уникальный шанс для тех, кто ждет его на берегу. Потому что с провинциальной зарплатой в 15 тысяч хоть разбейся, а собственного ребенка на консультацию к медицинскому светилу, если это только не вопрос жизни и смерти, в столицу не повезешь. И не везут.

Первым на нашем пути – Калязин. Теплоход задерживается, и люди, ждущие на берегу с детьми на руках, стоят здесь уже третий час. Начинается торжественная встреча, организованная местной администрацией – хлеб-соль, все как положено, ансамбль юных барабанщиц барабанит что-то бравурное. Девочки в белых гольфах и плюмажах стараются, но люди не отрывают взгляд от трапа, который медленно устанавливают матросы. Кто-то на борту не выдерживает и кричит: «Пустите же детей на теплоход!» Маленькая толпа тут же проталкивается к трапу, а концерт продолжается для десятка зевак.

месяц показывать. А здесь врачей нет – мы в Тверь ездим за 180 километров. Там, чтобы к трем врачам попасть, нужно день просидеть. Тяжело это». Оля улыбается.

Вика и ее мама («Да не надо моего имени»). Вике 12 лет. Она не ходит сама, у нее деформирован позвоночник, на корабль ее на руках заносит один из волонтеров.

«Она не ходит, я вот хочу узнать, может, какое лекарство от ног есть. Раньше она ходила, а сейчас все хуже и хуже. Диагноз? Он трудно называется – синдром Шарко-Мари-Тута. Еще сколиоз четвертой степени. Я ее в Питер возила, думали, что можно операцию сделать, но врачи сказали, что она может ее не перенести. До этого года Вика в обычной школе училась, а теперь совсем не ходит, и мы вот дома будем учиться. Еще я инвалидную коляску жду от собеса, обещали дать...»

Вика сидит на стуле в облаке кудрявых белых волос и пытается развлечь ревущего парня лет трех разноцветным флажком.

Ни разу, заметьте, ни разу я не услышу от родителей дурных слов в адрес местных врачей. Услышу досаду: «Не заметили вовремя; оставили рожать одну; лекарство нам не то прописали...» И все. Как будто врачебная ошибка или, что чаще, халатность – неизбежное испытание, судьба, от которой не убежишь.

Мужчина кавказской внешности и двухлетний Давид. «Нет, не знаю про диагноз. Жена знает, она вон в той очереди стоит. Первый мой сын здоровый. А этого рожала долго, что-то неправильно сделали. Он не ходит».

Надя и Сережа. Надя тоже совсем молодая мама – ей 22 года, Сереже почти четыре. Они сидят на ступеньках между кабинетами, стульев на всех не хватает. Сережа все время пытается вырваться куда-то. Надя держит его за рукав. Вдруг кто-то в очереди начинает громко реветь. Сережа тут же опускает голову, вжимается маме в колени и его побелевшие от напряжения кулачки начинают мелко дрожать. Надя хватается его в охапку: «Тихо, тихо Сережа. Все хорошо, все хорошо». Сережа, поскуливая, обмякает у нее в руках.

«Нам сложно стоять в очереди. Он громких звуков боится, может судорога начаться. У него и дцп, и энцефалопатия. Я когда его рожала, мне практи-

кантка пузырь иголкой проколола, воды отошли, а схваток не было. Почему меня практикантке доверили? Я с ним долго по врачам ходила – он не сидел в год и семь месяцев, только лежал, а мне врачи говорили, что все нормально. А потом я поехала к платному врачу и ему энцефалограмму сделали. Вот. А нашему неврологу в поликлинике я не верю, я к платному Сережу вожу. Иногда два раза в месяц. Кто мне помогает? Родители, но у нас в одной квартире семь человек живут, а Сереже тишина нужна».

Через четыре часа я увижу, как, укрыв Сережу кофтой, она вместе с сыном будет дремать на ступеньках.

ОЧЕРЕДЬ

В Калязине весь прием в коридоре стоит главный врач районной больницы Андрей Дмитриев. Расскажет, что в Калязине три с половиной тысячи детей, а это, по минздравовским стандартам, недостаточно, чтобы в районе были ставки детского лора, кардиолога, нефролога, ортопеда, невролога. Они, конечно, оказывают детям срочную помощь в детском отделении при больнице, но это «не специализированная помощь». Сколько еще калязинцам нужно родить детей, чтобы не приходилось возить их за 180 километров на консультации в Тверь, он не знает.

Узнав, что на борту будет вести прием специалист по челюстной хирургии, родители начнут осаждать кабинет. Выяснится, что все, кто пришел к врачу, пришли не «по профилю», потому что кариес – это к стоматологу. А они-то подумали, что раз челюстной, то может. В Калязине нет детского стоматолога, есть только взрослый, который принимает два часа в день.

Чиновница из тверского минздрава на вопрос, как она сама оценивает уровень медпомощи в области, с энтузиазмом сообщит, что они организовали 10 выездных медицинских бригад, которые ездят по отдаленным районам и осматривают детей. Дмитриев потом все же заметит, что бригады эти ведут диспансерный прием, то есть могут зафиксировать проблему у ребенка, но дать качественные врачебные рекомендации не способны.

Следующим местом стоянки будет город Мышкин. В Мышкине теплоход встретит пустая пристань, окажется, что из-за снижения уровня воды в

Волге у Весьегонска, где планировали причалить невозможно, и прием будут вести в Мышкине. Первой на палубу взлетит раскрасневшаяся Таня: «Мне сестра позвонила – она торгует на пристани. Бери, говорит, детей и беги сюда – врачи приехали».

Через час Таня отчитается: «Я так и думала. Наш врач говорил, что дочери только операция на глазах поможет, а ваш врач сказал, что можно попробовать коррекцию. Вот направление в Москву дал».

Чуть позже к пристани все же приедут десять детей с родителями из Весьегонска. Всего десять потому, что местная администрация скажет, что автобус нужно было заказывать заранее. И оторопь возьмет от этой чиновничьей отмазки, которая на самом деле не про автобус, а про то, что от больных детей можно отмахнуться. Ликвидировать шанс на здоровье, потому что автобус понадобился не по графику. Вот не верю я в это препятствие непреодолимой силы.

А в Череповце начнется Армагеддон. 142 ребенка будут записаны на прием. Вместе с родителями, бабушками получится нервно-терпеливая толпа, которая готова стоять хоть пять часов подряд, лишь бы «хороший доктор посмотрел». И разговоры будут все те же: «болезнь просмотрели, лечили не от того». А еще краем глаза замечу, как Алексей Тихомиров, руководитель «Волны здоровья», проводя какого-то местного чиновника по коридорам теплохода, предложит: «А вы пройдите на прием, посмотрите». Тот, не сбавляя шага, ответит: «Да я и так вижу, что все хорошо». Что хорошо?

В каждом из трех городов, где я окажусь с «Волной здоровья», самые большие очереди будут к неврологу. Львиная доля диагнозов, с которыми будут идти к врачу, родом (буквально) из роддома. Вовремя не сделали кесарево, пропустили, как отошли воды, оставили одну в палате... В итоге – тяжелейшие ДЦП. Эта очередь – абсолютная лакмусовая бумажка качества родовспоможения в глубинке.

УСТАВШАЯ МЕДИЦИНА

Именно такое ощущение возникает, когда узнаешь, как лечат детей в провинции. Практически нет молодых, амбициозных врачей, которые читали

бы медицинскую литературу, интересовались новыми методами. Выписывают то, что выписывали и десять, и двадцать лет назад. Средний возраст – предпенсионный, основной способ найти верное лечение – это сказать родителям: «Везите ребенка в Москву». И полная беда с ранней диагностикой, той, которая дает шанс вовремя определить патологию и не запустить болезнь.

Алексей Тихомиров, руководитель проекта «Волна здоровья», делится своими наблюдениями: «Самое обидное, что к нашей акции в регионах – и здесь тоже – отношение зачастую формальное. Мы просили прислать самых сложных детей, тех, которым реально нужно откорректировать лечение препаратами, либо дать направление на операцию в Москву. А присылают типичные случаи. Врачи, конечно, обследуют всех детей, но я никогда не поверю, что в таком большом городе, как Череповец, не нашлось сложных детей к нефрологу или лору. Такое ощущение, что местные доктора опасаются, что если они направят их к нам, то распишутся в собственном непрофессионализме, а значит, рискнут потерять место работы. Равнодушие к своим больным какое-то удручающее. Мы за две недели разослали в местные поликлиники по маршруту телефоны наших врачей с просьбой звонить по любым вопросам: какое исследование надо дополнительно сделать, чтобы наш врач имел полную картину, каких детей направить в первую очередь. Не позвонил никто. А еще очень часто на

прием к нашему врачу приходит ребенок, которого на самом деле направили не по адресу. Его местный педиатр записывает к нашему логопеду или нефрологу, а на самом деле ребенку нужен невролог. И это тоже показатель уровня местной медицины».

ВРАЧИ

Все в один голос просили, когда к ним расписывали прием детей: «Сделайте так, чтобы на каждого было минимум минут двадцать». У невролога Галины Коваленко пациенты задерживались минут на сорок, и очередь к ней всегда была самой длинной, только в Череповце – 40 человек. А еще я видела, как офтальмолог центра Федорова Иван Осокин, совсем молодой доктор, буквально за пять минут до отхода теплохода от пристани бежал по коридору, чтобы принять ребенка, которого принесла запыхавшаяся женщина со словами: «А я только полчаса назад узнала, что к вам можно попасть». Кардиолог центра Бакулева Нонна Зимина расскажет, что к ней часто направляют детей, у которых местные специалисты находят порок сердца. «Понимаете, очень часто шумы в сердце принимают за порок. Приходят встревоженные родители, которым уже сказали, что нужна операция. То есть врачи элементарно не в состоянии отличить патологию от нормы, хотя это достаточно просто». Еще она расскажет, что один из пап после того, как его девочку осмотрели, попросит: «Посмотрите меня.

Сердце барахлит что-то...» Посмотрели, сделали УЗИ, написали, какие еще надо сделать исследования.

И еще одно наблюдение – врачи «Волны здоровья» все подробно объясняют родителям. Внятно, не удивляясь очевидным вопросам и тому, что зачастую эти взрослые толком сами не ориентируются в диагнозе ребенка. И это тоже про высокий профессионализм и про то, что разговор с больным – это не менее важно, чем анализы. Я видела, как пульмонолог и педиатр Марина Терещенко несколько раз подробно повторяла одной маме, как правильно кормить сына – годовалого мальчишку с диатезом и проблемами с почками. Буквально – завтрак, обед и ужин. И было, честно говоря, удивительно, что об этом маме не рассказал участковый педиатр.

ИТОГИ

Иришке доктор назначил противосудорожные препараты и лекарство, которое «дольше задерживается в организме», как сказала мама Алена, и поэтому его надо пить реже.

Маму Глеба доктор обрадовал тем, что у него нет ретинопатии недоношенных – частой патологии таких младенцев, но все же хоть раз еще надо, чтобы быть уверенной, показаться врачу. Дал памятку и телефон специалиста, по которому можно звонить с вопросами.

Вике с труднопроизносимым синдромом доктор расписал на год поддерживающее лечение, чтобы родители не тратили силы и деньги на визиты к врачам. Вику вылечить, к сожалению, невозможно.

Сереже доктор тоже расписала программу лечения и дала адреса специалистов, которые могут ему понадобиться.

...Уже смеркается, с трапа теплохода спускаются две женщины, держа за руки девочку лет трех. Бабушка говорит дочери: «Все-таки Бог есть, Катя, – к доктору хорошему попали».

P.S. За восемь лет акция «Волна здоровья» охватила более 40 городов России, свыше 4000 тысяч детей были обследованы, 500 получили направления на бесплатные операции и лечение в ведущих клиниках страны.

Источник: <http://www.novayagazeta.ru/society/65318.html>

Нежная кожа

Елена Ванина

НУЖНАПОМОЩЬ.РУ
Проект по развитию
благотворительных,
общественных и
социально-значимых
инициатив

Почти два года назад я сломала ногу. На ровном месте, поскользнувшись на виноградине. Одна секунда в падении и год на костылях. Я лежала в больнице и думала – какие ломкие и незащищенные на самом деле люди. Как просто нам сломаться и выйти из строя, и как редко мы думаем о тех, кому нужна помощь, пока сами не попадем в беду. Когда я впервые увидела фотографию ребенка с буллезным эпидермолизом, то подумала, что я – терминатор, груды железа, а этот ребенок – самая хрупкая субстанция, которая только есть в мире. Из-за тонкости и ранимости кожи таких детей стали называть «дети-бабочки». Смотреть на них – очень страшно. Думать о том, сколько боли они испытывают каждый день, час, секунду – еще страшнее.

HTTP://WWW.WEBLANCER.NET

Каждый из нас хоть раз в жизни сильно обжигал руку или ногу – так, что на ней выскакивал неприятный волдырь. Я помню, как в детстве потянулась за сковородкой с жареной картошкой на плите и опрокинула на себя чайник с кипятком. Я успела отскочить в сторону, но кожа на ноге стала похожа на кожу ящерицы. Жгло так, что я, кажется, и до сих пор это помню. А теперь просто представьте – от любого неправильного прикосновения и легкого удара на коже ребенка с буллезным эпидермолизом возникают такие волдыри, как у нас после ожога. Только не один, который скоро пройдет, а десятки, которые долго и плохо заживают, а затем появляются снова и снова. День за днем, год за годом. И если правильно не ухаживать за ребенком, его кожа превращается в одну огромную рану, пальцы на ногах и руках срстаются, страдают легкие, пищевод, желудок.

Большинство врачей в России не знают диагноза «буллезный эпидермолиз», в их списке болезней этой просто нет. А поэтому, когда в роддоме вдруг появляется такой малыш, сотрудники разводят руками и говорят родителям, что не знают, что с ним делать. Не в смысле – не знают, как облегчить боль, а вообще не знают. Не знают даже правильных слов, чтобы родители в ужасе не отказались от новорожденного, у которого нет кожи на ногах и половине туловища (да, к сожалению, такие

случаи – не редкость). Единственный рецепт лечения буллезного эпидермолиза, который долгие годы был известен у нас в стране, – зеленка и бинты. При перевязке вместе с бинтами врачи и неопытные родители сдирали с детей кожу. В буквальном смысле.

Забинтованные руки и ноги, никаких игр, никакого веселья. Такого ребенка нельзя даже крепко обнять. Но ему можно помочь, если знать как. Буллезный эпидермолиз – редкое генетическое заболевание. Нигде в мире еще не научились определять, из-за чего именно возникает генетический сбой и как можно его устранить. Это заболевание не лечится. Единственный способ дать ребенку возможность нормально расти, ходить в школу и надеяться на полноценную взрослую жизнь – начать правильно за ним ухаживать с самого рождения.

В мире есть лекарства нового поколения, которые значительно уменьшают боль и заживляют раны. Естественно, стоят они очень дорого. Но проблема даже не в этом – в России о них не знают ни родители, ни врачи в больницах и поликлиниках.

Первые три года жизни ребенка с БЭ – самые трудные. Чем раньше начнется правильное лечение и уход, тем проще ребенку будет справляться и с болью, и с болезнью.

В наших силах помочь таким детям. Фонд «Дети БЭЛА» (Буллезный

эпидермолиз: Лечение и Адаптация) занимается изучением этой болезни в России. Волонтеры фонда ищут детей с буллезным эпидермолизом по всей стране, врачи и консультанты объясняют родителям, как правильно справляться с симптомами и облегчать боль. Фонд помогает детям лекарствами, организует для них отдых и пытается устроить на лечение в зарубежные клиники.

Все вместе мы должны сделать так, чтобы об этом диагнозе и о его симптомах знало как можно больше врачей по всей стране. Фонд «Дети БЭЛА» подготовил публикацию двух научных книг – «Жизнь с буллезным эпидермолизом» и «Реабилитационная терапия при буллезном эпидермолизе». Эти книги после печати должны разойтись по больницам и родильным домам России. Всего на печать тиража нужно около миллиона рублей. Фонд уже собрал 428 700 рублей. Осталось 535 884 рубля. Всего половина.

Мама мальчика, родившегося с диагнозом «буллезный эпидермолиз» сказала: «Мы не знаем, сколько сможет прожить наш ребенок, поэтому мы рады каждому дню». Мы можем продлить жизнь этих детей. И это не фигура речи. Требуется всего ничего – любая сумма и минута времени. Сделайте это.

Источник: <http://www.echo.msk.ru/blog/nuzhnapomosh/1402602-echo/>

Светино счастье

Лариса Саенко

Москвички Света и Света, старшая и младшая, раз в год приезжают в Америку, чтобы сделать для Светы-младшей протез. Сегодня они боятся лишиться такой возможности: Россия и Америка рассорились из-за Украины, а в Госдуме уже звучала инициатива запретить лечение за рубежом.

Света и Света, загорелые и голенастые, бойко нарезают мили по Манхэттену. Света-старшая экономит деньги на проезд: проехать всего ничего – пять долларов заплати, а на такие деньги они целый день питаются в китайской забегаловке. Света-младшая просто любит стремительное движение, потому что полжизни из своих 10 лет она провела в детдоме для инвалидов, где была прикована к постели.

Светы однажды случайно встретились в московском госпитале: старшая увидела крошечное изуродованное создание, от которого из роддома сбежала родная мама, потом несколько дней не могла забыть, потом долго разыскивала по детдомам, нашла – и удочерила.

Так в их семье стало две Светы.

ПОД НЕБОСКРЕБАМИ

Светы запрокидывают головы, рассматривая небоскребы, заглядывают в витрины бутиков на Пятой авеню, изучают поделки народных умельцев на уличных развалах, младшая иногда отстает, чтобы привычным движением поправить протез – если не приглядываться, он кажется в точности таким, как ее собственная ножка, только с перевязанным коленом. Раз в год они приезжают из России в Америку, чтобы сделать для младшей Светы новый протез: из старого она за год вырастает, и тогда он начинает спадать с ноги, словно сапог не по размеру.

На детской площадке они остановились, мама – перевести дух на скамейке, а дочка – чтобы с горки прокатиться, – протез и отвалился. Девочка ловко его подхватила и приладила на место, а другие дети в испуге разбежались. Это все потому, что протез старый, а новый ей наденут – и бегать будет гораздо легче.

Света и Света больше всего боятся, что Россия и Америка совсем рассорятся, и Москва громко хлопнет дверью. Обе Светы, по их словам, «помнят, как начался разлад» – с печально известного «закона Димы Яковлева», принятого в ответ на «список Магнитского», а со временем российские депутаты дошли до идеи запретить (пока только госслужащим) лечение за рубежом. Идея, правда, хода не получила*. Но только ведь в России сегодня – так, а завтра снова эдак.

Без «ножек Буша» Светы перебьются, голландскими сырами не баловались, вина не пьют вообще – ни французско-

го, ни крымского. Но как без протезов-то? К тому же удочеренной русской Свете в Америке помогают бесплатно – благодаря нью-йоркскому фонду *Global Medical Relief Fund*.

«Мама этой девочки (Светы) написала мне, что у них нет средств на протез, и поэтому ребенок не может ходить и обречен на жизнь в четырех стенах, – рассказывает *The New Times* основатель и директор *Global Medical Relief Fund* Элисса Монтанти. – Я знаю, что в России такой протез стоит около 10 тыс. долларов, и его нужно заменять каждые 10–12 месяцев. В США мы нашли госпиталь для девочки, который взялся ей помочь бесплатно».

Пока для Светы-младшей делали протез, девочку поселили в приют на Статен-Айленде, который находится под опекой фонда. Здесь под одной крышей собираются дети из самых разных стран – они здесь живут, пока для них делают очередной протез. Приезжают с мамами, готовят на общей кухне блюда своих стран, разговаривают на разных языках, но при этом прекрасно понимают друг друга. Они вместе рисуют, играют, заводят друзей и плачут, когда возвращаются назад, домой, словно расставаясь со своей семьей.

ПИСЬМО ИЗ БОСНИИ

Жизнь американки Элиссы Монтанти, медтехника по диплому, перевернуло письмо боснийского мальчика Кенана Малкича, подорвавшегося на mine: «Господь Бог и милостивые люди, помогите мне обрести протезы!» В 1995 году Элисса пришла к послу Боснии в ООН, чтобы передать боснийским ребятам игрушки и тетрадки от жителей Статен-Айленда. Дипломат в ответ объяснил: детям войны нужны не плюшевые мишки и цветные карандаши, а протезы.

Кенан Малкич стал первым подопечным Элиссы – она сумела найти людей, которые откликнулись на горе ребенка. В результате четырех месяцев лечения боснийский мальчик обрел руки – и встал на ноги. Он окончил американский колледж и сейчас живет в Америке, считая Элиссу своей второй матерью.

Так, собственно, создавался *Global Medical Relief Fund* – одной-единственной женщиной, всколыхнувшей сердца нью-йоркцев. Теперь фонд сотрудничает с десятками частных спонсоров, сотнями волонтеров, крупнейшие ритейлеры – *Amazon*, *Macy's* – проводят акции в помощь детям, искалеченным войной или стихией. Их доставляли из Боснии, Косово, Пакистана, Ирака, Афганистана, Сьерра-Леоне, Гаити, они были искалечены войной, тайфунами, землетрясениями. Вроде ничего такого нет в России? Только вот на родине Света-младшая встала в очередь на протез шесть лет назад. Очередь так и не подошла.

* Законопроект о запрете чиновникам и членам их семей (супругам и несовершеннолетним детям) выезжать на лечение за границу был внесен в мае 2014 года депутатами от фракции КПРФ Владимиром Федоткиным и Олегом Куликовым. Однако инициатива не получила поддержки в комитете Госдумы по охране здоровья.

На Манхэттене Света погружается в стихию шопинга. Нью-Йорк. 2014 г.

Света в детдоме в четыре года не ходила, почти ничего не видела и не разговаривала

«БЮДЖЕТНЫЕ» ДЕТИ

По статистике, в детских домах России находятся 17 тыс. инвалидов. После «закона Димы Яковлева» их шансы обрести семью упали, а сейчас, на пике «санкционной войны» между Москвой и Вашингтоном, шансов и вовсе практически нет. Дети должны находить родителей в России – так приказала им Родина.

«У нас в России детей-инвалидов не усыновляли ни до «закона Димы Яковлева», ни после: мозги по-другому устроены, – рассказывает Света-страшая. – В детдома для инвалидов усыновителей даже и не водят, хотя там есть совершенно нормальные дети – ну, ручка или ножка не такие, как у всех. На меня смотрели как на дуру, когда я на Свету начала документы оформлять. У нас есть такая комиссия – «по правам детей». Знаете, это как пройти через чистилище: «Зачем вы берете этого ребенка?! Скажите правду, зачем он вам нужен – на донорские органы?»

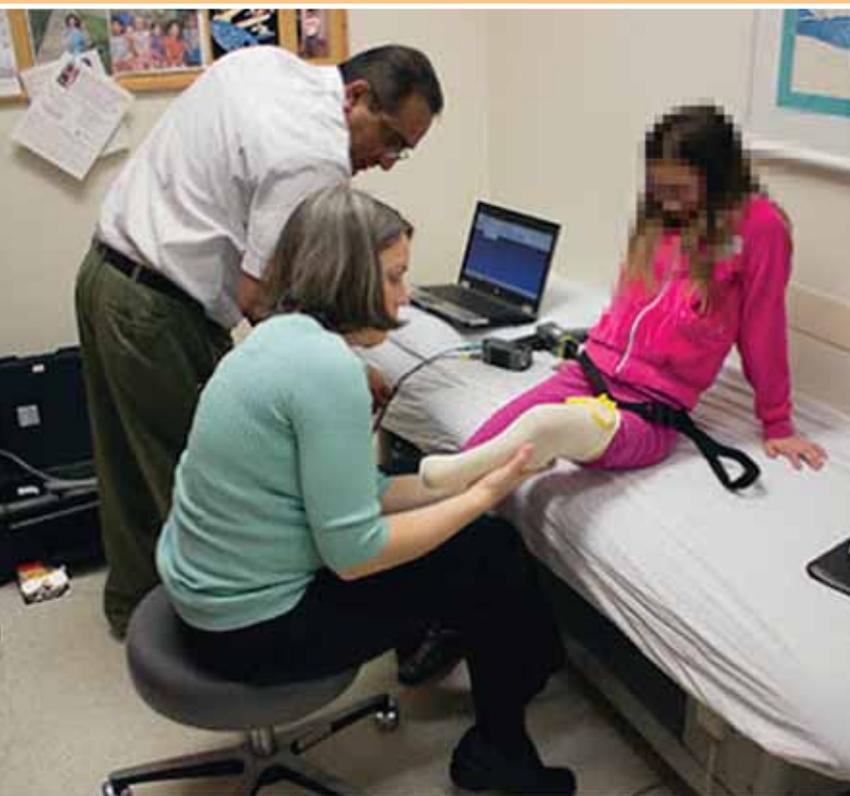
По словам Светы-старшей, Света-младшая в детдоме в четыре года не ходила, почти ничего не видела и не разговаривала.

«Меня готовили к этому интервью, и поэтому я молчала и отвечала так, как учили наши общественницы, – вспоминает Света-старшая свое первое посещение детдома. – Потому что, если сорвешься, закричишь или заплачешь, – тебя снова отправят на психиатрическую экспертизу: мол, подозрительно неуравновешенная, отдавать ей ребенка нельзя. Разрыдалась я уже позже, когда шла по аллее».

Поначалу Света-старшая думала, что ей сразу отдадут Свету-младшую: «Я готовилась к встрече, купила ей рождественское платье и билеты на Кремлевскую елку. Но мне позвонили из официальной инстанции и отчитали – «Что вы, женщина, себе думаете? На ребенка ведь оформляются бюджетные фонды, никто вам под закрытие года ее не отдаст». Получается, детдомам не выгодно отдавать детей на усыновление: больше у них сирот – больше им притекает денег.

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

«А у вас была в детстве мечта? – спрашивает корреспондента *The New Times* Света-младшая. – У меня была – чтобы у меня нога настоящая выросла. Сейчас я понимаю, что это

Каждый год Света вырастает из протеза, и в Америке ей делают новый. Нью-Йорк. 2014 г.

В России протез для Светы стоит 10 тысяч долларов, а в Нью-Йорке его делают бесплатно

невозможно. Еще я мечтала, чтобы у меня была подружка или друг – такие, чтобы на всю жизнь. Мне казалось, что мы дружим, но потом они выбирали себе других друзей – конечно, с нормальными ногами. А у вас есть друзья?»

Света-младшая признается, что у нее оценки в школе «не очень» – и все стали ее сторониться, мол, она неуспевающая, вроде как последняя. «Потом одна девочка, дочка учительницы, сказала: «Не важно какие оценки, главное какой человек», и со мной снова стали общаться. В классе у нас пятнадцать человек, но близкой подружки нет», – признается Света.

А еще ей кажется странным, что в Нью-Йорке дома престарелых можно встретить на Манхэттене: «В центре Москвы их нет... Я сейчас мечтаю стать нью-йоркским пенсионером. Жить на Манхэттене – как это здорово! Ну и что, что старенькие? Сидят на лавочках, улыбаются и смотрят на океан... А что вы любите? А я люблю деревья и цветы. И еще – путешествовать».

Светам нравится в Нью-Йорке. Целый год они копят на билеты за океан, а тут, в Америке, им уже помогают – фонды, организации, спонсоры и просто самые обычные американцы, с которыми порой случайно свела судьба. С деньгами у них негусто: Света-старшая, мать-одиночка, трудится в бюджетной организации, и это – одна из причин, по которой они стараются не афишировать свои отношения с Америкой. (По этой же причине они попросили не указывать их фамилии).

«У нас, в России, сейчас это не приветствуется, – извиняющимся тоном объясняет мама. – А будем жаловаться – система поставит на нас крест».

«МЫ ЖИВЕМ В ОДНОМ МИРЕ»

Элисса Монтанти говорит, что ей часто задают вопрос: почему их фонд помогает не собственным, американским детям-инвалидам, а привозит детишек из далеких стран. «Это не так. Своим мы тоже помогаем. Но у нас, в Америке, нет войны, и люди, которые поддерживают мой проект, понимают, что мы живем в одном мире и не можем закрыть глаза на беды и несчастья на других континентах...»

Г-жа Монтанти очень переживает за то, что происходит сейчас на Украине: «Наверняка, там тоже есть невинно пострадавшие дети, которым нужна помощь. Я готова взять под опеку нашего фонда ребенка, который нуждается в протезировании конечностей или глаз».

Элисса Монтанти ждет ответа.

В детских домах России находятся 17 тыс. инвалидов.

После «закона Димы Яковлева» их шансы обрести семью упали, а сейчас шансов и вовсе практически нет.

Источник: *The New Times*, № 28, 8.09.2014
Фото: <http://www.newtimes.ru>

В гостях у семьи Ромо-Маурейро: как социальный патронат подарил семью 40 детям

Евгения Ганатулина

ФОТО: © YARRUTA / ФОТОБАНК.ПОРТ

Есть ли шанс у подростков с трудной, часто искалеченной судьбой обрести любящую семью? Научиться в этой семье быть чутким, трудолюбивым, уважающим других, стать любимым? В деревне Домодедово живет семья, воспитавшая и подготовившая к жизни больше 40 детей из коррекционных интернатов! Вы скажете – чудо, из ряда фантастики? Наталья Владимировна Ромо-Маурейро – приемная мама более 40 детей, председатель попечительского совета Московской области – рассказывает о своей необыкновенной жизни.

У КАЖДОГО СВОЙ ПУТЬ

Я верю, что каждому человеку предначертан свой путь, каких бы планов он не строил. Как сказано в Библии: «Видели очи мои тебя во чреве матери твоей». В школе я любила заниматься с малышкой, но не представляла себе это в качестве будущей профессии. У меня были лингвистические наклонности и желание узнать мир. Мы с мужем оба выросли в многодетных семьях, но Бог нам послал только одного ребенка. Это была катастрофа! Однако мой муж, человек верующий и мудрый, сказал: «Господь нам пошлет столько духовных детей, сколько мы захотим». Его пророчество действительно сбылось. Сначала мы взяли одну малышку, оставленную в роддоме, потом еще двух малышек. А потом...

СЕМЕЙНЫЙ ПАТРОНАТ

В профессиональное «детоводство» меня привела случайность. В 2000 году наша старшая дочь закончила школу, и мы вместе листали каталог с предложениями работы. А там на всю страницу объявление Марии Феликсовны Терновской, на тот момент директора Дома ребенка № 19 – требуются воспитатели без педагогического опыта в детдом. Так я познакомилась с формой семейного патроната, которая на тот момент только появилась в нашей стране. Мария Тер-

новская – это пионер патроната, она изучала эту систему в Великобритании, защитила о ней диссертацию и написала с коллегами несколько книг. Вкратце смысл этой формы в том, что сотрудники патроната ходят по коррекционным интернатам детским домам и ищут детей, профессиональные психологи и педагоги начинают работать с детьми, берут их в патронат и начинают искать для них семью. В итоге устраиваются праздники для детей, куда приглашаются в качестве гостей заинтересованные родители, которых специально обучали. Это тончайшая ювелирная работа, когда именно ребенку ищут родителей, а не наоборот. В итоге более 95% детей-сирот устраивались в семьи, возвратов не было вообще. Дальнейшая поддержка ребенка и семьи включала в себя психологическое, медицинское, социальное сопровождение: приемных родителей, часто бравших несколько детей на воспитание, и самих детей не оставляли один на один с возможными трудностями. Всего на патронатной форме у меня было больше 30 детей. Все дети стояли на учете в институте педиатрии, социальная служба помогала со всеми документами. Такая поддержка нужна и многодетным семьям, вместо того, чтобы изымать детей, если они не справляются.

У Терновской были последователи по всей России – в 43 регионах эта форма была успешно реализована и поддержана местными властями. Но в 2009 году начались гонения –

инициативу заглушили. В конце концов Терновской поставили на вид – или мы вас судим, или в уходите! Почему? Об этом остается только догадываться. Возможно, тот патронат был очень крутой, там была бухгалтерия, социальный и педагогический отдел, был большой склад мебели и вещей для выпускников. Может, денег много уходило? Не уверена, ведь в основном помогали фонды.

Исходя из личного опыта могу с твердостью сказать, что сопровождение крайне важно. У нас в Домодедове такой службы сопровождения нет, и хотя я предложила социальным службам приходиться бесплатно, они отказались! Ответ: «Что я должна сидеть и ждать вас?» Мамки мне звонят, я встречаюсь с ними, помогаю, а места нет. Службам это не надо.

КОГО ОПЕКАЮТ ОРГАНЫ ОПЕКИ?

Однажды мы хотели эмигрировать в США с двумя детьми, которые были на патронате, хотели их усыновить. В центральной опеке на Шаболовке «главная тетя» заставляла добывать справки, доходившие до маразма, издевалась. Целый год американцы терпеливо нас ожидали. И вот год спустя, когда я принесла все мыслимые и немыслимые справки, эта тетя села на подлокотник и предложила – по 25 штук баксов на каждого, и дети твои. У нас не было таких денег, но мы ее боялись, поскольку у нее муж был где-то в ФСБ, и решили не поднимать историю. В другой опеке, где мы были с этими детьми, тетка с ничего не выражающим лицом смотрит и говорит: «У вас муж есть?» «Да, конечно». «И он такой же ненормальный, как и вы? Зачем вам это нужно?» К счастью, для этих детей мы нашли хорошие семьи, они попали в замечательные руки, хотя в итоге мы не уехали.

Или вот еще случай. Как-то я пришла в Дом ребенка в Москве, увидела хорошую девочку, трехлетнюю, чернокожую, уже полтора года, сидит, спрашиваю воспитательницу, почему они ее не дают на усыновление. В ответ: «А вы что, не видите?! Она же черная, африканка, кому она нужна? Кто ее возьмет?!» Когда я сказала, что я двоих африканцев усыновила, так она сперва с пренебрежением посмотрела, а потом поняла, что не то делает, замолчала.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ (ДЕТДОМОВ)

Учреждения для сирот в России держатся за каждого ребенка, ведь это залог их существования. Поэтому наши учреждения воспитывают моральных уродов. Для того, чтобы не потерять лицо и продержаться как можно дольше в этом мире, они ублажают детей, внушают им, что жизнь в семье не для них. В них воспитывают откровенно иждивенчество – мы не заставляем тебя работать, ты у нас не стираешь, у нас убирает уборщица, каждый выходной возим тебя в театр, а в семье ты будешь все сам делать, тебе это надо? Так произошло и с двумя ребятами – братом и сестрой, которых я решила взять на воспитание из санаторного детдома № 39 в Пушкине и найти их родных. Дети были очень трудные – было непослушание, воровство, заявления, что мы не для семьи и отдай нас обратно. Прежде чем они пришли сюда, их уже этим накачали, мне их очень долго не отдавали. Вот так и воюю всю жизнь. Могла бы пойти, сказать: «Вот такое беззаконие творится». Но я все по-хорошему, думаю: «Да за-

чем?» Там была за каждого ребенка настоящая война из-за страха, что их расформируют, детей там было человек сто. После того как я туда нашествие мамок устроила, осталось 72 ребенка. Воспитатели меня ненавидели, говорили про меня пакости, чтобы только детей не отдавать.

Или вот другая девочка из 80-го интерната в Лосино-островском, пришла к нам в семью в 15 лет. Когда она приходила к нам, ей хотелось в семью, в следующий раз ее невозможно было забрать, так они ее накачивали. Например, приходит и говорит: «Вы правда меня не органы не отдадите, вы ведь христиане? А мне это воспитательница сказала». Я не хотела обращаться к уполномоченным, я привыкла справляться своими силами и оставлять после себя хороший след. Я могла бы их всех скрутить, да и надо было это сделать, но вот я такой миротворец по своему происхождению. Благо я сильная, могу справиться. А кто-то уходит. Пришли люди, их там отлаляли, они ушли.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТЕРНАТА

Одна воспитанница все время повторяла: «Я не для семьи», но это не ее фразы, чужие. Мне Бог дает терпение, я с ней говорю: «Ну давай подумаем, вот ты получишь жилье, ты ведь не знаешь, как чай заварить, как деньги тратить, как красиво одеваться. Ну и как ты будешь жить самостоятельно? Я тут для того, чтобы тебе помочь».

Другая девочка вообще прелесть, но у нее глубокая умственная отсталость и инвалидность, хотя по виду не скажешь. А когда она к нам пришла, она была «муму» – инвалид, ею никто не занимался, ее в 12 лет отправляли в социальный интернат. Она басом говорила, страшная, ее стригли налысо, так как она не причесывалась. У нее были глаза в кучу, а сейчас она очки носит, мы ей выправили косоглазие. Но мы с ней все занимались и социализировали. (Эта девочка-красавица не только провела подробную экскурсию по их дому и огороду, но и активно общалась, рассказывала о своей жизни, и я бы НИКОГДА не подумала, что у нее такой диагноз. – Е.Г.).

КАК МАМУ БОГОТВОРЯТ

Я тут живу в раю – мне приносят, готовят, за мной ухаживают. Но это же они не сами научились, сколько сил нужно вложить. Дело в том, что старшие дети ко мне относятся очень бережно, а когда узнали, что приемные, вообще стали меня на руках носить. Такое отношение детей – это заслуга моего мужа. Это мне большое подспорье.

НЕ СУДИ, ДА НЕ СУДИМ БУДЕШЬ

Я не давала в обиду мам своих приемных детей, пыталась их отыскать. Вот была у меня девочка Соня. На ее 15-летие я решила ей сделать сюрприз, нашла и пригласила ее родную маму, представила своей подругой, потом они подружились. Родных своих приемных цыганчат я тоже отыскала, увидела знакомую фамилию в ток-шоу по телевизору, подключила соцсети, подружилась с их теткой и бабушкой. Я за то, чтобы каждый из брошенных детей знал свои корни, наследственность, он же не из молекулы в конце концов, он должен знать своих родных, даже если они предательски поступили.

Я никогда не считала их родителей врагами – никогда в жизни ни одному приемному ребенку я не сказала, что его мама плохая. Боже упаси осуждать ее, ты не знаешь, как может повернуться твоя жизнь. Есть обстоятельства, которые не зависят от нас. Даже если они превращаются в алкоголичек, так повернулась жизнь, она с ней не справилась. Если бы ей подставили костыли, этого бы не случилось. Сегодня отрицают детей, потому что в холодильнике нет еды, потому что течет крыша. У нас вся глубинка такая.

Свобода и ответственность как методы воспитания

Я из тех мам, которые не заставляют, – я даю право выбора, свободу. Перед государством я в ответе за детей до 18 лет, перед Богом – пока они сами не будут ответственны за свою судьбу. Если человек сам понимает, что делает неправильно, я уже не отвечаю за его поступки, а отдаю его в руки Бога. Мое напутствие детям – будь готов нести ответственность и перед государством, и перед Богом, поэтому взвешивай свои решения.

Когда дети маленькие, мы им должны показать возможности. Когда вырастают, сами решают. Например, мы христианская семья. Мы никогда не показывали путь к религии, но путь к Богу. Не показывали, в какую церковь идти, а учили, как свято и правильно жить. Выросли – все в разных церквях. Так свой дом строят там, где уютно. Один из сыновей ездит в миссионерские поездки по разным странам. Обычно на такие поездки ждут деньги. А я их так воспитала, что они должны рассчитывать только на себя, не ждать, пока их покормят. И вот ночами он зарабатывает на свое дело, играет с группой на различных мероприятиях. Вдобавок с группой молодежи они курируют коррекционные интернаты в Иванове и в Смоленске, их там уважают и ждут, а деньги сами зарабатывают, где только можно, ни у кого не просят. Недавно сыграли первую свадьбу – выпускница вышла замуж за парня из семьи. По словам сына, вот ради этого и стоит трудиться.

ДЕТИ-ИНВАЛИДЫ В СЕМЬЕ

Сколько угодно больных детей находятся в кровной семье. Их оберегают, не сдают в коррекционную школу. Вот у меня у приятельницы – девочка блаженная, моя Тоня по сравнению с ней красавица. Мать боролась, чтобы ей дали надомного преподавателя, только чтобы не отдавать в школу. Она закончила 11 классов, сидя дома, получила аттестат, надо идти работать – думаю: «Боже, а как? Она ведь больная». Несмотря на это, ее заставили закончить. Я когда взяла Тоню в 12 лет, я ее научила читать и писать. А она психует, рвет книги, волосы, бьется об стенку, это был мой первый подобный опыт. Чтобы с этим справиться, я ходила целый год в учебное отделение для психологов на базе 6-й психиатрической клиники.

ОН НАЗВАЛ МЕНЯ МАМОЙ!

Все дети меня называют мамой, но на этот счет я не обольщалась. Потому что всех теток в интернате называют мамой. Поэтому, когда мне приемные родители говорят – ой, они вас мамой называют, это не совсем так. Для них мама – обезличенное существо. Если она с двух лет в интернате, и кругом эти мамы, эти тети, что такое для нее мама – ничто,

просто имя тетки. А все новоиспеченные мамы радуются – меня мамой назвали. Хотя кто-то оттаял и уже теплый смысл вкладывает.

МНЕ С НИМИ ЖИТЬ В ОДНОМ ОБЩЕСТВЕ

Меня всегда спрашивают: «А мотивация какова? Любовь или чувство жалости?» Честно скажу – вначале жалость, когда взяли грудных маленьких детей. А теперь я знаю быт и жизнь интернатских детей. У меня нет чувства жалости к ним, скорее желание помочь в их социализации. Во-первых, потому что мне жить среди них. Для меня немаловажно, с кем я буду жить, в каком обществе. А что касается «жалко» – они обеспечены, одеты, обуты, сыты, что жалко-то? Да, жаль, конечно, что им не добавляют то, что мы даем в нашей семье. Ну, это жалко тех детей, которых берут из семьи и отдали в интернат. А они не знали, что это. Как слепые люди, которые никогда не видели белый свет – мы думаем: «О, бедный, как жалко!», а он счастлив в своем мире. Так и эти интернатские дети. Может быть, то, что я говорю – жестоко, но у меня нет чувства жалости, потому что они не знают другой жизни. Вот я их привела сюда – они возмущаются, не хотят со мной жить, они устраивают скандалы, чтобы я вернула их назад.

ИЩУ КРАСИВОГО, УМНОГО, ТАЛАНТЛИВОГО

Многие ребята, которых Наталья воспитала, оказались очень талантливые – играют на множестве музыкальных инструментов, поют, закончили Консерваторию и Гнесинку. Напрашивается вопрос: «Когда вы их берете, то не смотрите на наличие талантов?»

Наталья: «Конечно нет. Есть ребенок, которому надо помочь. Я никогда не выбирала, кому нужна помощь в данный момент, того и брала, принимая подарок свыше. Первые трое детей (которые особо отличились на музыкальном приеме) были груднички, когда мы их взяли. Никогда вопрос не стоял – талантливый или нет. Я сама из них делала таланты. В детстве мне хотелось учиться музыке, но не вышло. Родители вкладывают в детей то, что недополучили сами.

«ДЕДОВЩИНА»

Когда приезжают новые дети в семью, адаптация происходит по-разному. Если здесь есть лидер, то он его строит. Начинается дедовщина. Я борюсь, объясняю, довожу до сознания. Могу не разговаривать в наказание. Они к этому относятся трепетно. С другой стороны, иногда я соглашусь, хотя не поддерживаю. Например, пришла одна девочка, «мать перемать», и они ей показали, что она в СЕМЬЕ. Конечно, я устроила разборки, но в душе была рада, что они укоренились, что они видели, что это их дом и что они за него постояли. Это мне польстило. Я увидела свои плоды. В детстве я тоже дралась – защищала слабых, лупила девочек-ябед.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Я жила в Майкопе, были времена гонений, христианство было для коммунизма как красная тряпка. Мою маму лиша-

ли родительских прав, потому что она была христианкой, а нас было пятеро детей. Растянули плакат на улице, нарисовали нас, детей, все на коленках молятся, а ее с палкой над нами и надписью: «Разве это мать?». Моя мама в жизни меня не шлепнула. Моих старших сестер забрали в интернат, а трех спрятали друзья верующие. Такой был коммунизм, страшное время! В итоге маму не посадили, она выкрала нас пятерых, и мы убежали к папе в Коми. Мы выросли очень дружными, и в них (приемных детей) мы вкладываем вот это – последнюю конфетку раздели пополам, как нас мама учила.

А в 16 лет я приехала покорять Москву. Заработала денег на билет на самолет и ушла из дома, никого не предупредив. Приехала как снег на голову к сестрам, они к тому времени уже жили в Москве, а потом и братья за мной последовали. Мне так хотелось учиться, но без прописки не было шанса. Меня отдали знакомым в няньки в семью священника. Я была провинциалкой – заглядывала в рот, как они говорят, где ставят ударения, читала много книг. Жили мы очень бедно, впятером в 14-метровой комнатке. Когда мне исполнилось 18 лет и меня взяли по лимиту в ЖЭК дворником, какое это было счастье! У меня не было стыда, что я подметала улицу. Во мне заложили – труд это не позор, но я была лимитчица, а таких отщепенцев не уважали как нахлебников московского общества. Я записалась во все библиотеки, перечитала все умные книги, записалась на курсы английского. Потом стала ходить в церковь, а там американцы. Студенты к ним боялись подходить, каралось законом. А мою метлу никто не мог отобрать, так я практиковала язык, как хотела! Так я познакомилась со своим будущим мужем. Первое мое нормальное образование я получила, когда вышла замуж, в 24 года. Закончив акушерское отделение мединститута на «отлично», я проработала в Центре матери и ребенка 10 лет. Но не было высшего образования, и я чувствовала свою неполноценность, хотя понимаю, что это глупо. Когда попала к Терновской, поняла, что не хватает психологических, социальных, психических, педагогических знаний работать с этими детьми, ведь это особая категория. Сначала я поглощала все семинары по работе с сиротами, потом поступила в институт на психологический, закончила отделение психиатрии, потом заодно педагогическое, и все экстерном. К 50 годам я наверстала упущенное! Сейчас у меня есть материал, чтобы защитить диссертацию и не одну, но чувствую, сегодня книги никому не нужны. Чтобы моими знаниями кто-то пользовался, достаточно семинаров. Чувствую, достигла всего, что нужно.

Е.Г.: Наталья, у вас такая богатая событиями жизнь, может быть, напишите книгу?

Н.В.: А кому она нужна? Сегодня столько книг. Хотя ночами муза посещает...

ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Тоня, 21 год

Меня в 4 месяца кинула мать родная. В доме были драки, пьянки, приехала опека и изъяла из семьи. До 5 лет я была в Доме ребенка, помню, меня хотели удочерить, но их запугали, что ребенок отсталый, с ним надо много заниматься. Я там часто болела, не лечили нормально. Потом меня перевезли в санаторий, где была ужасная женщина. Я

там расплакалась, ведь когда перевозят с одного места на другое, начинается страх, а еще мне стало жалко девочку, которой воспитательница села попой на лицо в тихий час, меня прямо сочувствие захлестнуло. Потом меня перевезли в 46-й детский дом. Во время прогулки дети мне рассказывали, какие злые там воспитательницы, всех детей беспричинно били клюшкой, топили, закрывали в темной комнате. Помню, меня там стащили с кровати, я была маленькая, не поняла, за что меня воспитательница Татьяна Федоровна схватила за волосы и топила в тазике, пока я ногами не задержала. Меня там заставляли спать под кроватью. Я тогда не знала, что у меня день рождения, сколько мне лет, была очень запущенной, мозг у меня был неразвитый, на фиг я кому нужна. Потом меня повезли в 80-й интернат, там я с 9 до 12 лет была. Там учительница меня за волосы хватала, об парту била, мне это не очень понравилось. Но у меня там были друзья, с воспитательницами я ладила. Потом к нам приезжала Наталья Александровна Степина, которая со своей группой занималась, привела волонтеров, водили нас в музеи, в зоопарк, устраивали, чтобы нам не было в интернате скучно. Потом появился Юрий Данилович, очень хороший директор, всегда готов был помочь. К нам стали приезжать спонсоры, организации – пели, ставили сценки. Меня там иногда отправляли в 6-ю больницу на Ленинском проспекте, потому что у меня память была не развита. Когда меня Наталья Александровна к себе брала в гости, к своей маме в деревню, мне было очень хорошо. Но возвращаться в детдом боялась, ведь меня там будут бить. А потом меня привезли к психиатрам, где я проходила тестирование, проверяли, смогу ли я дальше жить, а потом меня привезли к Марии Феликсовне, где меня забрала мама. Здесь я живу уже 9 лет, научилась готовить, стирать, убирать. Хочу отблагодарить маму с папой, что им Господь такое сердце подарил, что они видят во мне дочь родную. Я хочу сказать, чтобы родители забирали детей по семьям, чтоб дети не скитались и не бомжовали по всяким канализациям, как все выпускники, ведь им дают жилье, но без денег.

Роберт, 12 лет

Я хочу рассказать, как я пою. Нужно четко произносить слова, не мямлить, можно приплясывать. У нас в школе были мероприятия, где я выступал. В сценке я был учителем, а в зале все сидели и хлопали. Дома мне нравится готовить, например, борщ, плов, каши разные. Еще люблю убираться, везде вытирать пыль, у меня очень хорошо получается – это меня мама научила. В интернате нас не учили, да я и не хотел. У меня такая ситуация, меня мама бросила. И когда моя мама (приемная мама Наталья. – Е.Г.) ездила по опекам, она удивилась, как мы в детском доме оказались, такие хорошие, я и моя сестра. Потом мама стала нас навещать, а я хотел в гости приезжать. Когда я сюда переехал, был мой день рождения. Потом я резко захотел опять в детский дом, потому что я люблю, когда у меня на кровати свет горит. Мне страшно было без света, я тогда один еще спал. Я привык к темноте, когда узнал Бога и стал ему молиться. Мне рассказала мама, что Бог умер за наши грехи. Мне стало жалко очень Бога, я потом читал в комнате Библию, и после этого мне страшно не было. В детском доме нас заставляли смотреть телевизор, нам не разрешали идти в игровые, а зачем тогда игровые в этом детском доме тридцать девятом? Я

хотел бы спасибо сказать маме за то, что она меня приютила, что она меня многому научила, например, верить в Бога, за то, что она меня любит. Мое будущее – быть сначала футболистом, а потом идти на кондитера. Может, я в 14 лет поменяю свое имя, хочу быть Даником, как мой брат. Еще хочу сказать моей маме спасибо, что она нас научила как следует убираться, не халтурить.

Настя, 14 лет

Я сначала жила в интернате, где меня директор пригласил к себе в кабинет с завучем, рассказывал, что мне хотят семью подыскать. А я думаю, зачем семья? Потом приехала Наталья Степанова, брала у меня интервью. Тогда я не знала Бога, мне было все равно, кто такой. А потом мы вместе

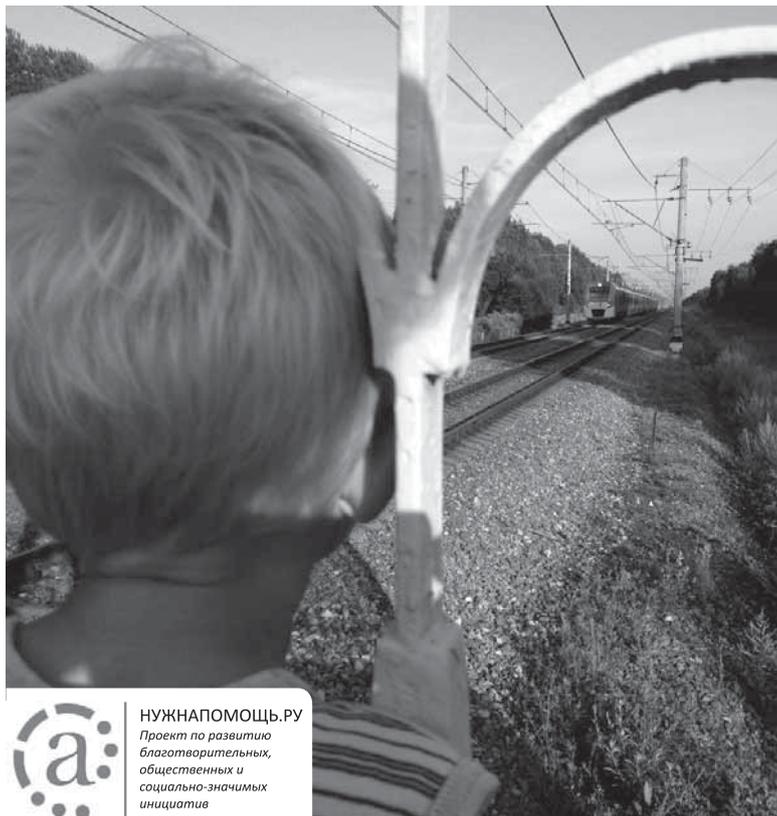
ездили в церковь, где я покаялась. Я маме очень благодарна, что живу здесь шестой год, всему научилась, узнала Бога, что она меня воспитала и взяла в семью. На неделе я живу и учусь в интернате. Но семья намного лучше, она всему учит, интернат это обычная помойка, там просто пудрят мозги, матом ругаются, курят, пьют, а я не такая. А когда сюда приходишь... Я благодарна маме, что я тут многому научилась. В интернате к нам относятся как к стаду, душевно там нам с нами не разговаривают, только воспитатели между собой. Меня мама свозила в Капотню, где живут мои родители, познакомила с моей тетей. Там ко мне ноль внимания, даже не спрашивают, как я живу, только моя старшая сестра поинтересовалась. А здесь ты знаешь Бога, на которого уповаешь, который тебя поднимет, когда упадешь.

ФОТО: © ЧЕПКО ДАНИЛ / ФОТОБАНК ЛОРИ

справка

В нашей стране идея семейного патроната имеет давнюю историю, впервые сирот стали устраивать в семьи при поддержке государства еще при Екатерине II. Восстанавливать идею патронатного воспитания начали в московском детском доме № 19 под руководством его директора, Марии Феликсовны Терновской. Там были созданы первые патронатные семьи, разработаны методики служб по семейному устройству, которые применялись в более 40 регионах России. При патронатном устройстве ответственность за ребенка разделяется между службами, уполномоченными государством, и семьей, в которой ребенок живет и воспитывается. Семья и ребенок получают юридическую, медицинскую, педагогическую и психологическую поддержку, которая особенно важна в периоды кризисов, которые случаются в каждой семье. В результате снижается до минимума вероятность того, что семья не справится и вернет ребенка в детский дом. Однако все профессиональные наработки социального патроната, которые в течение 14 лет повсеместно развивались по всей стране, были в итоге запрещены. Принятый в 2008 году Федеральный Закон № 48 «Об опеке и попечительстве» ликвидировал такую работу по устройству детей в семью и запретил существование профессионально работающих организаций по передаче детей в семью, таких как детский дом № 19. Несмотря на протесты общественных организаций, закон до сих пор не отменен.

НУЖНАПОМОЩЬ.РУ
Проект по развитию
благотворительных,
общественных и
социально-значимых
инициатив

Не разлей вода

Митя Алешковский

Руководитель благотворительного проекта
«Нужна Помощь.ру», фотограф, общественный
деятель

В начале двухтысячных в Смоленской области с разницей в три года родились два парня.

Назовем их Ваня и Коля, хотя на самом деле зовут их по-другому. Ваня родился первым, по залету, конечно.

Как-то раз на расположенный в городе автодром приехали спортсмены со всей Европы гонять на грузовиках.

И мама двух героев этого рассказа, 17 летняя девушка Нина, встретив иностранных гостей в ресторане «Днепр», не смогла устоять перед чарами молодого красавца Сашки, который был единственным русским из всех автогонщиков. Сашка долго рассказывал что-то про свой грузовик MAN, про то, насколько он отличается от легковушек, на которых он выступал раньше, а Нине нравилось слушать, и после очередной бутылки она умыкнула его из-за стола и, наскоро добравшись до местной гостиницы «У Михалыча», принадлежавшей одному из начальников с местного химического завода и ласково носившей только его отчество, провела самую важную ночь в жизни маленького Вани, который появился на свет спустя 9 месяцев после завершения этапа автогонок на грузовиках.

Нина любила Ваню, и когда он смотрел на нее своими огромными непонимающими глазами, иногда приговаривала: «Чего уставился, глазастый? Вырастешь, будешь водителем, на дорогу смотреть будешь!».

Родителей у Нины не было.

Мама еще в раннем детстве умерла от рака, а отец погиб во Второй чеченской, попав в засаду где-то в горах. Так и

осталась она совершенно одна с Ванькой и без какой-либо работы и образования. В попытках устроить свою жизнь прибилась к одному кафе, где работала официанткой, но долго не продержалась – поймали на воровстве. Стырила пачку конфет, хотела с подругами после работы съесть под шампанское.

Через год познакомилась с Виталиком, который довольно быстро переехал к ней и даже был не против воспитывать Ваньку как родного сына.

Стали жить вместе, но однажды по пьяной лавочке Виталия повздорил с пришедшим в гости сослуживцем и пырнул его попавшимся под руку ножичком.

И начал Виталик Нину умолять взять на себя вину.

Ты, говорит, молодая, ты девушка, скажешь, он на тебя напал, изнасиловать хотел, а ты его, защищаясь, у себя же дома и пырнула. Тебе максимум условку дадут, судьи таких любят, у тебя же мальчуган маленький, а я тут даже не прописан, вопросы возникнут, характеристики нет, после армии нигде официально не работал, влепят строгача и вперед по этапу, поминай как звали.

И согласилась Нина.

Пожалела любимого. Менты приехали, во всем она им и призналась. Криминалист вещдоки описал, труп вывезли, да и Нину за решетку посадили. А Ваньку отправили в дом ребенка пока суд да дело.

В СИЗО выяснилось, что Нинка ждет второго ребенка, да и срок уже не малый.

Текст написан в рамках акции «Помогу на бегу» в поддержку благотворительного фонда «Дети Наши».

Но судьбу – жирную старую бабу в огромных очках из роговой оправы и черной, слежавшейся мантии, это совсем не тронуло. Отправила она Нинку на десять лет строгого режима. Виталик пропал еще до суда, ни разу даже не навестив ее в СИЗО, и как Нинка ни пыталась, услышав приговор, объяснить, что никого она на самом деле не убивала и просто хотела любимого спасти, приставы ее не слушали, дали дубинкой по спине и отправили на зону.

Уже там, в тюремной больничке, у прикованной наручниками к столу, испуганной и заплаканной Нины родился второй сын – Коля.

Но к сыну Нина не привыкла, не полюбила его, чувствовала в нем что-то от Виталика, который предал и обрек ее на эковскую судьбу.

Да и молока не получалось для Кольки из груди нацедить, видимо стресс при родах сказался.

Первые три года вроде и жили в одной тюрьме, да только Нина – в камере, а Коля – в детском доме при тюрьме.

Два раза в день по расписанию, Нина отправлялась к ребенку. Но с каждым днем все сильнее понимала, что делать ей этого не хочется, и только скука тюремной жизни толкала ее на поход к чаду. Потом ходила раз в день, потом раз в неделю, а в конце концов вообще перестала сына навещать. Не до того было, на работе уставала, да и доставали ее сокамерницы, проходу не давали.

В общем, написала Нинка отказную от ребенка, как и советовал начальник тюрьмы.

Так, говорит, ему лучше будет. Отправим его в нормальный детский дом, чего ему в тюрьме расти? А ты, как выйдешь, заберешь его.

Но выйти было не суждено.

Зечки пырнули ночью Нинку под ухо, по беспределу, так и вышла все жизнь из нее маленькой струйкой с подушки на кровать, а с кровати на пол. Начальник колонии с ментами договорился, и дело замяли, ему ни к чему такой скандал, а Кольку, в качестве благотворительности, отправил в детдом в родную область, подальше от тюрьмы.

Уже в детдоме, по документам, выяснилось, что и его брат Ванька воспитывается в соседней группе.

Так судьба свела их вместе. Ванька, в отличие от матери, в брате родного признал сразу, и как старший за младшим Колькой сразу начал присматривать, от сверстников защищать, игрушки приносил, иногда даже откуда-то доставал шоколад. Когда время пришло Кольке в первый класс идти, отдал ему свой рюкзак школьный и подарил красивый пенал, который выменял у пацанов.

Но в один хмурый сентябрьский день детский дом как маленький и слишком затратный для бюджета было решено закрыть.

Ну как закрыть, закрыть его нельзя, его решили укрупнить, то есть расселить детей из всех маленьких детских домов области в несколько больших. Губернатору перед Москвой отчитываться надо, один из основных показателей эффективности управления с недавних пор – это число детских домов в области. Чем их меньше, тем лучше работает губернатор.

И тут братьев, уже давно державшихся друг за друга, сведенных самой судьбой, государство решило направить в разные учреждения.

Кольку в Понятовку, Ершицкого района, а Ваню в Велиж, ближе к Белоруссии. Как ни пытался старший Ваня

объяснить педагогам, что им с братом разъезжаться по разным концам области нельзя, что Колька слабый, и что его обижают, и что ему нужна защита и нужен старший брат, но решение принято было окончательное, и так братья стали жить вдали друг от друга.

В первую же неделю разлуки оба, не сговариваясь, сбежали друг к другу.

Обоих искали с полицией и нашли: одного на автобусной остановке, второго в гастрономе в Смоленске, где он просил купить ему хлеба. Через неделю Ваня снова предпринял попытку добраться до брата и на этот раз, после того как был пойман, целый час выслушивал нравоучения от директора детского дома, о том, как он его сдаст в полицию, а те его посадят в тюрьму, где кончит он так же, как его непутевая мать.

На третью неделю, в воскресенье, воспользовавшись субботней попойкой у персонала детдома, Ванька все же смог сбежать капитально и, добравшись на перекладных до Шумячей, последние шесть километров до Понятовки шел пешком, где его и сдали ментам сотрудники детдома, в котором жил Колька.

На счастье братьев, участковый, который несколько недель назад искал сбежавшего Кольку, полез в Интернет почитать, что пишут про поиск сбежавших детдомовцев на форумах, и обнаружил, что в Смоленской области есть сразу два детских дома, где кровных братьев и сестер благотворители из Москвы собирают в семейно-воспитательные группы.

И когда ему пришлось забирать зашуганного и понурого Ваньку, который понимал, что, видимо, уже никогда ему не вернуть своего брата, он спросил у директора детдома, нельзя ли братьев отправить в эти семейно-воспитательные детдома, чтобы не надо было раз в две недели искать то одного, то другого.

И с тех пор у братьев появился общий и настоящий дом.

Официально, по документам, их перевели в другой интернат, при котором выделили комнату, в которой московские волонтеры сделали ремонт, а к Ване с Колей приписали педагога, который следил за ними. Старший, Ванька, как и раньше, тянет младшего, а младший вовсю помогает старшему. Держатся друг за друга они крепко, не разлей вода. А за кого еще держаться, когда во всем мире нету вообще больше никого родного?

Таких сирот, как Ваня или Коля, в нашей стране 670 тысяч.

Некоторым повезло, и у них есть брат или сестра. Но для государства, что брат, что сестра – это просто единица или нолик в учетной ведомости. У некоторых из них есть шанс не потерять друг друга. В этом им помогают московские благотворители. Не просто помогают, а борются за право братьев и сестер не быть разъединенными. Не дают разорвать ту единственную ниточку, которая способна спасти их в этом бушующем взрослом мире.

Чтобы продолжать эту работу, нужны деньги.

На мебель для комнат, где будут жить такие же братья и сестры, как Ваня и Коля, на игры, продукты, средства гигиены, на оплату труда индивидуальных воспитателей, на координацию проекта. Очевидно, что государство которое в детях видит лишь мебель, вряд ли даст денег на настоящую мебель для настоящих детей. Так что эти деньги даст общество.

Источник: <http://www.snob.ru/profile/27021/blog/81066>

Приемные семьи получают поддержку в воспитании детей

Некоммерческое партнерство «Семья детям» запускает в Екатеринбурге социальный проект «Школа осознанного родительства», главной целью которого является предотвращение возвратов приемных детей в детские дома. В рамках проекта замещающим родителям будет оказана профессиональная поддержка в воспитании ребенка в виде тренингов, консультаций, групповой терапии, игр и кинолекториев. Желающие семьи приглашаются к участию в проекте на безвозмездной основе.

По статистике Министерства социальной политики Свердловской области в 2013 году 1665 детей были переданы на воспитание замещающим родителям. Это почти на 34% больше, чем в 2012 году. В то же время порядка 3% всех приемных детей возвращаются обратно в интернатные учреждения. Анализ случаев возвратов показал, что основными причинами отказа являются сложности взаимоотношений в период взросления ребенка. Как говорит директор «Семьи детям» **Лариса Бучельникова**: *«Замещающие* семьи проходят различные стадии совместного проживания, в том числе кризис, во время которого есть опасность, что приемные родители не справятся и захотят вернуть ребенка в детский дом. Здесь особенно стоит отметить положение опекунских семей. Опекунами в подавляющем большинстве становятся пожилые родственники ребенка. В силу возраста интересы подростка и опекуна могут сильно различаться, что зачастую приводит к конфликтам. Чтобы приемный ребенок вновь не оказался в детском доме, замещающим родителям требуется не только обучение перед принятием ребенка в семью, но также грамотное сопровождение, которое сегодня для семей не организовано в достаточной мере».*

В «Школе осознанного родительства» запланирована разносторонняя поддержка для семей. Во-первых, для них будет организовано обучение. Те-

оретическая часть предполагает проведение лекций, игр и кинолекториев. Практическая – будет включать групповую терапию, разбор конкретных сложных случаев. Во-вторых, участники проекта смогут получить индивидуальные консультации у психолога. Также в ходе проекта замещающие семьи смогут принять участие в создании клуба приемных родителей, с помощью которого у родителей появится возможность встречаться, поддерживать друг друга, обмениваться опытом и полезной информацией. Кроме того, для родителей будет организован интересный досуг.

Реализация проекта в Екатеринбурге стала возможной благодаря победе «Семьи детям» в грантовом конкурсе, который был учрежден Фондом Amway «В ответе за будущее» и проводился при административной поддержке Фонда поддержки и развития филантропии «КАФ» в рамках реализации программы «С любовью к детям». *«Одна из основных ценностей компании и благотворительного фонда Amway – это семья, поэтому темы грантового конкурса в этом и прошлом году были посвящены формированию и поддержанию гармоничных отношений в семье. Тема этого года «профилактика вторичного сиротства» оказалась необычайно актуальной, судя по количеству заявок, которые мы получили. Я очень рада, что независимое жюри выбрало именно некоммерческое партнерство «Семья детям», ведь помощь замещающим родителям должны оказывать профессионалы», – подчеркнула Анна Сошинская, председатель Попечительского совета благотворительного фонда компании Amway «В ответе за будущее».*

Проект предполагает не одноразовое посещение занятий, а постоянное участие. Полный курс обучения в школе будет длиться с октября 2014 года по апрель 2015 года. Желающие принять участие могут обращаться в организацию «Семья детям» по телефону +7 (343) 229-53-49 или по адресу info@family2children.ru.

справка

Для детей повторное возвращение в детский дом – это большой стресс. Часто ребенок воспринимает отказ от него или изъятие из семьи как следствие своей «неправильности». Повторный отказ убеждает ребенка в этом. Его представления о мире и своем будущем в нем становятся негативными, резко снижается самооценка, уверенность в себе, готовность доверять другим, просить и принимать помощь. С возрастом, если такой ребенок не обретет любящую и поддерживающую семью, он не сможет реализоваться в обществе. Как показывает практика, находясь в учреждении госвоспитания, ребенок не имеет возможности приобрести опыт построения семейных взаимоотношений, освоить семейные роли мужа, жены, отца, матери, потому что там жизнь идет по другим законам и с другими ролями – воспитанника, воспитателя, подопечного. В итоге зачастую семейная жизнь выпускника детского дома быстро заканчивается, а его дети отправляются в учреждения госвоспитания. Круг замыкается и начинается новый, такой же замкнутый.

Национальное бедствие и личная беда

Иван Давыдов

HTTP://IMG-FOTKI.YANDEX.RU

1 В нормальном состоянии человек, например, старается доверять другим людям. В этом – доверие исключено, и в любом постороннем видишь прежде всего врага. В нормальном состоянии человек даже в ситуации конфликта сохраняет способность к поиску конструктивных вариантов решения проблемы. В этом – при первой же возможности прибегает к агрессии. В нормальном состоянии человек автономен и ориентирован на самоконтроль. В этом – заинтересован в постоянном контроле извне и при отсутствии такого контроля теряется. В нормальном состоянии человек ощущает себя частью временного потока, помнит прошлое, планирует будущее. В этом – привязан к настоящему. Горизонт его планирования – несколько недель, в лучшем случае. В этом состоянии человек не может оценить себя,

не доверяет себе еще больше, чем прочим, но парадоксальным образом зависит от внешних оценок. «Мы» для него важнее, чем «Я». В этом состоянии человек не действует, не творит, а приспосабливается, никаких средств не гнушаясь.

Как будто читаешь комментарий к какому-нибудь социологическому

опросу, правда? Как будто перед нами – краткое описание тех самых причин, которые порождают все беды в политике, делают возможным произвол властей и ликвидацию гражданских свобод без ощутимого сопротивления со стороны граждан.

На самом деле, это краткое описание состояния депривации, развивающе-

“ В нормальном состоянии человек ощущает себя частью временного потока, помнит прошлое, планирует будущее. В этом – привязан к настоящему

”

гося, в частности, у детей в детских домах. Потому что люди вокруг – всегда одни и те же, и всегда – чужие, даже если добрые и чуткие (что, как мы, к сожалению, знаем, случается не всегда). Потому что просто не у кого учить-

стью выдерживает плохо. Особенно если это реальность чужой беды. Все, что сказано абзацем выше про жизнь в России – про жизнь любого человека в России – конечно, правда. Можно даже в написанном выше определен-

они с самого начала, без всякой вины лишены элементарнейших возможностей, которые у нас с вами были. Которые по праву рождения нам достались без всяких заслуг.

Мы учились жить, общаясь с родными. Мы через их любовь постигали тонкости мироустройства, не прилагая к этому никаких усилий. Мы вышли в мир готовыми к этому миру и неплохо в нем устроились, раз гипотетическая разлука с испанским хамоном заставляет нас испытывать невыносимые страдания.

Мы да, а они нет. Потому что воспитатель – даже любящий дело свое и своих подопечных – все равно чужой человек. Усталый, занятой, у которого на каждого времени не хватает. Потому что вокруг – не свой дом, из которого выходишь в такой же не свой мир. И в окружающих видишь врагов, и жизнь подменяешь выживанием. Они даже в

не у кого учиться тем мелочам, которые позволяют свободно ориентироваться в обыденности и не воспринимать мир как населенные чудовищами джунгли

ся тем мелочам, которые позволяют свободно ориентироваться в обыденности и не воспринимать мир как населенные чудовищами джунгли. Неоткуда узнавать все то, что в семье ребенок узнает исподволь, сам того, может быть, не замечая. Чему родители учат, и не думая специально научить. Что в семье – естественная часть жизни, и что позволяет, повзрослев, спокойно в эту жизнь встроиться.

Хотя, почему же «на самом деле»? Аналогия вполне рабочая, когда вокруг – твоя, но не твоя страна, совсем к тебе не добрая. Страна, в которой попытка выйти за рамки внешнего контроля в любой момент может оказаться уголовным преступлением, в которой планы строить – только людей смешить. Страна, населенная вечными детьми, которым и неоткуда было усваивать привычки нормального человеческого общежития. Тут бы и разрыдаться от законной жалости к себе, но всегда существует «но».

2 Любая аналогия, как бы удачно и точно ни описывала она наши беды, столкновение с реально-

ную игру ума, не лишенную изящества, усмотреть. Но все это изящество ломается, совершенно становится ничемным, если просто попытаться себе

между прочим, лишение благ, к которым сформировалась долговременная привычка, тоже может вызвать состояние депривации

представить жизнь ребенка в детском доме. Нас, конечно, страдальцев, лишили права влиять на власть, которого у нас, впрочем, никогда не было, и тут тайна – как можно лишиться того, чего не имеешь. Заодно нас лишили норвежской лосося. А, между прочим, лишение благ, к которым сформировалась долговременная привычка, тоже может вызвать состояние депривации. Но детям в детдоме лишаться нечего –

глаза прямо смотреть не всегда умеют. Потому что мы у родителей учились не бояться прямого взгляда, мы с самого начала – раньше всего почти остального – узнаем, что прямой взгляд может и должен быть любящим. Они нет.

Это большая беда. Это больше наших бед. И что бы с нами ни происходило – мы уже, просто потому, что так вышло, счастливее тех, кто рос без семьи. Это и есть тот камень, о который аналогия ломается. То «но», которое мешает заикнуться на жалости к себе, такой, кстати сказать, приятной.

мы у родителей учились не бояться прямого взгляда, мы с самого начала – раньше всего почти остального – узнаем, что прямой взгляд может и должен быть любящим

3 Есть люди, которые усыновляют чужих детей. Делают чужих своими. Пытаются сделать так, чтобы мир для них тоже чужим быть перестал. Мне всегда казалось, что это подвиг, а подвиг – удел не общий. Есть и другие варианты. В Нижегородской области, в благотворительном фонде

«Дети наши» придумали программу «Шаг навстречу». В рамках проекта уже четыре года создаются постоянные пары волонтер-ребенок. Работа серьезная. Замысел понятный. Добрый взрослый не раз в год на праздник приезжает с подарками послушать концерт, чтобы потом, на год или навсегда раствориться. Нет, он приходит к ребенку регулярно. Именно к ребенку, а не к детям, всегда к одному и тому же конкретному ребенку.

И возникают те самые связи, которые, казалось бы, ребенку, лишенному

больше полутора сотен детей. Семейных усыновили волонтеры. Некоторые дружбу с волонтерами сохраняют, переходя из дома ребенка в детский дом. У подавляющего большинства детей, участвующих в проекте, врачи, психологи и сотрудники домов ребенка фиксируют улучшение психологического состояния. И, что удивительно, физического тоже. Сейчас, чтобы проект продолжал жить и развиваться, нужны деньги. Чуть меньше четырехсот тысяч рублей. Просто подумайте: вы можете дать нескольким сотням

4 И еще одно, напоследок, совсем короткое соображение. Мне всегда казалось, что есть в благотворительности, как ни удивительно, один неловкий момент. Существуют, допустим, эти самые волонтеры, которые личное время тратят на общение с чужими детьми. Это работа, большая и тяжелая. Есть я, я просто вбиваю в форму несколько цифр, жертвую несколько сотен или тысяч рублей, и уже ощущаю себя почти равным им, – а они-то не рубли несчастные жертвуют, а кусок жизни. Как-то это нечестно, что ли.

Но тут надо помнить важную вещь: дело ведь не в грехе гордыни. Волонтеры – герои, а мы нет, но нетяжелой своей жертвой, мы делаем, помимо прямой помощи героям, еще одно важное дело: восстанавливаем на уровне общества те самые связи, которые уничтожены государством, или даже те создаем заново, которых не было никогда. Делаем свою страну по-настоящему своей.

Это уже не мелочь. Ну, и если для вас это тоже не мелочь, тем более надо помочь волонтерам проекта «Шаг навстречу».

Источник: <http://nuzhnapomosh.ru/2014/08/nacionalnoe-bedstvie-i-lichnaya-beda>

“ дружбу с волонтерами сохраняют, переходя из дома ребенка в детский дом ”

семьи, не выстроить никогда. И появляются обычные, семейные почти привычки. А с ними – шанс на то, что став взрослым, ребенок сможет вписать в себя нормальную жизнь. Не станет изгоем. Не погибнет.

Программа работает в четырех домах ребенка, через нее прошли уже

детей шанс на нормальную жизнь в будущем, просто отдав им те деньги, которые все равно теперь не сумеете по независящим от вас причинам потратить на норвежскую семгу и французский камамбер.

Это же нам от судьбы подарок, а не детям.

HTTP://WWW.BANKOBEV.RU

Волшебный папоротник

Анна Ковальчук
ученица 7-го класса

Жила-была девочка, и звали ее Даша. И была у нее младшая сестренка Света. Как-то раз летом они поехали к своей бабушке, которая жила в деревне. Даше ехать надолго не хотелось – ведь в городе развлечений куда больше, а у бабули из них всего только один телевизор, но увидеться с ней, конечно, хотелось и обидеть бабушку она не могла. Так что запаслась Даша терпением и ехала, любясь лугами и лесами и слушая веселое щебетанье сестры, которая ехала отдыхать с большим удовольствием и радостью. «Маленькая еще, чего ей не радоваться?» – снисходительно думала Даша.

Бабуля была на седьмом небе от счастья. Внучек не видела давно, в последний раз приезжала к ним на Новый год. Остаток дня прошел в радостных хлопотах, все улеглись спать, а проснувшись, стали собирать и провожать папу с мамой в обратный путь. Помахали им на прощание, и сделалось Даше грустно. Но неугомонная сестренка быстро ее развеселила, обрызгав водой, и девчонки с хохотом принялись бегать по двору, а бабушка радостно посмеивалась, глядя на них.

Так и бежали дни за днями, недели за неделями, и наступил июль. Даша и забыла про свое нежелание ехать на лето в деревню. Очень ей здесь нравилось, как, впрочем, и каждое лето. Как-то вечером в гости к бабушке пришли подруги. Сели пить чай с вкусными пирожками и печеньем, которые бабушка испекла. Говорили о разном: о том, что корова у тети Дуся стала давать мало молока, о том, что у тети Маши в этом году редиска не уродилась. Потом перешли к воспоминаниям молодости, и Дашка стала внимательно при-

слушиваться – говорили о каком-то Гришке, который перед каким-то праздником нашел в лесу цветок, и он ему как-то помог клад найти.

– Бабуль, а что за цветок? – переспросила заинтересованно Даша.

– Да не цветок, Дашуль, а растение такое – папоротник, цветет он только один раз в году, как раз в ночь накануне праздника Ивана Купалы. И у того, кто отыщет его в эту ночь и загадает желание, оно непременно сбудется.

– А праздник-то этот когда?

– Так послезавтра, седьмого июля.

– А ты, Дашка, нас не слушай, нечего голову такой ерундой морочить, – почему-то недовольно сказала тетя Дуся.

– Праздник-то издревле был, и был он языческий, посвящен был летнему солнцестоянию, – серьезно сказала тетя Маша, которая работала библиотекарем и знала очень много интересного.

– Все, время позднее, детям уж спать пора, пойдем, Маш, – тетя Дуся решительно поднялась из-за стола.

Дашка полночи не спала – все думала о загадочном папоротнике, а когда заснула, все ворочалась во сне, сны снились какие-то беспокойные. Но проснулась она с твердым решением ближайшей ночью идти в лес искать папоротник. Весь день ходила задумчивая, неугомонная Светка не могла ее расшевелить. Даже бабушка забеспокоилась, не заболела ли. Но Дашка говорила, что просто не выспалась. Еле-еле она дождалась вечера, чай пили долго. Когда все улеглись, Светка, как назло, долго не засыпала. Наконец, прислушиваясь к сонному дыханию сестры, Даша оделась, взяла рюкзачок, собранный тайно еще днем, в котором лежали два фонарика, бутылка воды и теплая кофточка, и тихонько вышла во

РИСУНОК: Н. КОНЫШИНА

двор. Выбираться пришлось, перелезая через забор. Выйдя на дорогу, Даша повернула к лесу, он был недалеко, минут пять ходу до ближних елочек. Уже подходя к ним, Даша услышала сзади какой-то легкий шум, обернулась – Светка! Крадет, негодница, по краю дорожки, к кустам прижимается. Дашка ее сразу заметила – ночь была удивительно светлой, луна освещала все вокруг.

– Ты что это здесь делаешь? – накинулась Даша на сестру.

– А ты чего? – с вызовом спросила маленькая шпионка.

– А это мое личное дело, а вот тебе, козявке, давно спать пора, а не за сестрой шпионить.

Пристыженная Светка затихла, а потом решила сменить тактику.

– Дашулечка, ну пожалуйста...Ну возьми меня с собой в лес! – жалобно затянула она.

– Да с чего ты взяла, что я в лес иду?

– А то я не видела у тебя в рюкзаке фонарик и брызгалку от комаров. И сейчас мы где? Около леса.

Даша вздохнула. Ничего не поделаешь, для семилетнего ребенка ее сестра слишком сообразительная.

– Ну пойдем, ладно, куда тебя теперь девать. Только дай слово, что не будешь трещать без умолку и мешать.

– Угу, не буду, обещаю.

Вошли в лес. Непокойно стало у Даши на душе. Но она все страхи постаралась отбросить, ведь шла ради желания, заветного, давнего. Даже хорошо, что Светка за ней увязалась – с ней не так страшно. А попросить у папоротника девочка хотела собаку, шнауцера, которую давно-давно уже у родителей просила, и все никак они не соглашаются. «Хватит нам, – говорят, – попугая и рыбок». А какой толк от этих рыбок, поначалу интересно было, а потом и надоело. Попугай вот веселый был, говорящий даже. Красоваться любил перед зеркалом и ворковать: «Кеша – хороший!» и «Кеша – орел!» А собака – это же так здорово, она будет настоящим другом, прямо как Лена, лучшая подруга Даши. Очень Даше хотелось собаку!

Долго ли коротко ли шли девочки, а чаща лесная становилась все темней и гуще, Даша включила фонарик, луна здесь совсем не светила, не было ее видно сквозь густые кроны деревьев. Светка, поначалу молчавшая, начала болтать, все спрашивать сестру, куда они идут и зачем. Даша отвечала нехотя, пытаясь отвлечь девочку от вопросов о папоротнике, ей казалось, что это тайна и никому о ней говорить не стоит. Если найдет она папоротник, произнесет над ним желание, попросит о сокровенном и пойдут они со Светкой обратно, малышка и не заметит ничего. А заметит необычный цветок, догадается – так это ничего страшного, все равно ведь уже нашли. Шли они, шли, много уже времени прошло, но, сколько ни светила Даша фонариком под кусты, сколько ни вглядывалась в чащу, никакого папоротника не видела. А Света уже устала, замерзла, стала проситься домой. Разозлилась Даша и на себя, и на сестру за то, что ноет.

– Что ты все канючишь, как маленькая? Никто тебя не заставлял за мной увязываться!

– Вот и пойду домой одна, – всхлинула Света и повернула назад.

– Ну и иди, плакса, – крикнула ей Даша и упрямо пошла дальше.

Через несколько шагов остановилась, оглянулась.

– Свет?

Никто не отозвался. Даша бегом бросилась обратно, туда, где они со Светкой разошлись. Никого на том месте не было.

«Не могла же она далеко уйти», – подумала девочка и побежала дальше, не переставая звать сестру. Но Света не отвечала. Даша остановилась, прислушалась. Тихо, только где-то далеко ухала сова. Ей стало страшно, очень страшно. Тьма обступила со всех сторон, фонарик как будто совсем ничего не освещал.

– Светочка, ты где? Что за шутки? Вернись, пожалуйста!

Даша заплакала. Где же Светочка, как она в темноте дорогу найдет? Заблудится ведь, совсем замерзнет. А вдруг звери на нее нападут? Что же она бабушке скажет, если Светка потеряется? Тоже мне, старшая сестра называется! Потасила сестренку ночью в лес и потеряла. Что же делать? Даша стала оглядываться, пытаясь понять, в какой стороне то место, где они вошли в лес, и с ужасом поняла, что не может понять, где находится. Всхлипывая, пошла куда глаза глядят. Шла она долго, конечно, ни о каком папоротнике не вспоминая. Только бы сестру найти. Вспоминала Даша, как часто обижала Свету, отмахивалась от ее детских вопросов, не хотела играть с ней в куклы, когда та об этом просила. И становилось ей от этого еще ужасней и тоскливее. Устала Даша, присела под какое-то дерево, плача. И вдруг увидела невдалеке, у самой земли... будто светится что-то. Встала, пошла на этот огонек, раздвинула кусты, и дух у нее захватило. Вот он, папоротник! Бросилась к нему Даша, наклонилась, видит: между резных игольчатых листьев растения горит теплым мерцающим светом цветок необыкновенный.

– Милый, милый цветочек, помоги мне, пожалуйста, прошу тебя, пусть сестренка моя найдется. Никогда я больше не буду делать глупости, никогда не буду ее обижать и называть малышкой и плаксой, только пусть с ней ничего плохого не случится. Помоги, цветочек.

Много раз повторяла Даша, всхлипывая, свою просьбу. И папоротник вдруг начал гаснуть, вокруг светлее будто стало. Даше показалось, что она знает, куда идти. Прошла она то дерево, под которым сидела, вышла на маленькую полянку и увидела молодые елочки, а выход из леса – вот он, рукой подать. Быстро пошла девочка по дороге. Шла и думала, что придет сейчас, бабушку разбудит, все ей расскажет, позовут они соседей на помощь и пойдут Свету искать. Дошла она до дома, прошла сначала в свою комнату с духом собраться, перед тем, как бабушку будить. И вдруг... Посмотрела Даша на Светину кроватку, а там Света лежит, спит себе, посапывает. «Светочка!» Даша бросилась к сестре, стала трясти ее, будить. Та заворочалась, забормотала что-то сквозь сон. Даша оставила ее, улеглась. Засыпая, с улыбкой подумала: «Вот какой папоротник волшебный, помог мне!»

Утром солнышко разбудило сестер своими теплыми лучами. Даша сладко потянулась и подскочила на кровати. Света, улыбаясь, смотрела на нее.

– Светка, ты как вернулась, как дорогу нашла? – Даша обнимала сестру, целовала ее.

– Как вернулась? Огонек меня к дому вывел, он мне в лесу дорогу показал и до самого дома довел, – улыбаясь, сказала Света.

«Папоротник!» – подумала Даша, вспомнив огонек прекрасного цветка.

– Жалко, Дашка, что папоротник мы так и не нашли. Ты ведь ему желание хотела загадать. А теперь ведь оно не сбывается, – печально сказала Света.

– Оно уже сбылось, сестренка. Самое главное, самое заветное мое желание!

И Даша снова обняла сестренку.

Положительные герои учат честности лучше, чем страх наказания

Илья Носырев

Не все сказки одинаково воспитывают в детях честность. Истории, в которых положительный герой получает награду за свою честность, прививают ребенку это качество в три раза лучше, чем те, где лжеца ждет заслуженное наказание.

«Как родители маленьких детей, мы хотели разобраться, в какой степени сказки помогают воспитывать в наших отпрысках честность», – говорит психолог Виктория Тэлвор (Victoria Talwar) из Университета Макджилл (США), один из соавторов исследования*. – Как все это действует: «в одно ухо влетело, в другое вылетело» или дети действительно усваивают моральный смысл сказок?»

Тэлвор и ее коллеги из Института изучения детей им. Эрика Джеkmана при Университете Торонто и Университета Брока (Канада) решили проверить: а что если юная поросль не делает

никаких выводов из нравоучительных историй, которые столетиями придумывали писатели и поставлял фольклор?

Чтобы оценить этическую силу сказок, ученые провели эксперимент с участием детей в возрасте от 3 до 7 лет. Каждому из малышей предлагалось определить, какая игрушка находится в руках у ведущего: последний не показывал игрушку, а только заставлял ее издавать присущий ей звук – хлопал хлопучками, гремел погремушками. В разгар эксперимента ведущий, как бы спохватившись, на минуту покидал комнату, якобы для того, чтобы принести книгу со сказками. Уходя, он строго-настрого запрещал детям подходить к столу, где лежала игрушка,

название которой требовалось угадать. Что и говорить, после того как дверь за ведущим закрывалась, искушение посмотреть на игрушку было непреодолимым: большинство детей срывались с места и подбегали к столу.

Экспериментатор возвращался, открывал книгу и начинал читать сказку. Иногда это был «Пиноккио», иногда – «Черепаша и заяц», «Джордж Вашингтон и вишневое дерево» (эта история, повествующая о поступке, который будущий первый президент Америки совершил в нежном возрасте, в США столь же популярна, как когда-то в СССР – рассказы о маленьком Ленине), а иногда – басня про глупенького пастушка, который разыгрывал окружающих, крича: «Волк! Волк!». После

* «Can Classic Moral Stories Promote Honesty in Children?» Psychological Science, July 2014.

того как дети прослушали сказку, ведущий просил их сказать правду: подошли они к столу или нет?

Исследователи, которые со студенческой скамьи привыкли верить в воспитательную силу историй, где высмеиваются лжецы и пустые фантазеры, ждали, что наибольший эффект на детей окажут «Пиноккио» и басня про пастушка. Ведь в этих историях ложь представляла кратчайшей дорогой к публичному осуждению, всяческим бедам и даже гибели. В действительности вышло совсем наоборот: ни сказка о деревянном человечке, чей нос рос каждый раз, когда он врал, ни басня о мальчике, который был съеден волками, не делали детей правдивыми ни на йоту. В воспитательном смысле они оказывались ничуть не полезнее, чем специально включенная экспериментаторами в список история о зайце и черепахе, где тема честности вообще не затрагивается.

А вот сказки, где главный герой говорил правду и этим заслуживал похвалу, оказались куда эффективнее: дети, которые их прослушали, раскаивались в содеянном и признавались в три раза чаще. Так, в истории о детских годах будущего президента Америки маленький Джорджи изрезал вишневое дерево, чтобы опробовать подаренный ему новый ножик. «Кто это сделал?» – гневно спросил отец. Джорджи хотел было солгать, что не знает, но потом вспомнил, что лгать нехорошо, и во всем со-

знался. К его удивлению, отец не только не наказал его, но даже похвалил: «Молодец! Всегда и везде говори только правду». Эта несложная и вместе с тем драматическая история (насколько непросто был выбор Джорджи, поймет каждый, кто еще не забыл собственное детство) обладала куда более сильным воспитательным эффектом, чем долгие злоключения Пиноккио.

«Наше исследование показало: чтобы воспитывать в детях моральные качества – такие, как честность, – лучше делать акцент на выгодах, которые

герой получает от них, нежели на отрицательных последствиях, которыми чреват недостаток этих черт, – говорит психолог Канг Ли (Kang Lee), один из соавторов исследования. – Думаю, что с другими моральными качествами дело обстоит точно так же». Тэлвор отмечает, что оригинальная история про Джорджа Вашингтона эффективна именно потому, что она демонстрирует, что честным быть – выгодно. Чтобы проверить свою гипотезу, исследователи поменяли концовку в этом рассказе – мальчик свалил вину на другого и, когда правда открылась, получил от отца хорошую взбучку. Эффект от этой «апокрифической» версии истории был столь же незаметным, как и от «Пиноккио».

Как признаются авторы исследования, следующая цель – установить, отражаются ли такие истории на поведении ребенка в долгосрочной перспективе. Интересно, что для самих исследователей проведенная работа имела не только теоретические, но и вполне практические последствия – они с успехом применили открытие в процессе воспитания своих детей. «Это действительно работает. Теперь я читаю детям именно такие сказки», – призналась Виктория Тэлвор.

Источник: http://www.psychologies.ru/roditeli/children/_article/polozhitelnyeheroi-uchat-chestnosti-luchshe-chem

Детское чтение: 10 лучших книг

Елена Тюленева

Принято считать, что родители должны привить детям любовь к чтению. Зачем? Мы задали этот вопрос детскому писателю, одному из организаторов фестиваля детской книги Юрию Нечипоренко и заодно попросили назвать список лучших детских книг.

HTTP://VEDTV.RU

10 лучших книг для дошкольников и младших школьников

С малых лет – читать с мамой и папой:

- 1) А.С. Пушкин – все сказки, особенно «Сказка о царе Салтане»
- 2) Корней Чуковский – все сказки
- 3) Алан Милн «Винни-Пух и все-все-все»
- 4) Алексей Толстой «Золотой ключик, или Приключения Буратино»
- 5) Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»
- 6) Редьярд Киплинг «Книга джунглей»
- 7) Джанни Родари «Чиполлино»
- 8) Ганс Христиан Андерсен «Сказки»
- 9) Джон Толкиен «Хоббит»
- 10) Астрид Линдгрен «Малыш и Карлсон»

А также русские народные сказки, рассказы и истории Льва Толстого, Шарля Перро, Бориса Житкова, Михаила Пришвина, Павла Бажова, Аркадия Гайдара, Константина Паустовского, Юрия Коваля, Сеттона-Томпсона, Джеральда Даррелла и всю детскую классику – в неограниченных количествах.

Psychologies: Правда ли, что детей обязательно нужно приучать к чтению?

Юрий Нечипоренко: Да, жить в большом городе без привычки к чтению практически невозможно. Без книг человек не освоит систему культурных знаков современного мира. Но это не значит, что читать должны все. Я знаю прекрасных людей, которые в жизни не читали книг. Я не фанат книжной культуры вообще. Вот, например, моя бабушка – я не уверен, что она много читала. Но она была святым человеком. Ей в голодные годы после Гражданской войны доверяли муку, чтобы она пекла хлеб на всех. Жили крестьянской общиной, и нужен был человек, которому можно доверять безоговорочно, который ни крошки не возьмет себе, – и моя бабушка была таким человеком. В сельской местности человек может обойтись без книг, если у него есть одна главная Книга – Библия или Коран, – или даже совсем без книги, если у него есть в душе нравственный императив. Но в городскую культуру нельзя войти без книг.

Что получит ребенок от чтения?

Ю. Н.: Современный мир сложен, и непосредственного восприятия недостаточно, чтобы его увидеть и понять. С помощью книг ребенок начинает ориентироваться в нем, понимать сложные вещи, привыкает решать непростые задачи, а не пасовать перед ними. И еще он становится личностью – он узнает других людей, учится чувствовать чужую боль и учитывать интересы других людей. В Интернете мне как-то попались слова: «Те, кто читает книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор».

Но ведь не все стремятся управлять другими?

Ю. Н.: Нет, не все. Но человек как личность хочет быть субъектом, а не объектом – в этом суть. Он хочет быть свободным, а книги открывают путь к этой личной свободе.

Как же привить нашим детям любовь к чтению?

Ю. Н.: В первую очередь – самим читать: с интересом, восторгом, развивать свой вкус к литературе и все время читать новое, делиться прочитанным: пересказывать сюжеты, описывать свои впечатления. Читать вместе с ребенком – и даже не с первых лет, а с самых первых месяцев его жизни! Чтобы книга стала такой же привычной и необходимой, как погремушка, как игрушка – но только очень интересная игрушка, за которой открываются целые миры. Читать вслух, с выражением.

«Я не педагог по роду занятий и не могу рекомендовать то, чего сам не читал, – говорит Юрий Нечипоренко. – Пото-

справка

Всероссийский фестиваль детской книги состоится с 1 по 3 ноября 2014 года в Российской государственной детской библиотеке.

В программе – ярмарка детских книг, мастер-классы по созданию книги и иллюстраций к ней, круглые столы, книжные и электронные презентации, творческие мастерские для начинающих писателей и художников, выставки книг и детская читательская конференция, в ходе которой юные читатели обсудят самые яркие книги, изданные за последние два года.

Адрес Российской государственной детской библиотеки: Москва, Калужская площадь, д. 1 (ст. метро «Октябрьская»)

му многие книги остались за бортом. К тому же не называю здесь книги ныне здравствующих авторов, скажем, Джеймса Олдриджа и Софьи Прокофьевой, Юнны Мориц и Андрея Усачева. Вы также можете познакомиться со списками лучших книг для детей, составленными экспертным жюри Всероссийского фестиваля детской книги».

Источник: http://www.psychologies.ru/roditeli/children/_article/detskoe-chtenie-10-luchshix-knig/

10 лучших книг для школьников среднего и старшего возраста

- 1) Марк Твен «Приключения Тома Сойера»
- 2) Роберт Льюис Стивенсон «Остров сокровищ»
- 3) Льюис Кэрролл «Алиса в Стране чудес»
- 4) Юрий Олеся «Три толстяка»
- 5) Джером Сэлинджер «Над пропастью во ржи»
- 6) Александр Дюма «Три мушкетера»
- 7) Валентин Катаев «Белеет парус одинокий»
- 8) Даниэль Дэфо «Робинзон Крузо»
- 9) Лев Кассиль «Дорогие мои мальчишки»
- 10) Данте Алигьери «Новая жизнь»

Еще – Оскар Уайльд, Жюль Верн, Ярослав Гашек, Конан Дойл, Фенимор Купер, Ивлин Во, Олдос Хаксли, Клайв Льюис, Честертон, Толкиен, О.Генри и вся классика – без ограничения.

Кто на новенького?

Елена Беркович
семейный психотерапевт

Начало учебного года на носу, и вашему ребенку предстоит сменить школу или класс. Это, конечно, всегда тревожно, но с другой стороны – прекрасная возможность самореализации! Ведь для новенького мир предстает в виде шведского стола – можно выбирать новых друзей, секции, любимый предмет и свое собственное поведение и роль в новом коллективе. Очень важно настраивать ребенка на лучшее, при этом непременно обращая внимание на некоторые трудности, которые могут встретиться на этом пути.

КАК ПОМОЧЬ РЕБЕНКУ

Помимо мира новых возможностей, новенький может столкнуться с разнообразными проблемами. Например, обнаружатся различия в учебной программе, совсем другие требования со стороны учителей, устоявшийся коллектив, который не готов принять «чужака», в конце концов «неписанные правила», к которым нужно присмотреться и освоить. «Ловушек» много, но все-таки помочь ребенку адаптироваться на новом месте учебы родителям вполне по силам.

1. Поговорите с ребенком, расскажите, что отношение к новенькому зависит от него самого: как он себя поведет, с какой стороны покажет. В момент знакомства с классом лучше не замыкаться и не суетиться, пытаюсь понравиться всем сразу, нужно вести себя достойно (быть собой, вести себя так, чтобы потом не было стыдно).

2. Поделитесь собственным опытом, расскажите, как вы смогли найти свое место в новом коллективе, когда ездили отдыхать в летний лагерь, например, или пришли на первое место работы, и так далее.

3. Напомните ребенку, эта ситуация дает возможность начать все с чистого листа, то есть «стать» и «быть» тем, кем ему хочется. Поэтому полезно будет подумать, какую роль он хочет занять в новом коллективе, чего ждет от новых знакомств.

4. Чтобы быстрее влиться в коллектив, придется включить внимание: понаблюдать за характерами одноклассников, их взаимоотношениями между собой. Эта информация поможет ему сориентироваться.

5. Посоветуйте ребенку не впадать в крайности. Понятно, что хочется, чтобы тебя побыстрее приняли в коллектив, но не нужно быть очень покладистым или слишком агрессивным. Один и другой путь проигрышный. В первом случае легко можно стать «мальчиком для битья», а во втором – не будут трогать, но скорее всего и не будут уважать.

6. И еще подскажите, что нужно быть активным, поговорить с ребятами, начать можно с соседа по парте. На перемене хорошо бы подойти к учителю с вопросом по программе. Попросить о помощи, без фанатизма, конечно, но это даже польстит, если спро-

сить кого-нибудь из одноклассников (кто уже вызвал симпатию), как найти кабинет, после какого урока завтрак, кто староста класса.

Помните, что в знакомстве очень помогает улыбка и позитивный настрой.

СВОЙ VS ЧУЖОЙ

Оказаться новеньким в устоявшемся коллективе (будь то школьный класс, институтская группа или коллектив на работе) – это в любом случае стресс, проверка личностных качеств, настоящий экзамен на готовность идти на компромисс, умение отстаивать себя.

Новенький боится (тревожится) идти в новый класс, потому что понятия не имеет, что в нем за люди, по каким правилам они живут и что от него потребуется. Но если посмотреть на ситуацию глазами коллектива (школьного класса), то каждый ученик точно также побаивается новенького, в голове возникают похожие вопросы: кто он, чего от него ждать, что теперь будет?

Отторжение «чужака» – это нормальная реакция. Ведь у обеих сторон цель побыстрее узнать, прощупать

друг друга, чтобы избавиться от не определенности и тревоги. Именно поэтому новые одноклассники порой создают такие ситуации, в которых человек сможет проявиться. А именно: провокации, подколы, приставания, розыгрыши.

Благодаря реакциям новенького всем станет понятно, как он относится к себе и другим, насколько может за себя постоять, что вообще собой представляет. Именно тогда ситуация проясняется, тревога и страх отступают.

ИНТЕРЕСНО

- Адаптация происходит у всех по-разному. У кого-то она занимает неделю, у других пару месяцев, а кому-то может потребоваться полгода или больше. Медлительные, спокойные, чувствительные дети, как правило, сложнее привыкают к изменившимся условиям. Таким детям лучше не менять обстановку в ответственные периоды (в середине младшей школы и в начале девятого класса), так как очень много сил будет потрачено не на успешное обучение и подготовку к экзаменам, а на то, чтобы привыкнуть, разглядеть, приноровиться. В связи с этим нагрузка может оказаться чрезмерной.
- Новый человек – подарок для всего класса! Потому что новички всегда несут в себе новые черты, ресурсы, энергию, разнообразие, наконец. Вполне возможно, что это чей-то новый друг, а может быть, и чья-то любовь!

СОВСЕМ НОВЕНЬКИЙ

- Ваш ребенок – первоклассник?! Помимо портфеля, одежды и учебников ему понадобится правильный настрой. Как психологически подготовить ребенка к появлению в школе?
- Подбадривать и поддерживать в своем малыше желание стать школьником. И лучше начать этим заниматься задолго до первого сентября.
- Играть вместе с ним «в школу». Помимо приятных эмоций от совместно проведенного времени это занятие придаст уверенности в себе вашему сыну или дочке, подскажет примерную «схему» поведения в пока еще незнакомой школе.
- Ввести дома школьный режим. За две, а еще лучше за три недели до первого сентября.

ФОТО: © MONKEY BUSINESS IMAGES / ФОТОБАНК ЛОРИ

- Обсудить с ребенком те правила и нормы, с которыми он встретится в школе. Их необходимость и целесообразность придется понятно объяснить: почему нужно слушать учителя, для чего существует перемена и так далее.
- Ввести в жизнь ребенка новые права и обязанности. Например, школьник уже может сам убирать в своей комнате, забирать из детского сада младшую сестру, мыть посуду, кормить рыбок или гулять с собакой. Новые «взрослые» обязанности помогут вашему ребенку почувствовать, что его жизнь изменилась.

НА НОВОМ МЕСТЕ

А: можно и нужно задавать вопросы. Школьнику, вчерашнему студенту и опытному профессионалу требуется некоторое время и информация, чтобы сориентироваться, познакомиться, войти в курс дела.

В: надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. Не стоит рассчитывать, что новенького сразу примут с распростертыми объятиями. Если это произойдет – прекрасно, нет – стоит самому проявлять инициативу, общаться, пытаться расположить к себе.

С: со своим уставом в чужой монастырь. Для начала нужно разглядеть и освоить правила, принятые в коллективе, и только потом пробовать что-то привнести свое.

Будь Здоров

Клиники компании ИНГОСТРАК

Москва, ул. Суцёвский Вал, д. 12
klinikabudzdorov.ru
Тел.: (495) 782-88-82, (495) 663-03-03
ежедневно, круглосуточно

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ АДРЕСОВАН ВСЕМ, КТО ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ ИЛИ ПО ВЕЛЕНИЮ ДУШИ БЕРЁТ НА СЕБЯ ЗАБОТУ О РЕБЁНКЕ, ПОПАВШЕМ В БЕДУ

В журнале освещаются вопросы практической защиты тех прав детей, которые очерчены рамками Конвенции ООН о правах ребёнка, ратифицированной Россией:

- право на семью (развитие форм семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, — опеки, усыновления, приёмной семьи, патронатной семьи и др.);
- право на выживание и здоровое развитие, на отдых и досуг, на участие в культурной жизни;
- право на родной язык и религию;
- право на образование;
- право на жилище;
- право на защиту от жестокого обращения и помощь пострадавшим от всех видов физического или психического насилия;
- право на защиту от сексуальной эксплуатации и совращения;
- права воспитанников сиротских учреждений;
- права выпускников сиротских учреждений;
- право детей-инвалидов на заботу и защиту со стороны общества;
- права детей, совершивших преступления;
- права детей беженцев и мигрантов;
- правовое воспитание детей, включая воспитание толерантности.

Мы не декларируем эти права, а ищем пути их практического обеспечения. Прослеживая выполнение или невыполнение этих прав, мы постоянно осуществляем мониторинг российского детства и через журнал знакомим с результатами читателей.

Подписной индекс 37298 по каталогу Роспечати.

Можно подписаться на один кварталный номер до 10-го числа последнего месяца каждого квартала.

На наших страницах выступают юристы, правозащитники, психологи, педагоги, социальные работники, врачи, сотрудники прокуратуры, милиции, органов ЗАГС, судьи и адвокаты, журналисты, писатели, политики и, конечно, родители и сами дети. Наша задача — объединить их усилия, вооружить читателей правовыми знаниями, сделать журнал центром информации и обмена опытом. Ведь не только бюджетные деньги сейчас нужны детям. Мы стараемся максимально помочь нашим читателям в их борьбе за детские права, постоянно разъясняя, как лучше воспользоваться уже существующими законами, и обсуждая вместе с ними готовящиеся к принятию. Журнал получает информацию из первых рук от региональных уполномоченных по правам ребёнка и постоянно отражает на своих страницах их деятельность. Журнал сегодня — это центр действенной помощи детям-сиротам, детям-инвалидам, бездомным детям, детям-беженцам и мигрантам, наркоманам и алкоголикам, детям, пострадавшим от насилия, малолетним правонарушителям, находящимся в спецшколах и колониях. На страницах журнала публикуется опыт и других стран и международных организаций по защите прав детей, применимый к условиям России, в частности материалы ЮНИСЕФ и Совета Европы.

Наши подписчики — государственные органы, занимающиеся проблемами детей в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения и культуры, сотрудники пенитенциарных учреждений, органов внутренних дел, общественные организации, работающие на благо детей, органы опеки, библиотеки, школы, детские сады, сиротские учреждения и, конечно, родители и дети-подростки. Наш журнал — для неравнодушных, бескорыстных и энергичных, понимающих, как опасна сложившаяся ситуация с детством для будущего России и для каждого из нас.

